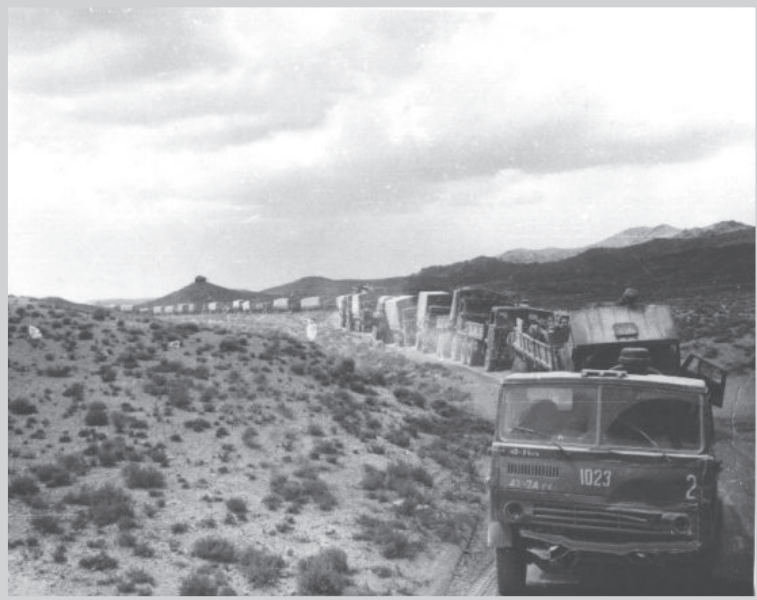

Время выбрало нас

выпуск 2

25-летию вывода советских войск
из Афганистана посвящается

В России всегда были времена, когда её сыновья с оружием в руках за рубежами Родины защищали её интересы. Недаром памятники россиянам стоят по всей Европе и по многим азиатским и иным странам.

Одной из таких кампаний, которая ещё свежа в памяти последних поколений, стала афганская война. И сегодня, после ухода американцев и европейцев, уже стало ясно, что пребывание в Афганистане советских войск, помощь нашей страны в немалой степени носили созидательный характер. Если на территориях, освобождённых от талибов российскими солдатами, организовывались школы, больницы, появлялись зачатки экономики, то после исчезновения западных войск в разрушенном Афганистане племена, исповедующие радикальный ислам, объединяются с ИГИЛ, терроризируют население и грозят уничтожением всей Средней Азии.

Поэтому так важно для нас иметь крепкую историческую память и знать о подвигах ребят, защищавших покой не только афганцев, но и россиян в Афганистане. Поэтому серия книг о судьбах героев будет продолжена, и мы, томичи, узнаем ещё о многих своих земляках, достойных почёта и уважения.

Чингис АКАТАЕВ,
заместитель губернатора Томской области

Время выбрало нас

ВЫПУСК 2

25-летию вывода советских войск из Афганистана посвящается

В небе важны психологическая совместимость и стопроцентное доверие (Сергей Бабовский)	4
Всё важно на войне... (Игорь Бачиш)	8
Забывать Афганистан невозможно (Владимир Васильев)	11
Мы просто выполняли свой долг (Олег Декин)	15
Любой мужчина должен пройти через армию, но не дай ему Бог пройти через войну! (Сергей Дорохин)	18
Там рождалась настоящая мужская дружба (Игорь Киселёв)	21
«У душманов стоим на пути, Хоть нам нет ещё двадцати...» (Сергей Кобзарев)	24
Без героизма и романтики (Александр Кондратьев)	27
«Война научила ценить жизнь» (Виктор Кошкоров)	31
Мы без дел скучаем редко (Андрей Куценко)	36
Руки и сердце (Дмитрий Максимихин)	42
По обе стороны границы (Сергей Мясников)	46
На войне всё честно (Алексей Наумов)	49
Десантник без парашюта (Александр Никифоров)	53
«Кто, если не я?» (Юрий Панов)	57
Юность, опалённая войной... (Владимир Петров)	61
«Жалеть нам не о чем» (Владимир Прытков)	65
Снайперы бьют от солнца (Андрей Разумов)	69
Афган: память хранит всё (Алексей Родиков)	75
Сапёр на войне – первый человек (Алексей Саиспаев)	77
Крылатая пехота (Александр Сорока)	83
Горы, которые всегда с тобой (Сергей Томшин)	87
Горы не прощают ошибок (Валерий Черкашин)	95
Помни корни свои (Николай Шамин)	100

Томск
2016

Сергей Николаевич Бабовский родился в 1963 году в селе Петровка Кривошеинского района Томской области. Окончил Жуковскую восьмилетнюю школу, затем – Кривошеинскую среднюю школу, в 1980 году. После окончания школы он принял решение учиться в Кемеровском авиационном центре. После успешного обучения Сергей Бабовский получил специальность пилота-механика вертолёта «Ми-1», и ему было присвоено звание сержанта запаса. В ноябре 1982 года был определён в Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков на должность слушателя офицерских курсов. Через год Сергей Бабовский становится пилотом-техником вертолёта «Ми-8» с присвоением звания лейтенанта.

За время службы в Афганистане в 1984–1985 годах лейтенант Сергей Бабовский совершил 902 вылета, из них – 762 боевых. Время налёта в Афганистане составляет 600 часов 27 минут (налёт же за всю службу в рядах Вооружённых Сил – 1962 часа 50 минут). Имеет награды: орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медали «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», «70 лет Вооружённых Сил СССР» и другие.

В небе важны психологическая совместимость и стопроцентное доверие

А всё началось, как считает Сергей, уже в школьные годы – с увлечения авиамодельным спортом. Участвовал в областных, зональных соревнованиях, в 1980 году – в первенстве России. Получил спортивные разряды. После соревнований в Калининне спортсмены, имеющие 1 разряд, были рекомендованы для поступления в Московский авиационный институт. Но он выбрал Кемеровский авиационный центр. После вернулся в Жуково, работал в совхозе. В апреле 1982 года был призван на сборы в город Бузулук Оренбургской области, где освоил новый вертолёт – «Ми-4», и по истечении трёх месяцев получил специальность пилота-техника с присвоением звания младшего лейтенанта запаса. Написал рапорт о готовности служить в любой точке Советского Союза. С этого времени началась его офицерская жизнь. В ноябре 1982 года был определён в Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков на должность слушателя офицерских курсов. Программа была направлена на изучение вертолёта «Ми-8» – во-

оружения, боевого применения; тактики, специальных предметов. Полгода было посвящено теории, а другие полгода слушатели провели в учебном полку в городе Пугачёве – отрабатывали навыки боевого применения (фотострельбы). Ровно через год, в ноябре 1983-го, Сергей Бабовский становится пилотом-техником вертолёта «Ми-8» с присвоением звания лейтенанта.

По распределению поехал в Забайкальский военный округ, в Читу. Затем было назначение для дальнейшего прохождения службы в транспортно-боевой полк в/ч 21812 в город Нерчинск Читинской области.

Когда лейтенант Бабовский прибыл на место службы в транспортно-боевой полк Забайкальского военного округа, он уже знал, что надолго здесь не задержится. Разговоры об Афганистане, о происходящих там событиях возникали всё чаще. Для выполнения интернационального долга (а именно так официально объяснялось присутствие в этой жаркой стране ограниченного контингента советских войск) требовались

квалифицированные военные кадры. К тому времени, несмотря на свою молодость, он был уже опытным пилотом. Прекрасно помнит, как построили их, зачитали списки, а затем приказали сделать шаг вперёд тем, кто по каким-то причинам не может лететь в Афган. Вышел только один человек. Другие посчитали, что отказаться стыдно, не по-мужски. Хотя у Сергея были все основания не ехать в горячую точку – недавно женился, они с женой ждали ребёнка... Через несколько месяцев он уже выполнял интернациональный долг в Афганистане, в Кундузе, где отслужил год.

К Афганистану их готовили тщательно, скрупулёзно. Сначала в Торжке, потом в Кагане под Бухарой, где располагался учебный транспортно-боевой полк. Занимались подготовкой бомбометания с больших высот – с 2000–2500 метров. С каждым днём приходило осознание, что они готовятся к чему-то серьёзному и от их подготовки зависит многое, в том числе и жизнь – и собственная, и товарищей.

Боевая пара, экипажи на сопровождении Ми-6. Кабул, 1985 год

Было ли страшно перед этой неизвестностью? Наверное. Не случайно он написал (на всякий случай) перед своим отъездом прощальное письмо жене. А через год, когда вернулся, прочитал и порвал. И поразился, что она не прочла его, так как уехала на время его отсутствия на Дальний Восток к родителям. Дочь родилась, когда он был в Афганистане.

Первое впечатление от этой страны – страшная, испепеляющая жара, которая ему, сибиряку, была непривычна, от которой всё время хотелось укрыться. И ещё – раскинувшаяся до самого горизонта выжженная

пустыня с редкими вкраплениями зелёных насаждений, и горы – красивые и в то же время опасные.

Эскадрилья, сформированная на базе двух частей, прибыла в Кундуз в полк 70419 под командованием Вячеслава Михайловича Письменного. Пятого февраля 1986 командиру присвоили звание Героя Советского Союза. В первый же день заселили в дощатые модули, а уже после обеда стали выдавать оружие.

– Выдача оружия показалась необычной, не как в Союзе, – рассказывает Сергей Бабовский. – Нас завели в оружейку, где мы сами выбирали оружие –

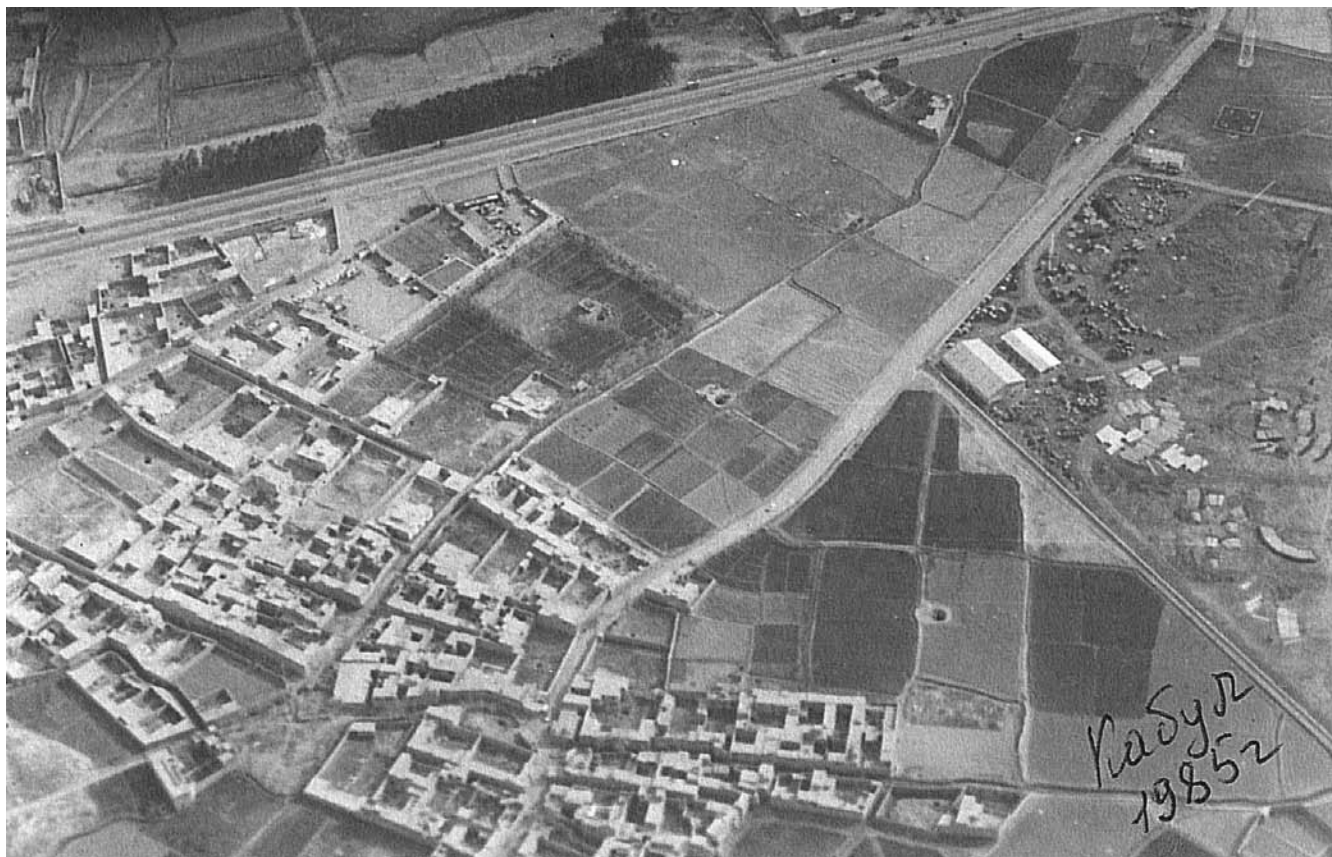

Лейтенант Сергей Бабовский. Кабул, 1985 год

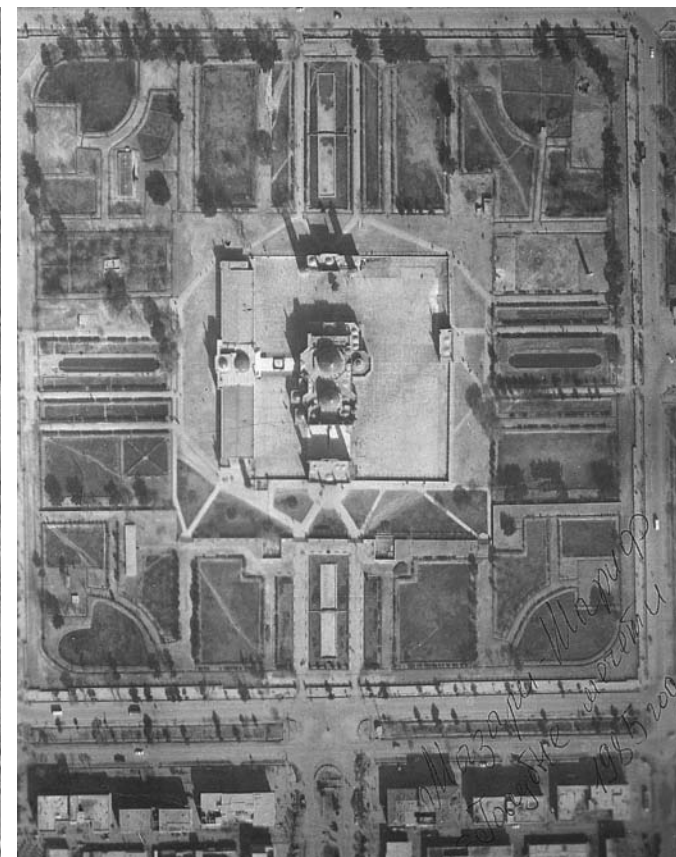
кто-то хотел ТТ, которых было очень мало, остальным достались ПМ и автоматы АКСУ. Потом оружие, как полагается, записывали в удостоверение. На следующий день на стрельбищах опробовали его. Настрелялись от души! Вернулись только к вечеру.

Когда его спрашивают, какие подвиги совершал он на этой войне. Сергей пожимает плечами:

– Да, никаких особо. Просто летал, работал, выполнял свой долг. Старался не кривить душой, не поступаться совестью. Вообще на войне все человеческие качества как под увеличительным стеклом

Аэрофотосъёмка для рекогносцировки местности. Кабул, 1985 год

Мазари-Шариф, Голубая мечеть. 1985 год

просматриваются. Всё хорошее и всё плохое моментально всплывает. Помню, раз попали в обледенение, и вертолёт стал «сыпаться», командир дал команду включить систему, предотвращающую обледенение, а борттехник в это время начал надевать парашют, чтобы прыгнуть в случае чего... ПОС включили, всё закончилось благополучно. Потом, уже на земле, спросили бортача, действительно ли он выпрыгнул бы. Ответил утвердительно. С тех пор мы с ним больше не летали – пришлось ему перейти в другой экипаж, а у нас появился новый борттехник. Вот так. Слётанность экипажа – это прежде всего психологическая совмес-

тимность, стопроцентное доверие. На это обращалось серьёзное внимание. И если внутри происходили какие-то трения, то делали перетасовку.

Из-за специфики военной специальности с местным населением контактировать практически не пришлось. На память приходят всего несколько эпизодов. Например, разговор с совсем ещё молодым начальником ГЭС «Пули-Хумри», у которого было три жены и семнадцать (!) детей.

– Я спросил, как он их всех запоминает, – смеётся Сергей Николаевич. – А он мне отвечает, что только старших и помнит в лицо и знает по именам, а

остальных встретит на улице – не узнает! А ещё был такой случай. Раз начальник царандоя (местной милиции) подарил нам лукошко яиц. А нам было строго-настрога наказано: никаких даров от местных жителей не принимать. Но, тем не менее, взяли мы это лукошко и решили сделать яичницу. Кто-то из ребят стал отговаривать – мол, вдруг яйца отравленные. А я подумал: это сколько же времени надо потратить, чтобы каждое яйцо проткнуть шприцем да яд влить? Короче говоря, съели мы яичницу из тех яиц, и остались живы. Вообще, я ещё там заметил, что излишняя мнительность только вредит. Не секрет, что в

Афганистане тогда очень распространён был гепатит. Как ни странно, чаще заболевали им именно те, кто больше всех опасался. И наоборот. Мне повезло: и не ранило ни разу, и гепатит не подхватил. Правда, может, «верблюжья колючка» помогла – растение такое, которое регулярно заваривали и пили как чай.

Помимо выполнения основных боевых задач два месяца подряд летали на целеуказание. С Кундуза взлетала наша пара (боевая единица – два вертолёт), летела до Мазари-Шарифа, где садился разведчик. Согласно координатам наводчика, производилось целеуказание, для этого сбрасывалась осветительная бомба. Расчётное время обычно было 12.00. К этому времени из Союза подходили истребители-бомбардировщики и отрабатывали

цель, мы в это время находились над целью, выполняли задачу ПСО (поисково-спасательное обеспечение). Сергей Николаевич вспоминает, что иногда приходилось использовать бомбы аж 1946 года выпуска.

После возвращения из Афганистана продолжил службу в в/ч 21812, с 1986 года в Южной группе войск в Венгрии, с 1991 года – в Дальневосточном военном округе. Уволен в запас в 1994 году в звании гвардии капитана.

В настоящее время работает авиационным техником вертолёт R-44 «Робинсон» в частной компании, занимающейся перевозкой пассажиров, грузов, вылетами по санзаданию (скорая помощь), обслуживанием газо- и нефтепроводов. Является

председателем Кривошеинского районного отделения Томской региональной организации Российского общества ветеранов Афганистана.

– Много всего было на той войне, – подытоживает свой рассказ Сергей Бабовский. – И товарищей приходилось терять, и что-то переоценивать в своей жизни. Меня часто спрашивают, как я теперь отношусь к тем афганским событиям. Разумеется, с высоты прошедших лет понимаешь, что ввод наших войск – это решение, по сути, трёх человек. Мы должны были там только присутствовать, чтобы охранять свои рубежи. Но потом втянулись в военные действия. Правильно, неправильно это было – пусть размышляют историки, политики. А мы – военные люди – выполняли приказ!

Высота 1200 м. Кундузская операция. Июль, 1985 год

Игорь Николаевич Бачиш родился в 1967 году в селе Нарым Парабельского района Томской области. Отучился год в шпалозаводской средней школе, затем вместе с родителями в 1975 году переехал в посёлок Мыльджино Каргасокского района. После окончания восьмилетки продолжил образование в шпалозаводской школе. В 84 году, получив аттестат о среднем образовании, попытался поступить на факультет физической культуры в пединститут, но не прошёл по конкурсу. Поступил на десятимесячные курсы по специальности «тракторист-водитель» в Парабельское СПТУ, которые окончил в 1985 году. Отработал 8 месяцев водителем, после чего был призван в ряды Советской Армии в апреле 1986 года. Прошёл подготовку в учебном центре в Нагорном Карабахе, затем был отправлен в Чирчик под Ташкент, и уже оттуда – в Афганистан. С августа 1986 по апрель 1988 проходил службу в 186-м отдельном отряде спецназначения, входящем в состав 22-й бригады, который дислоцировался в населённом пункте Шахджой. Служил водителем. Сначала обеспечивал подвоз питьевой воды, а через год возглавил отделение бензовозов.

Из армии демобилизовался 3 июня 1988 года в звании младшего сержанта. Награждён юбилейными медалями. После окончания службы работал в Каргасокском леспромхозе, затем устроился в Газпром по линии МЧС в военизированную пожарную охрану. После реорганизации службы был назначен на должность заместителя начальника по техническому обеспечению. Заочно окончил Томский лесотехнический техникум. Женат, имеет двоих детей. В настоящее время является председателем Каргасокского районного отделения Томской региональной организации РСВА.

Всё важно на войне...

Буквально через пять дней после призыва Игорь в числе других новобранцев был отправлен в учебный центр в Нагорный Карабах, в город Степанакерт. Территория учебки находилась в историческом месте: именно там в дореволюционное время дислоцировалась часть царской армии.

Водителей готовили очень серьёзно: и маршброски, и теория, и практическое вождение в условиях горной местности, и прочие военные тонкости, которые должен знать военнослужащий. Игорь навсегда запомнил имя своего первого командира, и потом, уже на войне, несчётное количество раз мысленно благодарил его за требовательность, строгость и за науку не пренебрегать никакой мелочью в боевой обстановке. Он, Александр Сашинский, сам прошедший Афган, не скрывал от них, желторотых юнцов, что впереди их ждёт трудная задача.

– Хотя вас готовят водителями, но при распределении на месте неизвестно, кем вы будете, куда вас

пошлют, – часто повторял он, призывая не пренебрегать никакими военными навыками.

Четыре с половиной месяца в учебке стали хорошей школой. А в августе через Баку ребят отправили под Ташкент – в Чирчик. 4 августа 1986 года самолёт, на борту которого находился и Игорь Бачиш, вылетел из Ташкента в Кабул.

– В пересыльном пункте в Кабуле мы находились недолго – дня три-четыре, – вспоминает Игорь Николаевич. – Потом нас поделили по командам. – человек по 50 – и отправили в Кандагар. Уже оттуда перебросили за 140 километров в уезд Шахджой в провинции Забул, где дислоцировался 186-й отдельный отряд спецназначения, входящий в состав 22-й бригады. В её составе было 4 отряда. С августа 86-го по 24 апреля 88-го года я и проходил службу в составе этого подразделения в качестве водителя.

Игоря определили на автомобиль подвоза питьевой воды. Поначалу его это сильно задело и

даже обидело. Как же так? Кого-то посадили за руль боевой машины, а он должен быть водовозом?

И лишь потом, спустя годы, он понял, что и он сам, и его машина выполняли задачу стратегическую, ибо вода в пустынной местности под беспощадным палящим солнцем олицетворяла саму жизнь. И вообще – не было на той войне задач главных и второстепенных. Они все были одинаково важными и жизненно необходимыми.

Тем более, что до артезианской скважины, находившейся на высоте, добираться было непросто, требовались осторожность и водительский опыт, ведь вражеские снайперы не дремали.

Шахджой располагался в непосредственной близости от Пакистана.

Разведчики их бригады постоянно находились в боевых выходах – пеших и механизированных. За ними была закреплена определённая территория – провинция Заболь. Два раза в день

Июнь 1988 года. Демобилизация

Шахджой. Осень 1986 года

совершались облёты досмотровых групп силами 205-й отдельной эскадрильи, целью которых был контроль передвижения транспортных средств, караванов, пеших групп со стороны Пакистана. Если возникала необходимость, то из засады они уничтожали караваны, колонны. Иногда разведгруппе приходилось сидеть в засаде по трое-четыре суток.

– Бывало так, – рассказывает Игорь Бачиш, – что моджахедаы прогоняли сначала отару овец на том месте, где предполагали какую-то засаду. И

наши разведчики частенько, чтобы не выдать себя, пропускали эту отару, дожидаясь каравана. Несмотря на то, что ребята у нас были очень опытными и профессиональными, одна из разведгрупп почти полностью погибла. Двое из ребят посмертно получили звание Героя Советского Союза. А дело было так. Появились данные, что должна пройти механизированная колонна со стороны Пакистана. Ушли на броню, сделали отвлекающий манёвр, скрытно ночью в пыли высадились, заняли определённую точку, где должна была пройти пред-

полагаемая колонна. Это была уже территория Пакистана (границы как таковой не было). Колонну встретили, остановили, уничтожили, но в это время из Пакистана шёл ещё один отряд, переодетый в советскую форму. Он шёл на афганскую колонну, которая должна была пройти. С рассветом группу нашу из 16 человек обложили. Подтянули из кишлака пушки. Наши постарались прийти к ним на помощь, но запоздали. 16 ребят погибли, в живых остались лишь четверо, находившихся на возвышенности.

Игорь Бачиш справа. Шахджой. 1987 год

Когда через год демобилизовался старший призыв, Игорь возглавил отделение бензовозов. В его подчинении было семь человек. Он отвечал за людей, за исправность машин, за своевременное обеспечение топливом. Работа, с одной стороны, обычная, даже рутинная, но с другой – очень опасная. Ведь бензовозы в первую очередь попадали под прицел. Частенько приходилось попадать и в засады, и под обстрелы...

– Специфика была такая, что если куда-то шли с бронёй, то передвигались ночью по пустыне без фар, – продолжает свой рассказ Игорь Николаевич. Пылища, видимости никакой, ориентировались на звук, опирались на собственное чутьё. Скорость меньше 20 км. Местность пересечённая: барханы, ямы...

Игорь Николаевич вспоминает, что у них довольно часто возникали проблемы с обеспечением.

Колонны с продуктами и прочим необходимым приходили к месту их дислокации раз в 4-6 месяцев. Их нужно было подстраховать, обеспечить им безопасность. Что могли, забрасывали вертолётами. Вертолёты летали на пределе – 8 метров над землёй, чтобы не быть перехваченными стингерами (американскими переносными зенитно-ракетными комплексами, предназначенными для поражения низколётных воздушных целей). Однажды практически на его глазах произошёл трагический случай, когда экипаж вертолёта «Ми-6» не переставил высотомер и при посадке врезался в землю. Перед этим вертолёт садился в точку, которая была значительно ниже уровня моря.

24 апреля 1988 года подразделение, где служил Игорь Николаевич, одним из первых снялось с места для выхода из Афганистана. Сначала ушла эскадрилья, а потом уже и все остальные двинулись в путь. Выход был очень беспокойным. Никто не знал, как поведут себя моджахеды, как они будут реагировать на прохождение первой колонны.

Подрывы, обстрелы были на всём пути следования. В одном месте даже пришлось изменить маршрут: поступили разведданные, что некие силы готовятся встретить колонну советских войск. По минному полю шли одной колеёй. Отступление даже на 10 см грозило подрывом. 27 апреля, в День Афганской революции, пришлось стоять на Тёплом Стане в Кабуле, чтобы избежать лишних диверсий и провокаций. Затем обеспечивали отход других подразделений. Границу пересекли лишь 29 мая 1988 года...

Вот так и закончилась для него она – эта война... На всю жизнь запомнил он своих боевых товарищей, связь с которыми поддерживается и по сей день, своих командиров, так многому научивших и своей требовательностью наверняка сохранивших и ему, и многим его сослуживцам жизнь. А ещё эта война помогла усвоить навсегда, что любое дело надо делать честно, на совесть.

Владимир Моисеевич Васильев родился в 1957 году в деревне Петрово Томского района. Учился в Дзержинской средней школе, активно занимался спортом. До призыва в армию работал электрокарщиком на Томском манометровом заводе. В 1977 году был призван в ряды Вооружённых Сил, в 103-ю Гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Через два года решил остаться на сверхсрочную службу. В августе 1979 года был направлен в школу прапорщиков в город Гаджунай. С декабря 1981 по декабрь 1983-го проходил службу в Афганистане. После возвращения продолжил службу в 106-й воздушно-десантной дивизии в Туле. В 1989 году поступил в Тульский государственный педагогический институт им. Л.Н. Толстого и закончил его в 1993 году (специальность – учитель физической культуры). В Томск вернулся в 2000 году. Работал в ДЮСШ №3, затем – МОУ «Дом детского и юношеского туризма Томского района» и МБОУ ДОД «Копыловский п/к Одиссей». В 2006 году создал военно-патриотический клуб «Синева». В настоящее время является председателем Томского районного отделения Российского Союза ветеранов Афганистана.

Забывать Афганистан невозможно

«Нельзя бояться»

В отличие от многих из тех, кого судьба забросила в Афганистан, Владимир Моисеевич к тому времени уже не был зелёным новобранцем. Да и решение об отправке в зону боевых действий принимал самостоятельно. На вопрос «было ли страшно» он отвечает вопросом – а идти по заснеженному полю, когда за тобой следит пристальный взгляд сидящих в некотором отдалении рысей, не страшно? И действительно – так уж сложилось, что жизнь Владимира Васильева никогда не была лёгкой. Ещё младшим школьником он перенёс двустороннее воспаление лёгких, давшее осложнение на сердце. Целый год провёл в больнице, после выхода из которой был освобождён от физкультуры и имел все «шансы» стать ребёнком болезненным и слабым. Но мириться с таким положением не захотел: упорно занимался лечебной физкультурой, и через год был признан здоровым, после чего записался во все возможные секции – лёгкой атлети-

ки, самбо, спортивного ориентирования, футбола... Приехав в один из дней в город, увидел объявление о записи в секцию бокса и не раздумывая откликнулся, хотя ездить было не близко – занятия проходили в спорткомплексе «Динамо». Будучи школьником, стал кандидатом в мастера спорта и побеждал на соревнованиях районного и областного уровня среди взрослых. После окончания школы собирался стать студентом Омского института физкультуры, но к зачислению на дневное отделение его документы опоздали. Устроился на манометровый завод электрокарщиком, познакомился с уже отслужившими в армии ребятами, среди которых были и десантники. От них и «заразился» мечтой о службе в ВДВ.

– В том, что мне надо идти в армию, я даже не сомневался – у меня все старшие братья служили, мать всю войну прошла, от Сталинграда до Берлина. Один дед погиб, другой пришёл с войны инвалидом... И я решил послужить. А чтобы наверняка попасть в ВДВ,

мы с Колей Кучумовым заранее пошли в ДОСААФ. Но оказалось, что курсы уже заканчиваются – нужно было или ждать следующего набора или сразу, без подготовки, ехать на прыжки. Конечно, мы выбрали второе!

Прыжок с парашютом без подготовки обернулся тем, что над нашим героем в небе раскрылись сразу два парашюта – и основной, и запасной. Прыгали зимой, в снег провалились по пояс. А потом налетел ветер и потащил парашютистов по полю, вдаль от оставшихся в сугробе валенок. Но на решимость служить в ВДВ такое курьёзное начало никак не повлияло.

– В 1977 году нас забрали в армию, – рассказывает Владимир Моисеевич. – Я попал в 103-ю Витебскую воздушно-десантную дивизию, в батальон связи. Почему в связь? Никакого отношения я к ней не имел, просто там нужны были люди здоровые, сильные. Тогда ведь никаких мобильных телефонов не было – были переносные радиостанции. Командир дивизии прыгает, а с ним два связиста – чтобы сразу, как только комдив приземлится,

18 апреля 1983 года. После прохождения проверки на знание Устава ВС СССР

у него была связь. Я и в армии продолжал заниматься боксом, занял второе место в дивизии. Отслужил два года и решил остаться в армии — понравилась Белоруссия, девушка появилась... Моя будущая жена работала в Доме офицеров, я там пел в хоре, а она вела кружок аккордеона и нам подыгрывала. Перед тем, как остаться на сверхсрочную, съездил домой, там и свадьбу сыграли. А после возвращения отправился в школу прапорщиков. Окончил её в феврале 1980-го, а в декабре 1979-го нашу дивизию подняли по тревоге и отправили в Афганистан. Дивизия улетела посадочным способом, а

штабы, склады, техника, требующая постоянных регламентных работ, — всё осталось здесь. И я до декабря 1981 года тоже оставался в Союзе. Мы находились на казарменном положении — отлучиться из части было нельзя. Загружали склады, отправляли нашим грузы, а в ответ принимали гробы из Афганистана. Самым первым погибшим среди наших стал майор Вовк. Это была очень нелепая смерть: его застрелили не враги, а союзники, когда он поехал за кинофильмами для части. По-афгански тогда ещё никто не понимал, поэтому когда им на посту закричали: «Дриш!» (стой), они не остановились.

А вслед — выстрелы... Надо сказать, люди начали бежать из школы прапорщиков сразу, как только узнали, что предстоит отправка в Афганистан. Не все, конечно, — тот, кто был до конца верен себе, остался. У меня даже мысли не было о том, чтобы отказаться — я, наоборот, сразу написал заявление с просьбой меня туда отправить. Хотя по специальности должен был идти в батальон десантного обеспечения, который занимался содержанием техники. Но мне хотелось служить со своими. Не было ли страшно? А боксом заниматься — страшно? А возвращаться поздним вечером из города — страшно? Особенно зимой — идёшь по зимнику через болото, а там уже сидят три рыси и ждут. Сначала я их боялся, а потом отец сказал — не бойся, сынок, на крупную добычу они только с дерева прыгают, а туда выходят просто мышковать. И с тех пор я перестал обращать на них внимание. Так что закалка у меня была. Нельзя всю жизнь бояться!

Тяжело в ученье, легко в бою

В Афганистан Владимир Васильев попал 27 декабря 1981 года. А до этого дня занимался подготовкой призывников в учебном центре «Лосвидо». И подготовить их надо было так, чтобы как можно больше солдат вернулись домой живыми и здоровыми. А значит, не жалеть, не раскисать самому и не позволять раскисать молодым, помнить заповедь «тяжело в учении, легко в бою»:

— Рассказывал о климатических и географических особенностях Афганистана: это ведь только кажется, что юг — это всегда хорошо. В Афганистане солнце садится — холодно, солнце встаёт — жарища... Леса нет, укрыться нигде. Тренировал выносливость — бегом в столовую, бегом из столовой, бегом на строевую и со строевой... В первое утро погнал их на дистанцию 3 км: из 152 человек прибежали 30, остальные по дороге попрятались. За это я их гонял так, что на следующее утро не прятался уже никто. Другие новобранцы над моими смеялись — вот достался вам старшина, просто зверь! А когда подошло время ребят в Афган отправлять, объявили соревнования на лучшую роту. Победителю приготовили большую фанерную коробку, полную пряников, конфет и других

29 августа 1982 года. Кабул. ВАИ

сладостей. И мои оказались лучшими — как дружно двинулись, так дружно к финишу и пришли, ни один не отстал. Позже, попав в Афганистан, я увидел, что практически все мои ребята служат в спецчастях — в сапёрах, в автороте, в рембате, химроте...

В рембат попал после прилёта и сам Владимир Васильев.

— Прилетели — солнышко светит, наши в трусах волейбол играют. А мы — в шинелях, шапках... Выдали нам другую форму, шляпы, но всё равно жарко! Я был старшиной роты, которая несла службу в окрестностях Кабула, на аэродроме — мы были чем-то вроде военной автоинспекции. Сам Кабул находится на высоте 1800 метров над уровнем моря, да плюс горы — получается уже около трёх тысяч. На горах — посты разведчиков, которым надо каждый день отвозить еду, воду и всё необходимое. Рядом с нами стояли сапёрная часть, медсанбат, 350-й парашютно-десантный полк и артиллерийский полк — «Град», зенитные установки... Каждую ночь, как только

стемнеет, — а темнеет там сразу, как только солнце за горку зайдёт, — начинается стрельба. Особенно тяжёлым был день 7 ноября 1982 года, когда «духи» хотели взять Кабул и целый день бомбили нас из миномёта. Но самое, наверное, страшное — партизанская война. То и дело приходили известия, что выехавшего за пределы части обстреляли. Обгонят машину, дадут автоматную очередь, бросят автомат и дальше едут. А когда начинался Курбан-Байрам, машинам вообще запрещено было выезжать за пределы контролируемой нашими территории. Если выехал на пост — считай, что ты смертник. У нашей роты был пост номер шесть на развилке дороги на Баграм, армию, госпиталь и Тёплый Стан. Пятнадцать дней там стояли мы, потом нас сменяли. И вот однажды таким же образом — из проехавшей мимо машины — был убит прапорщик, который только-только успел меня сменить. Случалось и мне попадать в серьёзные передраги: один раз стреляли в упор, спасло только то, что я успел опуститься на одно колено.

Старшина Васильев со своей ротой перед выездом на стрельбище

Вынесли всё

103-я Гвардейская воздушно-десантная дивизия отправилась в Афганистан одной из первых: именно её бойцам отводилась главная роль в операции «Байкал-79», предусматривавшей захват целого ряда важнейших объектов Кабула, включая здания министерств, штабов, телецентра, почты и телеграфа. А ещё они должны были блокировать располагавшиеся в столице воинские части. Практически не было за всю историю афганской войны операции, в которой не принимали бы участия витебские десантники. За 9 военных лет орденами и медалями были награждены 11 тысяч солдат и офицеров. Но быть первыми всегда очень непросто, особенно — на чужой земле, в условиях войны и полной бытовой неустроенности. Горя бойцы хлебнули немало — это Владимир Моисеевич, которому довелось встречать вернувшихся с войны срочников в Витебске, перед отправкой домой, понял сразу. Много испытывшие, во всех смыслах слова пропитавшиеся порохом, они поначалу приняли его

не слишком дружелюбно. Однако за несколько дней, проведённых вместе, отношения наладились. Возвращение домой, как известно любому отслужившему, дело ответственное: предстать перед домашними надо при полном параде.

— У меня в роте было 8 утюгов — они их за одну ночь сожгли, — со смехом вспоминает Владимир Моисеевич. — Форму им привезли новую, а парадки до такой степени измяты! Вот они всю ночь и старались. А перед самым отъездом, смотрю, несут мне подарки. Я говорю — не надо, домой везите! Нет, отвечают, старшина, это тебе!

С теми, кого Владимир Моисеевич готовил к отправке в Афганистан сам, отношения сложились тем более тёплые.

— За новобранцами я ездил сам, привёз 152 человека. И полгода не расставался с ними с утра до вечера, — вспоминает он. — Гонял нещадно, и всё-таки они меня полюбили, как отца родного. Когда им пришла

пора возвращаться домой, я полетел вместе с ними в отпуск. И уже в Витебске, сидя в машине, перед самым расставанием, они снимали тельняшки и стали бросать их мне. Этого я никогда не забуду. Но тяжёлых воспоминаний всё-таки больше. Два года, проведённые в Афганистане, я прослужил на одном месте. Все подорванные машины свозили к нам, всех убитых — тоже. Всё было рядом: тут — столовая, тут — морг. Одна палатка — для неопознанных трупов: привезут новые — идёшь и смотришь, нет ли среди них твоих знакомых. А в другой палатке их закладывали в гробы. Иногда не успевали, и тогда трупы лежали буквально кучами. А там ведь жара... Когда мне уже пора было уезжать в Союз, приехал мой сменщик. 3 ноября приехал, а 5-го его отправили назад — психика не выдержала. Днём я показал ему территорию, а ночью он ни с того ни с сего напал на своего друга. Из-за этого меня задержали ещё на месяц: должен был уехать в ноябре 1983-го, а уехал только в декабре...

От ранений и контузий судьба Владимира Моисеевича уберегла. Зато за время службы в Афганистане он дважды тяжело переболел — сначала гепатитом, потом малярией. После малярии похудел с 98 кг «тренированных мышц» до 67,5. С гепатитом его отправили в ташкентский госпиталь в «чёрном тюльпане» — так называли АН-12, доставлявший из Афганистана гробы. Благодаря песне Александра Розенбаума название это знакомо и тем, кто далёк от афганских событий. Владимиру Васильеву довелось встретить на войне и Розенбаума, и Кобзона, и многих других известных людей, приезжавших поддержать наших солдат и офицеров. Но это — лишь отдельные штрихи к сложной картине войны, единого мнения о которой не было и нет по сей день. Да и вряд ли оно возможно там, где переплелось такое количество судеб, событий и геополитических интересов. Спорить о ней бессмысленно: для тех, кто вынес тяготы афганской войны на своих плечах, она была делом чести и долга. И они его выполнили на совесть.

9 мая 2013 года

5 апреля 2014 года. Басандайская СОШ. Турнир по волейболу на кубок ст. лейтенанта Д. Козлова

Олег Владимирович Декин родился в 1966 году в селе Минаевка Асиновского района Томской области. После окончания асиновской средней школы №2 в 1983 году поступил в Колпашевское педучилище на отделение физвоспитания. В 1984 году был призван в ряды Вооружённых Сил СССР. Пройдя спецподготовку в Фергане, был направлен в Афганистан. В 1987 после возвращения из армии продолжил обучение в педучилище. Ещё в Колпашеве начал работу с молодёжью по патриотическому воспитанию. Вернулся в Асино, работал в школе учителем физкультуры. На базе школы сформировал клуб по патриотическому воспитанию. Затем был приглашён на работу инструктором в горком комсомола. Принял участие в Первом всесоюзном сборе участников войны в Афганистане, который проходил в Ашхабаде. В разные годы работал бригадиром прессовщиков молодёжной бригады Асиновского деревоперерабатывающего комбината, начальником охраны совместного советско-финского предприятия и т.д. Где бы ни трудился, всегда оставался верен своему главному делу – патриотическому воспитанию молодёжи. В 1993 году заочно окончил Томский пединститут, факультет физвоспитания. В 2011 г. окончил филиал Сибирской Академии государственной службы в Томске по специальности «государственное и муниципальное управление». В настоящее время является членом правления ТРО РСВА и заместителем председателя Союза военно-патриотических клубов десантного профиля имени В.Ф. Маргелова при «Союзе десантников России». С 1996 года и по сегодняшний день – депутат Думы Асиновского района. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «За отвагу», знаком «Воину-интернационалсту», юбилейными медалями.

Мы просто выполняли свой долг

Своя война, свои воспоминания

Наверное, у каждого из ветеранов-афганцев была своя война, связанная со своим опытом, своим восприятием той действительности. Оттого и воспоминания о ней так похожи и так непохожи одновременно. Например, Олегу Декину та война запомнилась прежде всего духом товарищества, взаимовыручки, которые сложно переоценить. И даже спустя годы, когда история наша подверглась ревизии и переоценке, Олег Декин признаётся, что в его отношении к далёким уже афганским событиям ничего не изменилось:

– Самые светлые чувства вызывает ощущение товарищества, которое там формировалось. Таких преданных, таких искренних и чистых людей, которых я встретил в Афгане, мне мало довелось встретить в жизни. А правы мы были тогда или нет – глупый вопрос, он перед нами никогда не стоял и не станет. Мы, солдаты и офицеры, выполняли свой долг, свою работу. И старались это делать максимально честно. Так что совесть наша чиста.

Тяжело в учении – легко в бою

Главным увлечением Олега Декина всегда был спорт. Он занимался им очень серьёзно и к моменту окончания школы имел уже шесть разрядов по различным видам спорта, в том числе и по шахматам. В общем, как он сам шутит, был «сильным и умным».

Получив аттестат о среднем образовании, поехал поступать в Колпашевское педагогическое училище на отделение физвоспитания. Но отучился там только год. Призвали в армию и направили в Фергану, в «учебку»:

– В Фергане мы прошли очень хорошую подготовку – и огневую, и сапёрную, и другие. Помимо места дислокации учебного полка, у нас были оборудованы специальные учебный и горный центры, где много тренировались. Всё было максимально приближено к боевым условиям. Даже военные игры проходили совместно с курсантами Рязанского училища.

Потом не раз они с ребятами вспомнят добрым словом ферганскую «учебку», чрезвычайно тре-

бовательных, но справедливых командиров, как никто понимавших актуальность в боевых условиях суворовской заповеди: тяжело в учении – легко в бою. Может, и в живых-то многие ребята остались только благодаря их серьёзной выучке.

У Олега Декина была стопроцентная возможность остаться служить в Союзе. На спортивного, серьёзного и чрезвычайно ответственного (несмотря на 18-летний возраст!) парня «положили глаз» многие командиры. Его уже назначили на должность командира отделения 2 взвода 7 роты... Но после трёх месяцев «учебки», в августе 1984, был сформирован борт из 80 курсантов для пополнения в 345 ОПДП, и он в числе 12 ребят из ферганской разведроты убедил заместителя командира роты ст. лейтенанта Гайнулина направить его в Афганистан. Трудно сказать, что двигало им тогда... Может, мальчишеская романтика, а может, неумение и нежелание прятаться за чужие спины, искать местечка, где проще и спокойнее.

Баграм, весна 1985 года

Гвардейский 345-й

В Афганистан прилетели в августе. Он встретил их раскалённым зноем и ощущением распространившейся повсюду тревоги. Именно здесь, выбравшись из самолёта и услышав приветствие дембелей, он попросил у друга сигарету. Хотя раньше не понимал этой глупой и вредной привычки...

Помимо физической выносливости, специфических военных навыков не менее важен на войне психологический настрой и понимание, за что ты проливаешь свою кровь.

– У нас тогда не было ощущения, что это какая-то не такая война с идеологической точки зрения, – признаётся Олег Владимирович. – Нам говорили, что защищать Афганистан – всё равно, что защищать одну из наших советских республик – южный рубеж, на

территории которого американцы хотели разместить свои военные базы. Мы верили, что оказываем интернациональную помощь афганскому народу. Я был направлен в отдельный Гвардейский Краснознамённый ордена Суворова 3-й степени 345-й парашютно-десантный полк, где и прослужил до демобилизации. Этот знаменитый полк с 1980 по 1989 год участвовал более чем в 240 боевых операциях в Афганистане.

Твой выстрел первый, и обязательно – в цель

Конечно, ему, как и всем участникам афганских событий, довелось немало повидать и перенести на этой войне. Сегодня, спустя столько лет, многое не воспринимается так остро, ведь, как известно, время лечит. И потому, наверное, в памяти больше остаются какие-то отдельные эпизоды...

К примеру, первая встреча с афганскими боевиками...

– Сослуживцев по призыву в р/роте скопил гепатит, и мне пришлось взять на Ургун ПК и дополнительный БК. Очень тяжело, ноги подгибались. И мы с нашим снайпером Саней Белоусом шли в разведдозоре и препирались громко, на всё ущелье, кто понесёт РДВ – специальный рюкзак для воды, литров 12. Пока спорили, не заметили, как свернули за поворот и наткнулись на двух «духов». Они, видимо, тоже не ожидали нас встретить. Мой напарник не растерялся, кричит им: «Дриш, фаери мекунам!» – что означает: «Стой! Стрелять буду!». А я направил на них оружие и тоже ору: «Дрищ». Не знал языка, ведь это моя первая крупная операция. Оружие у «духов» было в стороне, у скалы, а они у костерка. Добежать не успели бы, они даже дёргаться не стали...

А ещё Олег Владимирович вспоминает случай, как шли на помощь роте, которую окружили душманы в кишлаке, и на перекрестье дувалов (глинобитных заборов) встретились с «духами», шедшими на помощь своим. Завязался бой, разведдозор оказался отрезанным от основного состава роты, перестреливались с ними через дувалы, чудом прорвались к своим...

А психическая атака, которую устроили нашим бойцам духи в том же бою!

– Это было во время главного мусульманского праздника, Рамазана, когда погибнуть на войне для мусульман считается счастьем – согласно вере сразу попадёшь в рай. Они шли на нас молча, стреляли с пояса, не целясь. Мы стреляли, знали, что попадаем, не могли не попадать. А они, как заколдованные, шли по виноградникам, волна за волной, и не падали... Вот где действительно было жутко. Но самые страшные сражения – это «Крест». Там от девятой роты действительно, как в известном фильме, почти никого не осталось.

И как раз «с перепугу» вшестером разгромили банду афганцев в 20 человек:

– Вертолётчик на Мазари-Шариф, пролетая над «духовскими» позициями, предложил украсть у них ДШК. Зависли. Духов не видно. Двое парней належке, без оружия, десантируются и бегут к пулемёту, и в это время из крытых щелей и окопов, как тараканы, начали выбегать духи. Нас шесть бойцов в «вертушке», у двоих по два автомата, а духов даже навскидку не знаем сколько – рассмотреть пыль от «вертушки» ме-

После зачистки Баграмовской «зелёнки». Лето 1985 года

Рота в полном составе. База 345 ОПДП. Баграм, весна 1986 года

После взятия «духовского» склада боеприпасов. Хост, апрель 1986 года

шает. Но ВДВ своих не бросает. Выпрыгиваем, бежим в пыли, ничего не видно. А те двое уже несут пулемёт в вертолёт. Принесли, а вертолёт поднялся и улетел. Пыль осела. Стоим с духами друг против друга. К счастью, у многих духов не было с собой оружия. На их плечах заскочили в окопы и – гранатами в крытые щели. Вопрос стоял ребром: либо они нас уничтожат, либо мы – их. А вообще, я всегда помнил девиз десантника: твой выстрел – первый, и в цель.

Вспоминаются и минные поля, которые приходилось неоднократно преодолевать. И всё зависело только от осторожности и внимательности каждого бойца.

И, конечно же – чувство жажды...

– Часто не хватало в горах воды. Раз сидели на блоке, когда взяли тюрьму в Дехмикини, и у нас закончилась вода. А ниже нас прапорщик со взводом обосновался на небольшой полянке в какой-то траве, похожей на

папоротник. Так вот: спустились к ним через три дня, а он изжевал всю эту траву – так хотел пить! Часто после очередной тренировки вспоминаю это, и пью, пью, пью...

Взаимоотношения с местным населением складывались по-разному. Были такие, кто смотрел с ненавистью, с палками кидался, технику разбивал. А кто-то в безводном районе с пиалой воды встречал.

– Однажды был анекдотический случай. Приземлились на Хосте неподалёку от какого-то кишлака. Походит к нам один местный парень, и мы начали с ним изъясняться на ломаном дари. Командир предложил отдать ему булку хлеба. А она единственная на тот момент у нас оказалась. Вот парни и стали недовольство выражать: зачем, мол, отдавать, когда самим есть нечего. Тогда парень этот на чистом русском языке спрашивает: «У вас хлеба, что ли, нет? Так я сейчас вам лепёшек принесу». Так неудобно стало, что он нашу перебранку понял!

Заговорённый

То ли благодаря хорошей подготовке в Фергане, то ли тому, что кто-то очень сильно молился за него, но Олег Декин на этой страшной войне был ранен и контужен всего один раз, и всё за две недели до приказа о демобилизации.

– Я почему-то никогда не допускал мысли, что меня могут убить. Хотя, конечно, видел, как погибали товарищи, как смерть ходит рядом... Но никогда не верил, что это может произойти со мной.

Сегодня Олег Владимирович поддерживает отношения со многими своими боевыми друзьями. Некоторые из них, как и он, уже не один год занимаются военно-патриотическим воспитанием молодёжи. Бывшие сослуживцы обмениваются опытом, помогают друг другу. И никогда не забывают о братстве, рождённом в Афганистане!

Сергей Алексеевич Дорохин родился в Томске в 1966 году. В возрасте трёх лет вместе с родителями переехал в Северск. Здесь в 1983-м окончил среднюю школу №88. После школы сразу же пошёл работать – сначала учеником, а потом уже автослесарем в городское управление автотранспорта. Затем выучился на водителя. Осенью 1984 года, по достижении 18 лет, был призван в ряды Вооружённых Сил СССР. После полугодового обучения отправлен в Фергану, а оттуда – в Афганистан. Служил оператором-наводчиком БМП-2 в 345-м Гвардейском парашютно-десантном полку ВДВ. В 1985 году во время выполнения боевой операции в кишлаке Алихель (неподалёку от границы с Пакистаном) был тяжело ранен. После лечения в госпитале прошёл переосвидетельствование и был направлен служить в Фергану, в полк ВДВ. Демобилизовался в 1986 году, вернулся в Северск. С момента возвращения и по сегодняшний день ведёт активную военно-патриотическую работу с детьми и молодёжью. Большое внимание уделяет объединению и поддержке воинов-интернационалистов. Вот уже несколько лет возглавляет Северскую городскую организацию Томской региональной организации Российского союза ветеранов Афганистана. Награждён орденом Красной Звезды, юбилейными медалями.

Любой мужчина должен пройти через армию, но не дай ему Бог пройти через войну!

Самым главным увлечением Сергея Дорохина в детстве помимо спорта была техника. С ней он, как говорится, был всегда на «ты». Может, поэтому в отличие от своих сверстников он сразу после окончания школы не понёс документы ни в вуз, ни в техникум, ни в профтехучилище, а пошёл устраиваться на работу. В городском управлении автотранспорта Северска сразу же оценили «головастого» и «рукастого» парня, который всё схватывал на лету. Не удивительно, что из учеников он вскоре вышел в автослесари. А потом ещё и классным водителем стал.

Осенью 1984 года Сергею исполнилось 18 лет, и его призвали в армию. Хорошая физическая форма (а он всерьёз занимался лыжами) и знание техники, безусловно, сыграли свою роль. Парень попал в 242-й учебный центр подготовки младших специалистов ВДВ при 301-м учебном парашютно-десантном полке, дислоцированном в литовском городе Гайжюнай.

– То, что нас отправят в Афганистан, мы поняли почти сразу, – рассказывает Сергей Дорохин. – Подготовка операторов-наводчиков и механиков-водителей боевых машин пехоты была доскональной. Чувствовалось, что нас готовят к реальной войне. Страх, беспокойства не было. Ведь мы не знали, что такое война – разве что по книгам да по фильмам! Через полгода нас привезли в Фергану. Она встретила невероятной жарой, которую мне, сибиряку было переносить не просто. От аэродрома долго шли пешком – ещё в обычной, европейской военной форме, с тяжёлыми вещмешками за плечами. Ночь провели в отдалённых казармах, где нам выдали сухпайки и где в умывальниках, к нашему большому удивлению, не было воды. А утром тем же маршрутом – снова на аэродром. Там уже стоял гражданский самолёт. В него нас погрузили и взяли курс на Кабул. Я попал в 345-й Гвардейский парашютно-десантный полк ВДВ. Служил оператором-

наводчиком БМП-2. Вот так и началась наша афганская война...

Впрочем, поначалу ощущения, что он на войне, у Сергея Дорохина не было. Обычная служба: подъём, пробежка, обед по расписанию, занятия. Впрочем, занятий было очень много: скрупулёзно изучали многочисленную технику, сапёрное дело. Да, ещё после сдачи военных билетов выдали настоящее боевое оружие.

С настоящей войной пришлось соприкоснуться только через месяц. Тогда они нарвались на засаду душманов, тогда появились первые погибшие, а вместе с ними – и страх за свою жизнь. В самом этом страхе нет ничего постыдного – он присущ каждому. Вспомним слова фронтовички, поэтессы Юлии Друниной: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне!».

Главное было – не показать этот страх другим. Постепенно он, как и его товарищи, привык и к

смерти, и к опасности, и к самой войне. Но сегодня, в отличие от многих других ветеранов-афганцев, он не любит о ней говорить.

– Я считаю, что любой мужчина должен пройти через армию, но не дай ему Бог пройти через войну. Война – это всегда страшно. Очень страшно... И чем дальше от тех событий, тем больше это осознаёшь. Вспоминаю, как перед нами была поставлена задача – войти в один из кишлаков и найти среди местного населения душманов. Был там некий осведомитель, который работал на нас. Именно он пальцем показывал, кого забирать. Мы забрали, посадили в машину. Она тронулась, а вслед за ней бежал местный мальчишка и что-то кричал на своём языке. Может, мы отца его тогда увозили? Может, он и душманом-то не был? Кто теперь ответит на этот вопрос?! Я, когда вернулся домой, дал себе слово никогда в жизни больше не брать в руки оружие. И до сих пор держу это слово.

Вообще, по мнению Сергея Алексеевича, война – явление сложное, неоднозначное. И всякое на ней встречается. Недаром говорят: кому – война, а кому – и мать родна. Она, как под увеличительным стеклом, во много крат проявляла всё лучшее и худшее, что было в каждом. Кто-то честно воевал, проливал кровь, а кто-то откровенно зарабатывал деньги.

А ещё – сегодня можно только удивляться, как додумались те специалисты, которые отвечали за питание военных в горячих точках, укомплектовывать сухие пайки тушёнкой... Это при 38-градусной-то жаре!

– Потом, конечно, когда стало понятно, что война затягивается, рацион изменили, добавили соки и другие более приспособленные для жары продукты, – поясняет Сергей Дорохин.

Этот день – 27 августа 1985 года – врезался в его память навсегда.

– Во время выполнения боевой операции в кишлаке Алихель, который находится на границе с Пакистаном, мы попали под обстрел. Душманы стреляли очень прицельно. Многие наши ребята тогда пострадали. Меня тоже тяжело ранило (пря-

Сергей Дорохин – третий слева (стоит). Афганистан, май 1985 года

мое осколочное ранение, ожог). Короче говоря, думали, что не выживу...

Сергею оказали первую помощь, отвезли в Гардез (маленький городок в 170 километрах от Кабула). Там прооперировали. Кстати, операцию делал почти что земляк – хирург из Новосибирска. Затем долго лежал в госпитале в Кабуле. За участие в боевой операции Сергей Дорохин был награждён орденом Красной Звезды.

В конце декабря его отправили в Союз. Больше в Афганистан он не возвращался.

Как и полагается, после тяжёлого ранения он получил отпуск на 45 суток, и побывал у родных в Северс-

ке. Потом было переосвидетельствование и направление в Фергану. Именно там он дослужил оставшееся ему время и в 1986 году был демобилизован.

– Наверное, этот афганский опыт мне был необходим, – размышляет Сергей Дорохин. – Я научился разбираться в себе, в людях, ценить дружбу. А по-настоящему дружить на этой войне умели!

Вот уже несколько лет Сергей Алексеевич руководит Северной городской организацией Томского регионального объединения Российского союза ветеранов Афганистана. Ветеранов Афганистана в этом небольшом закрытом городе сегодня более 130 человек.

Музей при Северском афганском центре. Встреча ветеранов и семей погибших с лидером РСВА, депутатом Государственной думы РФ Францем Клинецвичем (в центре). 2010 год

– У нас довольно сплочённая организация, – рассказывает Сергей Дорохин. – Мы тесно контактируем с администрацией Северска, с Северной дивизией и всегда находим общий язык и взаимопонимание. Знаю, что так бывает не везде, не во всех городах. Благодаря областной администрации и лично Владимиру Кравченко (его заслуга в этом велика), мы имеем возможность отправлять наших афганцев на реабилитацию в Москву и оплачивать им дорогу. Очень большое внимание уделяем патриотическому

воспитанию молодёжи. Мне кажется, что это надо делать как можно раньше, чуть ли не с детского сада.

Патриотическое воспитание подрастающего поколения северские ветераны-афганцы тесно связывают с музейной работой. Дело в том, что благодаря инициативе Екатерины Краснодубской (директору нашего музея) при северском афганском центре был открыт музей. Экспонаты его собирали, что называется, всем миром. И не только бывшие воины-интернационалисты... Так, зна-

чительную лепту в пополнение музейного фонда внёс известный в Томске человек – руководитель поискового отряда «Прометей» Иван Харченко. Ребята (а особенно – мальчишки!) с интересом рассматривают гильзы, оружие, каски, котелки, солдатские медальоны, найденные поисковиками на местах сражений. В музее – и уголок, стилизованный под эпоху конца 70-х – начала 80-х годов с элементами интерьера того времени; и чисто афганская экспозиция, рассказывающая о службе и подвигах северских воинов-интернационалистов, и многое-многое другое.

Тесное сотрудничество связывает возглавляемую Сергеем Дорохиным организацию с настоятелем северского храма Владимирской иконы Божьей Матери Дионисием Степановым. Отец Дионисий не оставляет без внимания ни одной просьбы афганцев, помогает им в патриотическом воспитании ребят. С его благословения организация начала строительство часовни.

– Мы стараемся вовлечь в работу разные поколения, – подчёркивает Сергей Дорохин. – Так, дважды в год ездим чистить могилы погибших участников афганской и чеченских войн. Привлекаем к этому северских кадетов, военных северской дивизии. Помогаем учителям проводить «уроки мужества» в школах. Вот уже несколько лет принципиально по-новому стали отмечать День ВДВ – второе августа. Не секрет, что раньше десантники вызывали очень много нареканий и у горожан, и у правоохранительных органов своим разгульным и нетрезвым поведением в этот день... Не самый лучший пример они подавали подрастающему поколению. В настоящее же время второго августа мы проводим легкоатлетическую эстафету, в которой участвуют все желающие от 10 до 70 лет. Проводим концерты, разворачиваем полевую кухню. И этот день действительно становится праздником! А главное – ещё больше поднимает авторитет наших ветеранов-афганцев!

Игорь Павлович Киселёв родился в 1969 году в селе Михайловка Зырянского района Томской области. Рано лишился отца и в 13 лет уже начал самостоятельно зарабатывать деньги, помогать семье. Пас колхозное стадо, участвовал в уборке сена и даже получил разрешение на управление маленьким трактором. После окончания средней школы обучался в Зырянском на водителя, затем от райвоенкомата был направлен на обучение в ДОСААФ. В апреле 1987 года призван в армию, в воздушно-десантные войска. После «учебки» в Литве был отправлен в Афганистан, в 357-й полк, в составе которого прослужил до весны 1989 года. После демобилизации в мае 1989 вернулся в родное село.

В разные годы работал в милиции, в охране, на производстве. В настоящее время как индивидуальный предприниматель занимается лесозаготовкой. Является председателем Зырянского районного отделения Томской региональной организации Российского Союза ветеранов Афганистана. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», юбилейными медалями.

Там рождалась настоящая мужская дружба

Преподаватель военной и физической подготовки в ДОСААФ Пётр Денисов сразу приметил этого упорного и выносливого паренька. Именно с его лёгкой руки Игорь стал всерьёз заниматься парашютным спортом и целенаправленно готовился в десантные войска. В апреле 1987 года парня призвали в армию и вместе с другими новобранцами отправили в «учебку» в Литву. В Новосибирске – пункте пересадки – выяснилось, что необходима команда всего в 30 человек. Претендентов же набралось сорок с лишним.

– Для того, чтобы отсеять лишних, нас решили проверить на выносливость, – рассказывает Игорь Киселёв. – Привели в спортзал, заставили бегать, подтягиваться на перекладине, отжиматься, снова бегать... Честно говоря, для меня это не было трудно. Подготовка была хорошая, здоровья хватало. Короче говоря, я оказался в составе тех, кого направили в Литву.

Там располагалась учебная дивизия 301-го военно-десантного полка. Во 2-м батальоне, куда попал Игорь, целенаправленно готовили механиков-водителей и операторов-наводчиков БТР специально для Афганистана.

Его предупредили сразу, что по закону (из родителей у него была только мать) он может не ехать в места боевых действий, но как он мог не поехать, если туда отправляли его товарищей, ребят, с которыми они уже успели подружиться? Не по-мужски это как-то.

Написал рапорт с просьбой вместе с отделением отправить его в Афганистан. Ни он, ни его товарищи толком не представляли, куда они летят, что там их ожидает. Потому, наверное, не было ни особого страха, ни беспокойства.

По прилёте в Кабул были распределены по разным полкам.

– Командиром нашей 103-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии в составе огра-

ниченного контингента советских войск был тогда Павел Сергеевич Грачёв, впоследствии министр обороны России, – вспоминает Игорь Киселёв. – Он лично участвовал в первом нашем инструктаже, показывал фотографии застав, рассказывал об обстановке. Так вырисовывалась картина того, чем нам предстоит заниматься. Потом на базе батальонного расположения мы прошли серьёзную физическую, огневую, политическую подготовку, осваивали технику и постепенно адаптировались к месту службы. Нас определили на заставу, расположенную в Пагмане – городе на холмах вблизи Кабула. Основной нашей задачей было контролировать дороги, чтобы «духи» не перевозили оружие из Пакистана через горы. Зимой там было спокойно, а вот летом нас обстреливали почти каждый день. К этому было нелегко привыкнуть. Но я всегда помнил слова одного

После демобилизации. Май 1989 года

парня-азербайджанца, с которым познакомился и подружился тогда в Афгане и который должен был вскоре демобилизоваться. Он сказал: чтобы остаться в живых, надо чётко выполнять приказы и не оказаться в ненужное время в ненужном месте.

Игорь ещё с детства хорошо стрелял. Когда отец был жив, то частенько брал его с собой на охоту. Потому сама судьба велела стать ему на той войне стрелком на БМП (боевая машина

31-я застава. Игорь Киселёв – на заднем плане. Пагман, 1988 год

пехоты, предназначенная для транспортировки личного состава к месту выполнения боевой задачи). Для пущей надёжности он даже механика сам себе выбрал – Валеру Аксененко, парня из Брянска. Так вместе и служили.

Много всего удалось пережить на той, уже далёкой войне. До сих пор в памяти Игоря Павловича боевой эпизод, за который он получил свою первую награду – медаль «За боевые заслуги»:

– Иногда «духи» подкидывали мины на грунтовые дороги. Пылью заметёт, и их не видно. Поэтому наши сапёры каждый день выходили проверять гравийки. Вышли в очередной раз, а «духи» стали их обстреливать. Моя БМП как раз находилась на линии огня. Командир роты по связи спросил, вижу ли я, откуда ведётся огонь, и дал приказ стрелять... Я уничтожил «духов», за что был представлен к награде. С тех пор командир меня заметил

и стал готовить на должность старшины. Так, не имея звания, я уже выполнял сержантские обязанности. Но нашёлся завистник, который всё время ко мне придирался, и однажды спровоцировал на драку. А за драки в Афгане строго наказывали. И стал я ходить на службу – не дежурным, а дневальным, не разводящим, а часовым...

А через полгода – новый эпизод...

– Возвращались мы (замполит, я, механик и ещё один солдат) из штаба полка на БТР-70. Двигатели у бронетранспортёра работали несинхронно. И в зелёной зоне, где было очень мало строений, мотор заглох. Связи нет, выходить опасно – мы как на мишени. Наконец замполит вдвоём с солдатом попытались пробраться на заставу за помощью. Через некоторое время пригнали БМП, зацепили тросом наш БТР, потащили... И вдруг трос оборвался и

мы чуть не упали в озеро. Я едва успел повернуть...

И хотя Игорь Киселёв и его сослуживцы не принимали непосредственного участия в общевойсковых операциях, а стояли в заслонах, ситуаций на грани жизни и смерти в их военных буднях было предостаточно. И здесь было важно опередить, перехитрить врага, предугадать каждый его шаг.

Игорь Павлович вспоминает, как уже в конце войны охраняли вывод войск, контролировали дорогу. На ней поставили шлагбаум и проверяли весь проходящий транспорт. Он сидел с пулемётом ПКМ в замаскированном гнезде:

– Я сразу заприметил одного местного старика, с головы до ног заматанного каким-то тряпьём, и на всякий случай взял его на прицел. Как оказалось потом, не напрасно. Старик этот пролез под шлагбаумом, кивнул, как бы

приветствуя, нашим ребятам и пошёл дальше... А потом я увидел, как он обернулся распахнул одежду, а под ней... автомат Калашникова. Но он не успел выстрелить – я опередил его, и спас жизнь ребятам. За это мне хотели дать медаль «За отвагу», но не дали... Если честно, я и не расстроился. Главное – живым пришёл с войны.

Медаль нашла его позже – в 2005 году.

А ещё он спас жизнь своему командиру, которого завалило снегом во время схода снежной лавины. Да мало ли было заметных и незаметных подвигов на той войне!

Но запомнилась она в основном не ими, а той настоящей мужской дружбой, которая родилась там, в Афгане. Друг был олицетворением надёжности, крепкого тыла и непоколебимой веры. Друзья, появившиеся там, остались на всю жизнь самыми близкими и преданными. Потом встретить таких же ему не довелось...

Командир роты старший лейтенант Татаринов и Игорь Киселёв. Вывод из Афганистана. Февраль 1989 года

Игорь Киселёв со школьниками

Сергей Алексеевич Кобзарев родился в 1962 году в селе Батурино Асиновского района Томской области, через год семья переехала в Кожевниково. Окончив восемь классов в Кожевниковской средней школе, поступил в Томский лесотехникум, после окончания которого 1 апреля 1981 года был призван в ряды Советской Армии. В Афганистан попал в июле того же года, служил в составе 177 мотострелкового полка в должности старшего оператора зенитно-ракетного комплекса «Стрела-10», охранявшего советские войска под городом Чарикар. Летом 1983 года демобилизовался в звании рядового.

После армии Сергей Кобзарев работал в Кожевниковском лесхозе старшим техником и одновременно учился на вечерних курсах рабочей молодёжи. В 1984 году поступил на очное отделение Красноярского технологического института сразу на два отделения – инженер лесного хозяйства и экономист. С 1991 года работал в комитете по земельным ресурсам и землеустройству (позже – комитет по земельной реформе). С 1999 года Сергей Кобзарев возглавляет Кожевниковское отделение Российского союза ветеранов Афганистана. За активное участие в развитии ветеранского движения в Томской области и большой вклад в патриотическое воспитание молодёжи награждён орденом РСВА «За заслуги» и медалью «70 лет Томской области», другими медалями.

**«У душманов стоим на пути,
Хоть нам нет ещё двадцати...»**

Семья и школа

Родом Кобзаревы из Оренбургской области. Фамилия с украинскими корнями и прежде звучала Кобзарь, потом обрусела. Отец, Алексей Ермолаевич, пробовал поступать на офицерские курсы, но судьба распорядилась иначе: вместо военного стал лесником. Мать, Антонина Степановна, также работала в лесном хозяйстве.

В семье Кобзаревых, где росли сыновья Юрий и Сергей, бережно хранились медали и орден Красной Звезды деда по матери Степана Тимофеевича Таушканова, прошедшего Финскую и Великую Отечественную войны. Ходили легенды о храбрости дяди, Михаила Степановича, который пошёл на войну добровольцем в 17 лет, воевал на Курской дуге, сгорел в танке в августе 1945 года, подорвавшись на вражеском снаряде. Второй дядя, Иван Степанович, был разведчиком, не раз брал «языков», рискуя жизнью. Вернувшись с войны, он работал в лесничестве в Киреевске.

– Дядя Иван дождался моего возвращения из Афганистана, – вспоминает Сергей Кобзарев. – Побеседовали с ним по-мужски, как воин с воином. Дядя сказал, что он не зря защищал Родину. Я испытываю глубокое уважение к нему и всем фронтовикам, прошедшим горнило Великой Отечественной войны. Это была своего рода эстафета воинского долга, мужества. Вскоре дяди не стало.

В детстве Сергей любил играть в войну, вовлекая в «боевые» действия всех пацанов переулка Заозёрного, где он проживал. Вырезал для них из теса пистолеты, маузеры, автоматы, гранаты. Делились на два лагеря, играли за огородами. Зимой увлекался дворовым хоккеем: сами выпиливали клюшки, озеро, которое находилось недалеко от дома, расчищали под каток. Однако прежде надо было вдвоём со старшим братом выполнить большой список домашних дел, составленный родителями, начиная от уборки по дому и до стаяк с животными. Каждое выполнен-

ное задание вычёркивалось. В школе предпочтение отдавал русскому языку и литературе, нравилось срисовывать портреты великих писателей и поэтов. До 7 класса учился без троек. После 8 класса, не задумываясь, пошёл в Томский лесотехникум.

Марш-бросок в Таджикистан

– Призывали в 280 команду, – рассказывает Сергей Кобзарев. – Говорили: попадём служить либо в Германию, либо в Афганистан. До места назначения ехали неделю: Сибирь, Казахстан, Узбекистан, Туркмения. Прибыли на станцию Тахта-Базар, расположенную почти на границе с Афганистаном. С 8 апреля по 15 июля проходили подготовку в составе разведывательной роты в Туркестанском военном округе. Готовили из нас разведчиков: учили обращаться с оружием, тактике ведения боя, маскировке и общей физической подготовке. Самым изнурительным были марш-броски. В полном солдатском снаряжении, с

максимальной скоростью по песчаным барханам и под палящим туркменским солнцем (40-50 градусов со знаком плюс) нужно было преодолеть расстояние до пункта назначения и обратно. Если кто-то из новобранцев падал от бессилия, его подхватывали товарищи и по очереди тащили под руки.

Постоянно хотелось пить, а из крана шла солёная вода. Воду выдавали по фляжке утром и в обед. Солдаты её выпивали сразу же, а вечером, после отбоя, буквально умирали от жажды, не могли уснуть. Кто-то придумал необычный метод самообмана: перед сном брали камешек в рот и сосали его, выделялась слюна. Иногда ходили тайком за пять километров на местную кошару (где содержат овец) за технической водой. В полном мраке набирали фляжки, опасаясь укусов змей, скорпионов и пауков, которых там было предостаточно. За время акклиматизации только седьмая часть бойцов не переболела местными инфекциями. Порой в строю оставались единицы. Через три с небольшим месяца каждый из новобранцев похудел на пять – десять килограммов. Был ещё один барьер – языковой. В нашем подразделении насчитывалось 45 человек – 28 национальностей. Причём были и такие народности, о существовании которых я ранее вообще не знал. Нельзя было никого обидеть: все братья, дети одной страны – СССР. Из восьми рот мотострелкового полка – семь рот тюркских национальностей и одна наша разведрота, которая сразу завоевала уважение и почёт, несмотря на такую языковую «разношёрстность».

Под огнём душманов

– В столицу Афганистана – Кабул летели в грузовых самолётах «Ил-76», – вспоминает воин-интернационалист. – Казалось, что целую вечность парили над нескончаемыми горными хребтами. Наконец приземлились на каменистую почву, началось распределение.

Сергей Кобзарев оказался в составе мотострелкового полка в должности старшего оператора зенитно-ракетного комплекса «Стрела-10», охранявшего советские войска под городом Чарикар. Стреляли часто: ночью то и дело подразделения полка освещались ос-

ветительными ракетами. Утро начиналось канонадой из сорока залпов установки «Град». Обстреливали полк из крупнокалиберных пулемётов и миномётов. За дорогу в сторону зелёной долины душманы не давали шага ступить: кляли наших бойцов кинжальным огнём, ожесточённо держа оборону.

– Наше подразделение совместно с ротой разведки часто выезжало с рассветом на задание, – рассказывает Сергей Кобзарев. – У нас было зенитное орудие «Шилка», перед которым не могла устоять ни одна стена. Принимали бой, вели перехват вооружённых формирований. В радиусе 50 км отслеживалось передвижение бандформирований. Неоднократно крупные скопления вооружённых боевиков накрывались массированным артиллерийским огнём. В течение первых семи-восьми месяцев наблюдал с биноклем за происходящим в долине. Был на первой линии охраны полка: ров, за ним – невысокая каменная стена. За эту стену никто из «духов» не должен был проникнуть. Если появлялись три и более афганца, сообщали об этом на пульт управления.

Будучи на охране полка, Сергей Кобзарев по собственной инициативе принимал участие в боевых операциях с пулемётом в руках. Хотелось увидеть настоящий бой, понюхать пороха. Случаи были разные, спасало порой чудо, молитвы матери...

– Был печальный эпизод, когда нас обстреляли свои же, – вспоминает он. – Мы дали координаты, а они ошиблись на триста метров. Хорошо, что обошлось без жертв, вовремя перевели огонь. А однажды нас, целую роту, взяли в котёл, и мы всю ночь уходили по горам в полной темноте. Командир стрелял из ракетницы. Пока она горела одну минуту, мы бежали, остальное время шли, хотя в любую минуту могли сорваться вниз, в ущелье. Слава богу, к утру вышли из окружения к нашим войскам. В другой раз пошли на задание вдвоём с товарищем. Место открытое, как на ладони. Он решил покурить, а табак вроде отсырел; вернулся к ребятам, что находились в засаде, за куревом. В это время меня выследил снайпер и давай стрелять, загнал за небольшой камень, который спас

Начало службы в Афганистане. Чарикар, сентябрь 1981 года

мне жизнь. Если бы были вдвоём, то один был бы точно убит: не хватило бы места за камнем.

Однажды во время посещения местного рынка рядового Сергея Кобзарева уберёт от плена афганский царандой (милиционер): предупредил об опасности, спас от смерти. Спустя четверть века Сергей напишет об этом в одном из своих стихотворений: «А царандой, помощник нужный, всегда протянет руку дружбы». Каждый прожитый день в Афганистане считался удачей. В письмах домой, конечно, об этом не писал. Всё больше рисовал – горы, ущелье, глиняные мазанки местных жителей. Но сердце матери не обманешь: она писала каждый день. Письма приходили раз в неделю – сразу целая пачка. Ребята по носу надают за каждое письмо – и, пожалуйста, уединяйся и читай. Эхом тех событий станут поэтические строки, посвящённые матери:

Ты меня отмолила, родная,
Смерть изгнав из солдатской судьбы.
Пули, мины меня миновали
На афганских дорогах войны.

Не робей, «шурави»!

Настоящим испытанием для девятнадцатилетнего паренька из Сибири стал первый год службы в Афганистане. В подразделении у Сергея Кобзарева случился приступ аппендицита; его вовремя спасли, доставив на вертолёте в санчасть. Через три часа после операции он уже встал на ноги, ухаживал за ранеными. Среди них был майор, у которого не было рук и ног. Он не хотел жить, ни с кем не разговаривал, смотрел в одну точку.

Однако молодость брала своё, и в редкие минуты отдыха солдаты шутили, разрисовывали стены санчасти русскими пейзажами, пели под гитару.

– В Кабуле в подразделении была своеобразная самопрезентация, – вспоминает Сергей, – каждый демонстрировал свои таланты. Я тогда впервые взял в руки гитару (сослуживцы дали), ранее играл на баяне, и спел песню Владимира Высоцкого «Ой, Вань, гляди, какие клоуны...». Ребята все упали со смеху. После этого у меня появилась кличка «Скрипач»: то ли из-за стройности фигуры (при росте 182 см весил менее 70 кг), то ли ещё почему, сам не знаю. В Афганистане всегда воодушевляла песня. В строю шагали с песней: я запевал «Марусю», остальные бойцы подхватывали. Любили слушать в палатке под гитару песню «Ваше благородие, госпожа удача...». После демобилизации решил во что бы то ни стало научиться играть на гитаре, и вообще захотелось учиться. Первые лет десять очень хотел туда вернуться: снились сослуживцы, те места. Так память навеяла песню «Не робей, «шурави»!»:

Девять лет мы вели дозор
Вдоль афганских долин и гор,
Нарываясь на минный оскал
В серой дымке задумчивых скал.

Припев:
У душманов стоим на пути,
Хоть нам нет ещё двадцати.
Бьётся сердце солдата в груди,
Ты боец, не робей, «шурави»!

Серпантинном крутой перевал,
Копоть дыма, в ущелье – пожар.
Нам разведка доложит в пути,
Что без жертв перевал не пройти.

Подорвался под нами фугас,
Но меня от беды кто-то спас.
Мы к машине, в дыму и в пыли –
Накаляя стволы, перестрелку вели.

Жить не понарошку, а всерьёз

После армии Сергей Кобзарев вернулся в Кожевниково, устроился на работу в лесхоз старшим техником и одновременно учился на вечерних курсах рабочей молодёжи. В 1984 году поступил на очное отделение Красноярского технологического института сразу на два отделения – инженер лесного хозяйства и экономист. Там и нашёл свою вторую половинку – жену Светлану. В 1991 году он приехал с ней в Кожевниково, стал работать в комитете по земельным ресурсам и землеустройству, позже он стал называться комитетом по земельной реформе. Именно на этот период пришлось рождение фермерских хозяйств в Кожевниковском районе: с 1992 по 1995 годы комитетом по земельной реформе было зарегистрировано 415 фермеров.

– Оформляли садовые участки, сенокосные угодья частникам, двигали земельную реформу, – говорит Сергей Кобзарев. – Веду программу земельных отношений по всему району, сейчас составляем реестр земель. Дело непростое, но интересное.

С 1999 года Сергей Кобзарев возглавляет Кожевниковское отделение Российского союза ветеранов Афганистана. За это время в районе было установлено пять мемориальных досок погибшим воинам-интернационалистам. В ноябре 2013 года в Кожевникове состоялось торжественное открытие памятника участникам локальных войн, погибшим при исполнении интернационального долга. Ветераны-афганцы приняли активное участие в благоустройстве территории вокруг памятной стелы. Среди многочисленных наград Сергея Кобзарева за активное участие в развитии ветеранского

движения в Томской области и большой вклад в патриотическое воспитание молодёжи самые значимые – орден «За заслуги» и медаль «70 лет Томской области».

По жизни он не спортсмен, но катается на роликах и коньках, играет в бадминтон, настольный теннис, волейбол; делает китайскую гимнастику. Поёт с 2007 года в самодеятельном хоре «Нюанс» под руководством заслуженного работника культуры РФ В.И. Воронова, в составе хора участвует в областных смотрах-конкурсах «Салют, Победа!», «Муза, опалённая войной». Выпустил два сборника стихов (2008, 2011 годы), написал около десятка песен. Среди них стихи и песни, посвящённые афганской теме, которые Сергей Кобзарев читает наизусть или поёт под гитару в кругу боевых товарищей, при встречах со школьниками, на торжественных мероприятиях. Чаще других звучит стихотворение «Боевое братство»:

Боевое братство – наше знамя,
Дух Отчизны, стойкость и броня.
Боль потерь страшна, но невозможно
Без ожога выйти из огня.

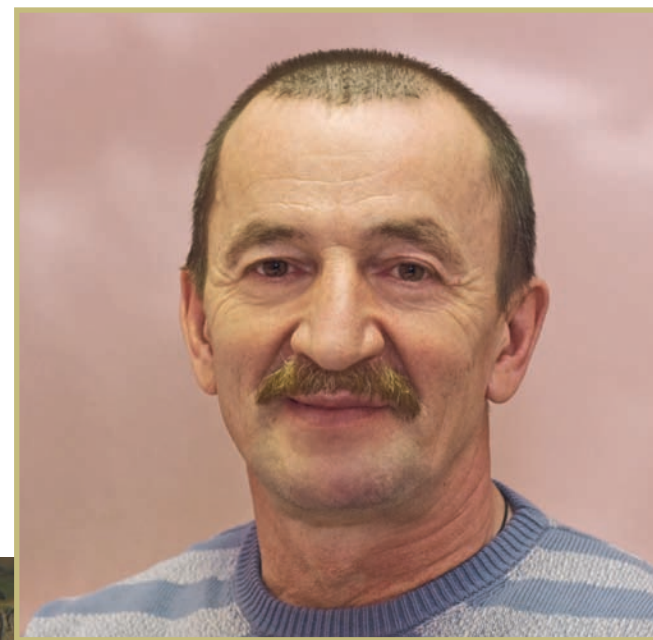
Наркомафии задраили ворота,
Встретив терроризм огнём зарниц,
Стали оберегом и оплотом
Южных рубежей своих границ.

Почести за доблесть будут позже,
Время всё расставит по местам.
На войне, конечно, всё возможно...
Кровоточит след от старых ран.

– Афганистан – это серьёзное испытание духа, характера. У меня было несколько уважительных причин, чтобы не пойти в армию. Я сделал всё, чтобы оказаться там, почувствовать себя мужиком, узнать, что такое на самом деле война, узнать цену жизни. Эти два года были очень тяжёлыми, но интересными. Наверное, если бы пришлось, я бы снова повторил этот путь, но не хотел бы, чтобы это сделал мой 19-летний сын, – подытожил он.

Александр Данилович Кондратьев, подполковник в запасе. Родился в 1962 году в селе Парбиг Бакчарского района Томской области. После окончания средней школы поступил в Томское высшее военное командное училище связи. Окончив ТВВКУС в 1983-м, в звании лейтенанта был направлен на Дальний Восток. В составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане находился с сентября 1985-го по октябрь 1986-го. Затем проходил службу в Амурской области, в Германии. С 1991 года служил в Рубцовском военкомате (Алтайский край), с 2001-го – военный комиссар Бакчарского района. В запас уволен в 2008 году. С 2010-го – глава крестьянского (фермерского) хозяйства.

Награждён юбилейной медалью «70 лет Вооружённых Сил СССР».

Без героизма и романтики

Александр Кондратьев из тех военных, кто о службе в Афганистане рассказывает спокойно, без пафоса, вспоминая, скорее, какие-то неизвестные посторонним детали военного быта, нежели собственно боевые действия. Может быть, именно этим его рассказ и затрагивает. В нём – какая-то скрытая боль, которую он несёт через всю оставшуюся жизнь, но которой не хочет делиться. И понятна она, наверное, только его товарищам по Афгану.

На войну не рвался

Родился Александр в Парбиге, но родители переехали в Бакчар, когда ему был всего год. Тут и вырос, и выучился. Отец был инспектором ГАИ, мама работала бухгалтером во вневедомственной охране. В 1979 году окончил Бакчарскую среднюю школу. Учился неплохо, хоть и был, по собственному признанию, хулиганом. Как все нормальные мальчишки, занимался спортом – лыжами, лёгкой атлетикой.

Был призёром районных спортивных соревнований (правда, грамоты за столько лет потерялись).

– Хорошая физическая подготовка пригодилась в Афгане. У меня на высокогорье проблем не было, не задыхался, как многие, – говорит Кондратьев.

В Томское высшее военное командное училище связи поступил, что называется, по стопам брата. Окончил его в 1983 году в звании лейтенанта, отправился служить на Дальний Восток, в город Шимановск, в 192-ю мотострелковую дивизию. И попал в радиоразведку, командиром взвода радиоперехвата и пеленгации.

– Радиоразведчиков не хватало, а специальность сходная, и технику я знал как связист, – поясняет он.

К тому времени Александр уже был женат, жена ждала ребёнка (она, кстати, окончила Томский пединститут). Конечно, хотелось иметь собственное жильё, так что поехал он в Шимановск, чего греха таить, за квартирой:

– В Белогорске в полк связи толкали, а там даже майоры снимали квартиры, потому что штабной город. Даже в перспективе жилья не было.

Первый год службы пролетел незаметно, лейтенант стремился завоевать авторитет командования и подчиненных. И ему это удалось: в конце 1984 года ему предложили вступить в партию. Никаких возражений это у нашего героя не вызывало, так был воспитан. В школе был комсоргом класса, состоял в комитете комсомола. И коммунистом готовился стать из идейных соображений. На дивизионной парткомиссии Кондратьева приняли в кандидаты, причём показал он себя блестяще, устав отчеканил на зубок. А на завтра ему сообщили: поедешь в Афганистан. И тут нашла коса на камень.

– Говорю: у меня ребёнок маленький. А мне отвечают: ты же в партию вступил, значит, не имеешь права отказываться, ну а вот твой коллега такой-то летом собрался жениться, поэтому поехать в ДРА не может. У меня, конечно, полное непонимание...

В общем, стал я из-за этого врагом у комбата, попал «в опалу», – признаётся Александр Данилович. – Честно скажу: я не рвался в Афганистан. Хоть мне было 22 года, рассуждал здраво, трезво смотрел на жизнь. Многие ребята говорят: вот, я рапорты писал! Не знаю, может, им интересно было, романтика увлекала, а меня это не прельщало. Но раз отправили на войну, я свой долг честно исполнял.

С чего начинался Афган

По словам ветерана, никакой специальной подготовки перед отправкой в Афганистан он не проходил, как многие другие. Сначала попал в Ташкент, на пересылку, где они с товарищами дожидались оформления документов.

– Хотя кому тогда на границе были нужны эти паспорта? Пачкой принесли, проштамповали, всех на АН-12 загрузили: всё, полетели на Кабул! Шесть тысяч метров высота, створки хлопают, кислородных масок на всех не хватает, – без прикрас описывает Александр Данилович самые первые впечатления.

В Кабуле старший лейтенант Кондратьев ждал отправки по месту назначения около недели, хотя бывало по-разному – кого-то быстро, через пару дней отправляли. Ну и его наконец направили в город Шинданд, в 5-ю дивизию. Должность – командир радиовзвода роты связи танкового полка. Боевое обеспечение танковых частей, такова была функция связистов.

Сейчас он не скрывает горечи, вспоминая:

– Границу я пересёк 22 сентября 1985 года, а обратно в Союз вернулся 18 октября 1986-го. Помню, сидим мы с ребятами, смотрим по телевизору «Время» по распорядку дня. И тут Шеварднадзе у нас на глазах заявляет: мол, мы проявляем акт доброй воли, выводим из Афганистана шесть полков. Ну да... Три зенитно-ракетных, которые там абсолютно не нужны, потому что авиации у противника нет, у нас полное господство в воздухе. И ещё два мотострелковых и один танковый, а танковый был единственный – наш.

Когда началась подготовка к выводу советских войск, налетела толпа журналистов, большей

частью западных. К Александру Кондратьеву тогда подошла какая-то полячка и начала расспрашивать: «Что вы нашли в Афганистане?».

– Ну что я нашёл? Нашёл боевых друзей, боевое братство. А то, что я боль и кровь видел, зачем кому-то это рассказывать? – таков его сегодняшний ответ.

Рота связи, на выезд!

До возвращения оставался ещё долгий год, а пока впереди был Шинданд. А там, на службе, ничего героического или, тем паче, романтического не ожидало. По дороге, ведущей к знаменитому теперь Кандагару, стояли пять застав танкового полка. На них находились командно-штабные машины взвода, которым командовал старлей. И главной его задачей было обеспечение бесперебойной связи застав с центром боевого управления полка.

В принципе, это общепринятая практика, она и в Чечне потом применялась. С одной заставы на другую необходимо было передать, что мимо прошла колонна и сколько в ней машин.

– Где была аппаратура засекречивания, передавали в закрытом режиме, а если нет – шифровали как могли. Бывало, что просто по звонку выезжал на заставу, если там радиостанция вышла из строя. Хватаешь исправную, быстрее на бронетранспортёр, и полетел, – приоткрывает Кондратьев «военные тайны».

«Без связи нет управления, без управления нет победы» – кажется так говорил Михаил Ульянов в роли маршала Жукова. А может, и не он, но на войне эта формулировка себя оправдывает, считает наш собеседник. Так что командиру радиовзвода расслабляться не приходилось.

– Одна машина всегда стояла на 15-минутной готовности. Допустим, идёт караван или замечена группа душманов. Сразу поступает команда: выйти в назначенный район!.. Раза три попытался сходить в кино, потом бросил. Только сядешь – команда: «Рота связи, на выезд!». Лучше книжку почитать в «модуле», – Александр Данилович улыбается...

Из наиболее крупных ему довелось участвовать в двух операциях под городом Герат. Во время первой, в октябре 1985-го, наши части никак не могли взять кишлак Сиавушан, где засели боевики. «Зачищать» не хотели – много мирных жителей. Что бы сегодня ни говорили, заверяет Кондратьев, но неоправданных жертв среди местного населения всё-таки старались избежать, хотя...

Вообще-то командиру взвода было не положено знать, в каких случаях командование отдавало приказ на зачистку. На то были особисты и советники. Возможно, в некоторых случаях «глушили» наркотрафик, кто теперь это знает? Ну а старлей Кондратьев в ходе первой гератской операции в течение месяца обеспечивал связь командира дивизии с авиацией (которая, между прочим, была разная – армейская и ВВС).

Вторая операция, в августе 1986-го, тоже проводилась под Гератом, только не с южной стороны, а с северной. Вот там связисты действительно насмотрелись, как работает авиация, особенно в ночное время. «Люстру» бросают (это световая бомба), режут на ней стропы, она падает на землю и горит, как костёр. Там термит, прессованные алюминиевые опилки, у них температура бешеная. С большой высоты всё видно, как при дневном свете. Мы наблюдали, как самолёт заходит на бомбёжку, за ним следующий, подальше ещё один...» – эти впечатления врезались в память.

У Александра Даниловича где-то хранятся два календарика, на которых он отмечал, когда находился в полку, когда – на заставе. Получается примерно пятьдесят на пятьдесят, правда, специально он не считал.

Что ж, когда командир роты уходил на повышение и встал вопрос о замене, назначили на эту должность Кондратьева. Из трёх начальников связи батальонов – старших лейтенантов он был самый молодой, но самый подготовленный, знал и личный состав, и технику. Произошло это в августе 1986 года. До возвращения оставалось два месяца.

Я согласен на медаль...

«А медали давали по итогам операции»? На этот наивный вопрос Александр Данилович только усмехается:

Трубопровод вдоль бетонки

Старший лейтенант Александр Кондратьев, командир радиовзвода роты связи 24 ГТП. Март 1986 года

– Может, кому-то и давали.

У него награда общая для всех, кто побывал на той войне, – «От благодарного афганского народа». Юбилейную медаль «70 лет Вооружённых Сил СССР» получил уже позднее. Правда, когда он ещё был командиром взвода, вроде бы его представление на Красную Звезду отправили в штаб армии, но... Так старший лейтенант Кондратьев своего ордена и не дождался.

Сегодня он не скрывает, что ордена в Афгане ему предлагали купить:

– Но я был идейный, сказал, что сам заслужу. Хотя были и такие, что покупали.

К этим людям Александр Данилович относится по-разному. Например, не осуждает боевого офицера, который честно признался, что «приобрёл» орден, чтобы на родине перед ним открывались все чиновничьи двери. Но вот был, скажем, начальник клуба, который умудрился «получить» два ордена Красной Звезды, – и ему руки никто не подал, когда вернулись домой...

Речь заходит и о потерях:

– К счастью, за время моей службы из нашей роты ни один не погиб. Ни по глупости, ни на боевых пози-

циях. Не знаю, чья это заслуга – моя, командира роты? Может, просто повезло? – говорит бывший комвзвода.

Может, кому и повезло, но обязанность командира – беречь своих солдат, насколько это возможно на войне. Например, когда на боевую операцию впереди идут «старики», а молодых придерживают, чтобы набрались хоть какого-то опыта. Да что там, даже простые меры безопасности способны сохранить бойцам жизнь.

В начале 1986 года, припоминает ветеран, в советских частях провели анализ, из которого следовало: подавляющий процент боевых повреждений приходится на торс и голову. Вышел соответствующий приказ, и с тех пор ни один солдат или офицер без каски и бронежилета за пределы части не выезжал. За этим следили жёстко, вплоть до того, что командир полка лично проверял каждого солдата. И боевые потери снизились резко, процентов на пятьдесят. То есть обычная безалаберность многих погубила...

Что касается местных жителей, с ними пытались строить добрососедские отношения. Афганцев в бедных кишлаках кормили, возили им муку, рис, хлеб, но бывало и так, что днём они брали продукты, благо-

далили, а ночью раскладывали мины. Не случайно в полку, оказывается, был замполит «по второму штату», то есть как раз по работе с местным населением.

– Его задачей было создать такие условия, чтобы советские люди на афганской территории не гибли. Ездили, договаривались: мы вам, скажем, продукты привезём, а вы не стреляйте в наших. Были и так называемые «дружественные» банды – они между собой воюют, а нас не трогают. Заключали с ними договор, и мы знали, что если по той или иной территории поедем, воины этого правителя нас не тронут. Всё делалось, чтобы снизить боевые потери, – вот ещё одна страничка неписаной истории афганской войны.

Возвращение через годы

В 1986-м, когда служба в Афгане для него закончилась, старшему лейтенанту Александру Кондратьеву было 24 года. Правда, вывели их часть в местечко Тахта-Базар, посреди туркменской пустыни. Здесь он прослужил ещё два года, до сентября 1988-го. А дальше, пока не вернулся в родной Бакчар, помотаться по стране и за её пределами пришлось немало.

Командир роты связи старший лейтенант Кондратьев с личным составом на заставе Чара дороги Турагунди – Кандагар. Март 1986 года

Полгода отслужил в Белогорске, потом освободилась должность командира роты связи в Сковородино, тоже в Амурской области. Там хоть с жильём проблем не было, правда, квартира холодная, температура зимой до 12 градусов опускалась. Но ничего, жили как-то.

В 1990-м Кондратьев уехал в Германию, а в декабре опять «попал под вывод». Некоторое время пробыл в Новосибирске, при штабе округа. Хотел в Томск, однако ни одной должности командира роты связи в округе, по словам кадровиков, не оказалось. В общем, ни должности, ни жилья, ни нормальных условий...

Ситуация складывалась так, что Александр Кондратьев готов был подать рапорт на увольнение. Да не просто готов: взял бумагу и прямо в кабинете у началь-

ства собрался его писать. А время было сложное, в 1989-1990-м армия начала буквально разваливаться, из неё уходили лучшие – молодые, сильные, мыслящие офицеры. Когда наверху спохватились, попытались удержать оставшихся. Вот и его в ответ на попытку написать рапорт в штабе спросили: а о военкомате вы не думали? Что ж, он подумал, и из всех вакансий выбрал город Рубцовск. Это всё-таки Алтайский край, а среднеазиатские и дальневосточные места, признаться, надоели кадровому военному до чёртиков.

Десять лет Кондратьев прослужил там в военкомате, а будучи в отпуске узнал, что в Бакчаре освобождается должность. Тогдашний томский военком генерал-майор Адым Хасаев его кандида-

туру одобрил. Так в 2001-м жизненный путь привёл Александра Даниловича снова на малую родину: он стал военным комиссаром Бакчарского района.

Из армии уволился в 2008-м, в звании подполковника. Кажется, карьера в итоге сложилась, но...

– Кому нужны бывшие военные 46 лет? Только самим себе да своей семье. Потолкался в одну организацию, в другую, а потом плюнул и занялся своим делом, – рассказывает Александр Данилович. – Начал разводить кроликов, в 2010 году оформил крестьянско-фермерское хозяйство. Победил в районном конкурсе, получил сто тысяч рублей на развитие бизнеса (хотя своих денег вложил куда больше, конечно). Только в начале нынешнего года снялся с учёта – хозяйство дохода не приносит, содержу его, скорее, для себя, чтобы без дела не сидеть.

Не жалея о прожитом

Бакчарские ветераны Афганистана и Чечни стараются держаться вместе, а осталось афганцев нынче 15-16 человек. Недавно, 23 октября, открыли в райцентре памятник землякам, погибшим в локальных войнах. Ныне военный пенсионер Александр Кондратьев отдал этому делу всё прошедшее лето. Занимаются ветераны военно-патриотическим воспитанием, бывают в школах, встречаются с молодёжью. В Парбиге организовали для ребят клуб «Надежда», в Бакчаре – «Ермак».

Когда бывшие солдаты встречаются, среди них почти не увидишь таких, кто сожалеет о своём военном прошлом. Все вспоминают это как лучшие годы жизни, а особенно – сельские жители, кому больше нигде, кроме Афгана, и побывать-то не удалось. Ну разве что в областном центре.

– А у меня Бакчар – десятое место службы, – смеётся Александр Данилович. – Один переезд равен двум пожарам, значит, я пять раз погорел.

Но, как бы то ни было, вернулся он на своё место. Старшему сыну Кондратьева 30 лет, работает Томске системным администратором. Дочка учится в 11-м классе, собирается поступать в «политех». Что сказать? Разве что – жизнь продолжается.

Виктор Андреевич Кошкоров родился в 1965 году в посёлке Белый Яр Верхнекетского района. Его мать работала медсестрой в хирургическом отделении районной больницы, отец – рабочим, а затем бригадиром сплава участка. Во время учёбы в школе увлекался спортом – баскетболом, волейболом, лыжами, боксом. После 10 класса поступил в Томский лесотехнический техникум. Весной 1983 года был призван в ряды Вооружённых Сил. В Афганистане служил в составе 357-го парашютно-десантного полка 103-й Гвардейской Витебской воздушно-десантной дивизии. Награждён медалью «За боевые заслуги». Демобилизовавшись, работал на заводе ДСП и продолжал учиться в техникуме, после окончания которого вернулся по распределению в Белый Яр. Работал на Белоярском лесопромышленном комбинате мастером по ремонту техники, затем — механиком и старшим механиком. В 1994 году, когда леспромхоз развалился, перешёл на работу в Верхнекетский РОВД. Службу в милиции проходил на разных должностях, от госавтоинспектора до начальника ГАИ и заместителя начальника ОВД по кадровой работе. В 2005 году его пригласили на работу в администрацию Верхнекетского района. Сейчас занимает должность ведущего специалиста по мобилизационной работе.

«Война научила ценить жизнь»

«Афганистан был чем-то очень далёким»

Виктор Кошкоров к службе в армии относился более чем серьёзно: он с детства мечтал стать военным и после школы собирался поступать в Омское танковое училище. Но взрослые посоветовали не спешить: сначала надо сходить в армию, посмотреть, понравится ли. Сразу после окончания 10 класса съездил в Томск, на курсы ДОСААФ, — прошедшие такую подготовку могли рассчитывать на службу в ВДВ. Так и вышло: весной 1982 года его призвали не куда-нибудь, а в десант.

— Сначала я служил в Литве, в городе Гайжунай. Через пять месяцев нам предстояло сдать экзамены — поллитчасть, огневую подготовку, вождение. И появилась информация: кто сдаст на «отлично», поедет за границу, — смеётся Виктор Андреевич. — Но все почему-то склонялись к тому, что это будет Болгария или Чехословакия. Конечно, мы знали, что в Афганистане идёт война, и на территории нашей части даже стоял памятник старше-

му сержанту Николаю Чепику, который в Афганистане попал в окружение и подорвал себя гранатой, положив при этом многих душманов. И всё-таки эта война была чем-то очень далёким, говорили о ней мало, и представление о происходящем было самое смутное. Но готовили нас очень серьёзно. Я учился на механика-водителя БМД (боевая машина десанта). У нас были очень хорошие преподаватели, особенно запомнился капитан Муквич, который уже побывал в Афганистане. Преподавая техническую часть, он всегда говорил — вам никто не поможет, если вы сами себе не поможете. А для этого нужно машину знать «от и до»! После того, как я сдал экзамены на «отлично», ко мне подошёл москвич Андрей Хлопов, с которым мы подружились, и сказал: слушай, тут в Афганистан ехать предлагают. За границей послужим! Только ты, если что, просись в Кабул — всё-таки столица, цивилизация! А вечером вызывает меня командир роты и говорит: вот у вас есть брат и сестра, и экзамены вы хорошо сдали. Как смотрите на то, чтобы

послужить за границей? Мы хотим направить вас в Демократическую республику Афганистан выполнять интернациональный долг! Ну, я парень деревенский, спорить не привык — надо так надо (смеётся). Ну и всё. Мы попрощались с ребятами, нас посадили в «Газ-66» и повезли в аэропорт. Причём с собой дали всё что можно — парадную форму, шинели, бушлаты, чуть ли не валенки. Ночь мы провели прямо на аэродроме — благо, шинели были. Расстелили их прямо на траве и спали, а утром сели в грузовой «Ил-76» и полетели. Перед Кабулом дозаправлялись на каком-то военном аэродроме (скорее всего, это была Фергана). А вскоре вид за бортом резко изменился. Я такое видел впервые: горы, горы без конца. И вдруг кто-то говорит — о, смотрите, Кабул! Смотрю в иллюминатор и не могу понять — что это за столица?! Это даже не город в привычном для нас понимании, а просто квадратики глиняных домиков — дувалов. Приземлились, вышли из самолёта — воздух совсем другой, сухой, горячий, с непривычным запахом.

Гайжунай, Литва, июль 1983 года

Потом к нам подвели человек 150 дембелей в беретах и парадках, и старшина – видимо, комсомольский лидер – сказал короткую речь, пожелал нам отслужить благополучно, как отслужили они, и вернуться домой живыми. После этого они сели в самолёт и улетели, а нас повели в клуб, который располагался в железном ангаре. Туда приезжали «покупатели» из разных частей – кому-то нужны были стрелки, кому-то – механики-водители. Я попал во вторую парашютно-десантную роту первого батальона 357 парашютно-десантного полка 103-й Гвардейской Витебской воздушно-десантной дивизии. В части нас встретили дневальный и старшина – рота в этот момент была на сопровождении колонны. И только часов в одиннадцать вечера послышался шум, и заходят ребята – в бронжилетах, с автоматами

Колонна после высадки пехоты. Чарикарская долина, зима 1984 года

наперевес, все в пыли, грязные невероятно, как будто в кочегарке работали. Особенно пыли было много – казалось, она лежит белым слоем даже на ресницах. Зашёл командир роты, кого-то отчитал, кого-то поблагодарил. За ним – комбат с усами, как у Чапаева. Нас представили перед строем, причём в очень жёсткой форме, да ещё и загнули, что называется, в три этажа (смеётся). Всё это резко отличалось от Литвы – там я за пять месяцев не слышал от офицера ни одного ругательства.

Разница между нами и теми, кто уже успел послужить, была огромная, хотя старше они были всего на год, а то и на полгода. Здесь всё было иначе, чем в Литве, – и отношения другие, и юмор другой. Но часть у нас была очень хорошая, и относились к нам хорошо. На боевой операции старшие никогда не пускали нас

вперёд – иди сзади и учись. Сразу осмотрели наши башмаки, все подковки, прибитые, чтобы громче стучали и набойки не снашивались, оторвали – на камнях на них легко было поскользнуться. Постоянно следили, чтобы вода во фляжках была (а иногда так не хотелось таскать с собой лишние два литра!). Одним словом, берегли.

«Время не шло, а летело»

На следующий день водителям-новичкам предстояло принять БМД от тех, кто улетал домой. Процедура была волнующей: за время службы машины стали для водителей практически родными. А ещё через день Виктор и его сослуживцы отправились на первое в его жизни боевое задание – сопровождать колонну машин, везущую из Союза топливо и продукты.

– Мы находились почти на самом севере страны, а части наши были разбросаны по всему Афганистану. Опасные участки каждого маршрута были отмечены заранее. Когда колонна проходила по такому участку, нашей задачей было её прикрывать. Вот в такое сопровождение я попал на второй день своего пребывания в Афганистане. Тогда всё прошло спокойно, никто не стрелял. И началась повседневная жизнь. Что мне нравилось – в части мы практически не находились. Бывало, что и ночевали на выезде, если колонна задерживалась...

В части, конечно, безопасно, охраняемая территория всё-таки. Зато время идёт медленно. Конечно, в части солдат тоже не сидит без дела – благоустройством занимается, копает что-нибудь. Но разве это интересно? Я считал – раз уж мы приехали в Афганистан, значит, нужно что-то повидать! На Новый год нас на две недели отправили охранять телевизионную вышку. Это было интересно – весь Кабул как на ладони. Стоит «полуторка», а на ней – огромный прожектор, как в фильме «Освобождение» (наверное, ещё с войны остался). А после Нового года нашей части выпало охранять резиденцию руководителя оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане Соколова, который потом стал министром обороны. Точнее, резиденции там было даже две – нижняя и верхняя, в которую надо было по серпантину заезжать. Настоящий дворец, оставшийся ещё от англичан – такие сады, столько роз! Там у нас были задачи чисто охранные. Нам выдали новую, с иголки, форму – всё-таки генералы ходят! По периметру – пулемётные гнёзда, забор двухметровый, каменный, сверху – колючая проволока. Сигналки, несколько барьеров ограждения – всё очень серьёзно. Но мы, механики-водители, там побыли совсем недолго – пришла новая техника, БМП-2, и нас отправили её изучать. Эта машина имела более серьёзную броню и была оснащена пушкой другой модификации. Три машины, которые нам дали, мы по горам за полтора месяца разбили напрочь. А по приезде в часть нас встретили три новых БМП-2 с пробегом 500 км – от

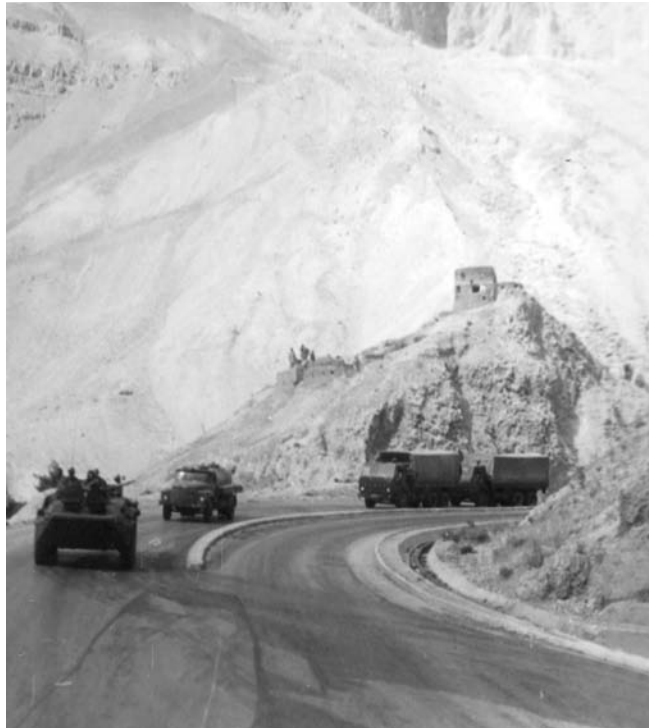

Рота после первых боевых. Виктор Кошкоров – восьмой слева (на заднем плане). Чарикар, апрель 1984 года

Термеза до нашей части. И счастливы мы были, как автомобилисты, купившие новую машину!

Получение новой техники, вспоминает Виктор Андреевич, по времени совпало с началом активных боевых действий. Теперь в горы уходили на недели, а то и на месяц-полтора. И тут уже время не шло, а летело: в часть возвращались редко, только чтобы привести себя в порядок (насколько это вообще возможно на войне). Технику заправляли прямо в горах. Побывали и на самом севере Афганистана, и на юге, в районе Джелалабада, и в Баграме, и в Панджшерском ущелье. Чтобы не расстраивать родных, бойцы перед уходом из части отдавали дневальному сразу несколько писем: тот отправлял их через два-три дня, и казалось, что солдат постоянно на связи.

– Писали, что всё спокойно, ездим на учения, – говорит Кошкоров. – И волновать родных не хотели, и цензура письма проверяла. Знали – если лишнее напишешь, письмо твоё просто не дойдёт. Из-за цензуры я лишился и большинства фотографий. Фотографировать я люблю, увлекался этим с детства, и ребята, узнав об этом, нашли мне старенькую «Смену». Но половина отправленных по почте фотографий до родных не дошла. А остальных я лишился перед самой посадкой в самолёт, когда возвращался домой. Фотографий было много, в том числе очень интересных. Но нас проверяли – не везём ли мы домой что-нибудь лишнее, гранаты, например. Проверяющий увидел фотографии – и даже разбираться не стал, – все порвал тут же: нельзя, боевая техника! Демобилизовался я 27 апреля 1985

Сопровождение грузов из СССР. Саланг, 1984 год

года – как приехали мы, три механика-водителя, вместе в Афганистан, так вместе и уехали. Причём отпустили нас немного раньше, чем обещали. Командир роты сказал – всё, ребята, езжайте домой, навоевались! Родных мы предупреждать не стали, решили – пусть это будет для них сюрпризом. Доехали до Барнаула, где жил Костя Шашмулин, добрались до его дома. Открыл нам Костин отец. Увидел нас, взял всех троих в охапку – мужчина он был крепкий – и занёс в квартиру. Мы пожили у них несколько дней, а 30 апреля вечером я сел на поезд и утром 1 мая был на вокзале Томск-1. В Томске лютый холод, и транспорт не ходит – всё движение перекрыли из-за демонстрации. Посидел немножко и пошёл пешком к другу в общежитие пединститута. А уже оттуда – в общежитие завода ДСП, к невесте, с которой мы вместе учились в техникуме. Прихожу – а она, оказывается, уехала на праздники к родственни-

После первых боевых. Кабул, весна 1984 года

кам. Так что встретились мы только четвёртого мая. А уже через два месяца сыграли свадьбу...

«Некоторые даже завидуют»

Когда Кошкоров рассказывает о войне, складывается впечатление, что там не было ничего страшного или тяжёлого.

– Наверное, самое тяжёлое постепенно просто стирается из памяти. Хотя было его много, – рассказывает Виктор Андреевич. – Иногда за рулём так уставали – колонна идёт вторые сутки, а поспать невозможно. Те, кто на броне, кемарят во время движения, а водитель – как только колонна встала. Я до такой степени выматывался, что понять не мог, как я так быстро засыпаю. Даже есть не хотел. Оператор-наводчик, бывало, тащит мне кашу, а я говорю – нет, я время тратить не буду, лучше хоть 15 минут, но посплю! Но ещё больше

доставалось пехоте. Мы их высадим – и сразу уходим – встаём с другой стороны, не давая душманам отойти. А пехота, двигаясь в нашу сторону, начинает прочёсывать местность. И тяжести они на себе таскали, и от жажды мучились. От некоторых после боевых оставались буквально кожа и кости, в том числе от обезвоживания. Представляете, каково пить из пластмассовой фляжки, когда на жаре в ней практически кипятки? А колодцы в большинстве своём были отравлены. Приходилось пить такую воду, которую и водой-то назвать трудно. Чтобы её очистить, давали специальные таблетки. Но я однажды попробовал – и не смог это выпить – всё равно что хлорки налили.

В переделку я впервые попал, когда мы были в сопровождении. Колонна почти пролетела, слышим – впереди загрохотало что-то. Мы сразу туда, на помощь. Подъезжаем – несколько машин уже горят. Там

Сопровождение на Гардез. Привал в одном из кишлаков. С мирным населением. Весна 1985 года

На реке Панджшер. Весна 1985 года

я впервые услышал, как по брустверу стучат пули. В кино это, конечно, выглядит эффектно. А в жизни довольно неприятно: сразу понимаешь, какой ты уязвимый и как легко можешь расстаться с жизнью. Однажды во время боевой операции в районе Джелалабада мы остановились на ночёвку у старого русла реки. И пренебрегли опасностью – костёр развели. Вдруг слышим – пулемёт ДШК заработал. И по брустверу как вдарило! Мы сразу – котелок на костёр и по машинам. Из «зелёнки» тоже стреляли часто. Надо сказать, офицеры нас берегли: «вперёд, в атаку любой ценой» – такого не было. Старались обложить противника, если есть возможность – вызвать на подмогу вертолёты или танк. Но без потерь всё равно не обошлось. Помню, как расстреляли нашего прапорщика и ещё двух бойцов. Они после этого несколько часов лежали на солнце, потому что мы не могли к ним подойти. И

как погиб Виктор Чабан, сержант с нашей машины. Они поднимались в горы, и снайпер задел нашего взводного: пуля ударила о камень, и осколком взводному выбило глаз. Виктор хотел помочь, только приподнялся – и всё. И тоже лежал на 40-градусной жаре, пока не прилетели «вертушки». А потом его ещё надо было спустить с горы вниз... Но, что интересно, – мне война ни разу не приснилась, а если и приснилась, то я этого сна не запомнил. Некоторые говорят, что она им снится постоянно, а я как-то отсёк от себя эти воспоминания. Может быть, просто склад характера такой – я ведь всегда хотел быть военным.

Сам Виктор Андреевич был контужен – от ударной волны из носа и ушей пошла кровь. Но жалости к себе он, вспоминая Афганистан, не испытывает: так распорядилась судьба, а её распоряжения обсуждать бесполезно. Смеётся – некоторые ему даже завидуют!

– Один знакомый сказал – он за всю службу даже автомата не видел! А у нас всё было конкретно – автомат лежал прямо под кроватью, чтобы в случае необходимости время не тратить. И патроны ведрами стояли – стреляй сколько хочешь, только оружие потом не забудь почистить. Настрелялись досыта – и из пушки, и из пулемёта, и из гранатомёта. Надо было вводить войска в Афганистан или не надо – единого мнения тут никогда не будет. Для меня это был важный опыт: теперь я знаю, что такое война. В жизни она выглядит совсем не так, как в фильмах. Война – это не только подвиги, это ещё и грязь, вши, потеря близких и друзей. Мы жили повзводно, и каждые три месяца у нас пять-шесть кроватей оказывались пустыми. Поэтому после Афганистана у меня всё стало совсем иначе, чем до него – война научила ценить жизнь...

Андрей Владимирович Куценко родился в 1968 году в посёлке Тогур Колпашевского района Томской области. После окончания школы поступил в автомобильно-дорожный техникум в Томске на отделение «Техник-механик». Оканчивал первый курс экстерном – пришла повестка в армию. 1 августа 1986 года прибыл в Афганистан. Попал в знаменитый 180-й Краснознамённый ордена Суворова мотострелковый полк 108-й Невельской Краснознамённой мотострелковой дивизии. Начал службу мотострелком, затем – разведзвод. За без малого два года службы побывал в 25 боевых рейдах. Демобилизовался 1 июня 1988 года в звании гвардии сержанта, командира отделения БМП. Награждён медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды, юбилейными медалями. После службы окончил техникум.

Трое детей. Занимается частным предпринимательством.

Мы без дел скучаем редко

Детский сад, школа, техникум – всё у Андрея Куценко было, как у всех. Разве что только в семье он был младшим (разница со старшими братом и сестрой солидная: 11 и 9 лет), а потому и разрешалось ему чуть больше, и любили его особенно. Вспоминает, как, учась в выпускном классе, узнал, что в Колпашево привезли дефицитные джинсы. Увещевания мамы потерпеть, подождать не помогли. Заняли родители денег и купили парню модные штаны. Разве мог тогда кто-нибудь подумать, что спустя всего каких-то пару лет в далёком и немыслимом Афганистане Андрей, раненый, будет лежать на гранате Ф-1 и радоваться скорой смерти, которая означает, что живым его не возьмут?..

Поедешь на войну

Шёл 1986 год. Советские воины выполняли свой интернациональный долг в Афганистане. В повестке Андрея Куценко стояло только загадочное «команда

2 А». Что это означает, парень, конечно, не знал – группа годности по здоровью высшая, вот и всё. Но всё время точила мысль – только бы не Афган. Если бы тогда дали возможность выбора, это мог быть морфлот, танковые войска – всё что угодно, только не дружественная республика.

И вот эта возможность появилась. Старший брат сказал, что с вероятностью 99 процентов Андрею предстоит ехать на войну, но есть шанс заменить место службы. Это был тот самый выбор, о котором он думал. Несколько секунд внутренней борьбы, а потом: «Нет, брат. Не могу». Старший всё понял и молча пожал младшему руку.

Уезжал Андрей с другом, Сергеем Гавриленко, с которым делил комнату в общежитии в течение года обучения в техникуме. Но этого вполне хватило для настоящей мужской дружбы. Сергей оставил в Тогуре свои вещи: «Вернёмся – и опять вместе в техникум». Вот так, вместе, они и отправились на войну.

В Термезе пополнение было на карантине 3 месяца. И здесь друзей разлучили. Они и хитрить пытались – мол, матери у нас двоюродные сёстры, пошлите нас вместе, – не получилось. Виделись теперь только изредка. А в последний раз – перед отправкой.

Около девяти вечера, темнота, личный состав подразделения уже в «Камазах» сидит, и вдруг подбегает Сергей, жмёт руку другу, суёт ему своё фото с надписью на обратной стороне. Вот эта фотография да пресветлая память и остались у Андрея от товарища. Сергей будет отправлен в Афганистан на день позже друга, а через три месяца, не дожив пары дней до своего девятнадцатилетия, погибнет от пулевых ранений в рот и правое лёгкое. Первого сына его лучший друг, Андрей Куценко, назовёт, конечно же, Сергеем.

Почти как в кино

Термез, горно-учебный центр в Шерабаде – три месяца карантина прошли между этими пунктами.

Здесь молодые постигали азы военного ремесла. В один из таких самых обычных дней в мокром обмундировании (постирал – и сразу на себя, сохнет моментально, а от жары хоть на какое-то время спасает) бойцы спешили в клуб на киносеанс. Но досмотреть фильм не получилось – зажёгся свет, вошёл офицер, приказал строиться на плацу, где уже стояли собранные вещмешки. Звучит последнее напутствие командира и фраза: «Кто не желает служить в Афганистане – выйти из строя!». Андрей Владимирович вспоминает, что такие были, не один и не два. Он не вышел. И даже бороться с собой не пришлось, как тогда, когда давал ответ брату. Примирил себя с мыслью о службе в Афганистане – значит, так надо.

Утром первого августа борт приземлился в Кабуле. Много лет спустя, когда Андрей Куценко будет смотреть фильм «9-я рота», он поразится, откуда столько точных подробностей узнал режиссёр. Одна из них – выход из самолёта молодого пополнения и колонна дембелей, идущая на борт. Улетающие домой – все с иголочки, модные и, как теперь говорят, крутые. Кто-то из них крикнул тогда: «Духи, вешайтесь!». И стало очень-очень грустно. И нестерпимо захотелось домой.

Приехали «покупатели». Молодых разобрали по подразделениям. Андрей Куценко попал в 180-й мотострелковый полк, базировавшийся рядом с Кабулом. А там – тишина. Чуть позже молодые узнали, что полк на боевом выезде, «на войнушке». И вот через неделю такого тихого проживания ребята услышали грянувший над плацем марш «Прощание славянки» (это – традиция, полк уходил и возвращался под эту щемящую сердце музыку). Открылись ворота, и в них вошёл полк – запылённый, грязный, обросший, смертельно уставший. Казарма ожила. Начались обычные армейские будни.

А вскоре состоялся и первый боевой рейд, в котором война предстала перед молодым бойцом совсем не такой, как он ожидал. Первые впечатления от «войны» записаны в маленьком блокнотике, где Андрей фиксировал основные вехи своей жиз-

ни: много винограда, фруктов, дичь. Где-то можно рыбку «половить» (гранату в речку – и вкусный ужин обеспечен). Обстановка прямо домашняя, никто не ругает. В общем, поход на природу да и только! Андрей тогда усмехался про себя и недоумевал: и чего все войной пугали? Ни стрельбы, ни душманов. Ну где-то недоспал, чуть недоел, ну чуть-чуть грязно, а так – всё в полном порядке.

Не особенно напугал 18-летнего парня и второй выезд. Тут уже и побегать пришлось (всё-таки 4 тысячи метров над уровнем моря, тяжело), но всё равно с такой войной можно было мириться. Так было вплоть до ноября, когда объявили многоэтапную операцию.

Чарикар – Панджшер – Саланг

Предупреждали все: и офицеры, и старослужащие, – что придётся нелегко. С Ахмад-шахом Масудом шутки плохи.

Погрузка на вертолёты с последующим десантированием в горах – так начался один из этапов этой операции в Панджшерском ущелье. На первый борт сели, кроме бойцов, комроты, его заместитель и товарищ Андрея Владимир Иванников, ходивший связистом с командиром. Остальные рассредоточились по другим «вертушкам». Полетели. Сначала всё было спокойно, машина шла ровно, потом стала делать движения из стороны в сторону. В салон выбежал бортмеханик, к одному иллюминатору метнулся, дал очередь из пулемёта, потом к другому, снова очередь. Парни старались рассмотреть, что происходит внизу. А там уже «заварилась каша». Слив керосин, «вертушки» ушли на Баграм.

Вот тогда Андрею опять до слёз захотелось домой. Думал, что на месте десантирования сейчас очень тяжело, там ведь остался вертолёт, где летел командир роты. И Вовка. А их куда теперь? Наверное, в полк обратно. Мысли роились, не давали покоя. Вдруг команда: «На борт!», и снова полетели к обозначенному месту. А там сидят уцелевшие, в числе которых и плачущий друг Андрея, рассказавший, как

Кабул, 1988 год

всё было. Вертолёт завис перед десантированием, в это время пуля попала в редуктор. «Вертушка» стала заваливаться. Тогда комроты Бахтиер Акрамов начал выталкивать бойцов – всех до единого. А сам не успел, вместе с экипажем рухнул вниз.

Несколько дней несли боевое дежурство на горе, а потом получили приказ – спускаться и уходить по ущелью. Заместитель командира, оставшийся за погибшего комроты, сказал тогда: «Это самоубийство». Но надо было идти, приказы не обсуждаются.

Стояла гробовая тишина, как всегда бывает перед боем. И бой не заставил себя ждать. Бойцы залегли. И вновь приказ – подняться в горы, занять оборону. Только двинулись – «духи» обрушили шквал огня. Андрей Куценко на всю жизнь сохранит в памяти картинку, которую увидел, чуть приподняв голову: на чёрном камне горы появляются белые кругляши

И вновь Чарикар. Андрей Куценко (второй справа) со своими друзьями-однополчанами. 5 февраля 1988 года

– отметины от пуль. Снова залегли. Авиа- и артнаводчики, шедшие с пехотой, корректировали по рации огонь дальней артиллерии, единственной, что смогла чуть приглушить азарт душманов. Дождались ночи и двинулись. Раненые и «двухсотые» – только с собой. И как же тяжело было нести их! Вчетвером тащили плащ-палатку, в которой лежал один человек, но как тяжело, как тяжело... Чуть позже действия А. Куценко в этом рейде командование посчитало достойными медали «За отвагу».

Вышли к своим, отоспались. И Андрей Куценко тогда подумал: «Вот это да! Вот она какая, война». А потом пришло письмо от сослуживца Сергея Гавриленко, где рассказывались обстоятельства гибели друга. На школьный поход всё это больше не походило.

Батальонная разведка

Первый Новый год на афганской земле Андрей Куценко встретил в карауле. Что загадал тогда – не помнит, но одна его мечта вскоре сбылась.

Как, наверное, любой парень, он всегда мечтал служить в элитных войсках. В десант не взяли. Казалось, так всю армейскую жизнь и проходит он в пехоте, но в январе пришёл «покупатель» из разведвзвода. Счастью друзей не было предела, когда их, Владимира Иванникова и Андрея Куценко, отобрали для службы в батальонной разведке. Вместе с ними пришли ещё девять человек – значит, на столько ранее поредел разведвзвод... Но они тогда об этом не думали, опьянённые радостью. Им ведь даже тельняшки выдали, хотя в полку это положено не было. А разведчикам кто запретит?! Сразу, с первой

минуты пребывания в расположении разведвзвода, они стали гордиться.

И это чувство только крепло. Например, не раз они испытали на себе, что значит для разведчиков братство – лезь в толпу, рви зубами, но своим помощи. В то время в армии не было национализма, но все всё равно старались общаться с земляками. Создавались кланы: узбеки, таджики, чеченцы, казахи. В разведвзводе такого не могло быть в принципе: все шли друг за друга. Это касалось и любого выезда. Если у кого-то просто не оставалось сил идти «в горку», друзья без вопросов «разгружали» его. Андрей помнит, как, обливаясь потом, буквально из последних сил старался тащить себя в одном из таких походов. Думал, что ребятам, которые понесут его вещи, будет ещё тяжелее. Терпел. И шёл. Этому разведка научила на всю жизнь: преодолевать препятствия и не склонять голову перед испытаниями.

А ещё Андрей Владимирович до сих пор благодарен службе за очень ценные качества, воспитанные ею: быстрота реакции, умение преодолевать страх, не лениться. Последнее проявилось максимально быстро. Помог случай. Новую форму, выданную вновь прибывшим, необходимо было ушить по фигуре – таков закон разведки. «Деды» так и сказали: «Как хотите, но в пять утра на построении все – в идеале». А солдат ночью должен спать – эта истина тогда казалась Андрею непреложной. Вот он и отмахнулся от будивших его сослуживцев, решив, что ничего страшного не случится, если он ушьёт форму на следующий день.

Утром, на построении, офицер хвалил молодых: хорошо, молодец. А возле Куценко остановился и с недоумением взглянул на дембелей: «Что тут у вас за дела?». Самому «не ушитому» – ни слова. Вечером это слово сказали старослужащие, один из которых, боксёр, пару раз «вляпал» Андрею. «Ты понял, за что?» Куценко понял. И больше такого не повторялось. Побриться, помыться, подшиться, постираться – всё это он до сих пор выполняет на одном дыхании. Для него и в мирной жизни, как на войне, мелочей не бывает...

Своё девятнадцатилетие Андрей Куценко встречал в боевом выходе. Служивцы тогда сделали ему поистине шикарный подарок: тройную норму сахара, масло и освобождение от дежурства на посту. А ночью в его честь даже был «салют» – сработали растяжки, установленные по периметру. Разведчики выскочили, постреляли, но ответного огня никто не открыл.

Отдельную страничку в блокноте сержанта Куценко занимает день 12 мая 1987 года. Он не был тогда со своими ребятами – лежал в госпитале с переломом, полученным во время строительства стрелково-пулемётного сооружения. А полк пошёл в рейд и попал в засаду. Четверо убитых, взводный получил тяжёлое ранение, от которого скончался в госпитале.

Как плохо было на душе у Андрея, когда вернулся! Чувствовал вину, что «валялся в это время на койке». Но повседневные дела не позволяли долго терзать себя, началась подготовка к новому рейду.

Боевая «Красная Звезда»

Это был город на холмах под названием Пагман. И день был знаменательный – День молодёжи, последнее воскресенье июня. Полк шёл колонной. Разведка, как всегда, впереди, на трёх БМП. Прошли «зелёнку». Впереди полуразрушенный кишлак. Его тоже прошли без проблем. А сразу после, справа и слева от дороги, – перевёрнутые вверх дном дулканы. Молнией пронеслась мысль: «Нынче так просто всё не закончится».

Разведчики вышли на широкую дорогу, по обеим сторонам которой – рисовые поля террасами. И началось! Мощнейший обстрел, сразу подбили одну БМП. Оператор-наводчик в башне очумел от взрыва и начал палить во все стороны. Взрыв. Ещё один. И Андрей Куценко почувствовал, как что-то шлёпнуло его сзади. Посмотрел вниз – кровь. Испугался, что перебило ноги. Пошевелил ими. Всё в порядке, на месте. Стал шарить глазами – где автомат. Увидел свой «калаш», передавленный гусеницей БМП. Рванулся к машине, в десантное отделение. Стал

стучать в башню, чтобы наводчик перестал палить и привлекать внимание «духов». Параллельно – поиск оружия, хоть какого-то. Ещё один автомат! Рожок пустой... Чуть не заплакал от бессилия – в «десанте» несколько цинков с патронами, открыть которые без специального ключа невозможно!

Вдруг (откуда только взялся!) к Андрею подбежал санинструктор, быстро осмотрел, вколол промедол. И так же мгновенно исчез – другим тоже требовалась помощь. Андрей лежал на цинковых ящиках с боеприпасами и чувствовал бесконечную лёгкость во всём организме – лекарство делало своё дело. А кругом – стрельба, стрельба, стрельба. Взрывы. Потом – затишье и громкие крики: «Аллах акбар!». «Духи» были совсем рядом. Сколько до них? 20? 30? 40 метров? И тут он не просто запаниковал, – его обуял ужас. Им рассказывали, какие пытки применяют к пленным советским воинам душманы. А у него нет ни-че-го, чтобы дать отпор, чтобы хотя бы попытаться выбраться. Его схватят. А потом – потом будет кошмар. И тут – вот уж действительно откуда ни возьмись! – он увидел гранату. Все мысли о плене улетучились. Как описать словами то состояние, когда находишь спасение из, казалось бы, абсолютно безвыходной ситуации? Счастье, наверное. Живым не возьмут! Он разогнул усики, палец засунул в кольцо и положил гранату под грудь.

...Когда-то, смотря фильмы о Великой Отечественной, Андрей думал – какой же силой воли, каким самоотречением и бесстрашием надо обладать, чтобы самому подорвать себя. А вот пришло время, и он понял – бывают обстоятельства, когда весь мир сужается до размеров одной-единственной гранаты Ф-1. И это совсем-совсем не страшно – дёрнуть кольцо...

С этими мыслями, умиротворённый, он ждал, когда «духи» подойдут вплотную. Но вместо них к двери боевой машины пехоты, где лежал Куценко, подошёл танк (наш танк!) и сделал выстрел, ещё, ещё. Замельтешил народ. Танкист кричит, что даёт разворот, надо уходить. Андрей поднялся, но идти

не смог – крови потерял немало. Только что готовый взорвать себя, сейчас он так не захотел снова оставаться один – «через не могу» ухватился за фальшборт танка и... побежал!

Остальные раненые тоже благополучно добрались к своим. День молодёжи завершился в баграмском госпитале, куда доставили ребят сразу после боя.

А домой летели радостные письма о том, как хорошо и спокойно ему служится, что, если долго не пишет, не надо беспокоиться – просто очередная командировка, и т.д. Мама читала, плакала, седела, отец хранил молчание. Он и потом, встретив сына на пороге, просто крепко обнял своего младшенького и сказал: «Молодец!» – такой лестной и дорогой похвалы Андрей не получал ранее никогда!

Через некоторое время за этот бой Андрей Куценко был награждён орденом Красной Звезды. Об этом он тоже много думал и поначалу считал, что ничего особо героического не совершил. Осознание пришло позднее. Может, это и есть подвиг – принять бой, всю ярость «духов» на себя. Дать полку время отойти и перегруппироваться.

Но рассуждать об этом он не любит. Как и о целесообразности той войны.

Ну разве это было зря?

Стойкое убеждение Андрея Владимировича – дискуссии о нужности-ненужности войны, необходимости ввода войск и их вывода должны вести политики. Абсолютное большинство солдат и офицеров просто честно выполняли свой долг, ту задачу, которую поставила перед ними родина.

Конечно, когда в ленинской комнате политруки рассказывали парням, что они охраняют южные рубежи своей страны, даже восемнадцатилетним мальчишкам было понятно, что это, мягко говоря, лукавство. Но рассуждать об этом в их обязанности не входило. Им нужно было выполнять приказ.

Зато высказать своё мнение о войне считали нужным очень многие на гражданке. И, как правило, мнение это было однозначное – война никому не

В ожидании отъезда домой

нужна. Вот это слышать было обидно и больно. Получается, все лишения, ранения и смерти люди, отсидевшие за спинами тех, кто прошёл афганскими дорогами, одним своим словом сводили к нулю.

Местное население Афганистана тоже неоднозначно относилось к советским войскам. Были такие, кто искренне не понимал, зачем Советы пришли, афганцы, мол, сами разберутся во всех вопросах. Но больше было тех, кто благодарил ребят, просил не бросать жителей Афганистана в беде. Андрей вспоминает, как однажды разговорились с «зелёными» — прозванными так за цвет формы афганскими воен-

ными. Один из них запросто рассказал, что сначала воевал у «духов». Называл даты и места, где 180-й полк попадал в серьёзные и не очень переделки. Потом перешёл в армию, потому что душманы убили его брата за отказ воевать с ними. «Он был дехканин, не хотел война. А они убили. И жена его убили. Я обиделся. Теперь воюю против них»... И никто не дал бы гарантии, что потом он опять не пойдёт к «духам», «обидевшись» за что-нибудь на правительство. Ну не был он борцом за идею.

Тем не менее обиды на ту страну у сержанта Куценко нет. И никогда не было. Ведь Афганистан подарил ему верных друзей и боевое братство, встречи с новыми интересными людьми, посещение концертов замечательных артистов А. Розенбаума, И. Кобзона. Было в военной афганской жизни даже интервью молодого сибиряка итальянскому телевидению! А ещё служба в «дружественной республике» стала периодом взросления, возмужания и переоценки ценностей. И цель сформировалась чёткая — вернуться домой, жениться, растить детей, работать.

Но до дома было ещё далеко — несколько боевых выездов.

Не позабыть тех дорог

Их было больше двадцати, таких «поездок»: Бараки, Файзабад, Таликан... О каждой Андрей может вспомнить немало подробностей. Война у каждого своя и у всех — общая.

Алихель, в непосредственной близости от границы с Пакистаном, не мог не запомниться разведвзводу. Во-первых, здесь вместо гор были сопки, полностью покрытые хвойными деревьями, названия которых никто не знал. Во-вторых, с собой у бойцов был сухой паёк, запас воды на трое суток. А стоять пришлось дольше. Из Пакистана постреливали, но снаряды уходили в сторону, не доставляя особых хлопот. А вот «вертушки» не могли зависнуть, чтобы сбросить продовольствие. Ни еды, ни воды, ни сигарет.

Первые три-четыре дня Андрей, как и все остальные, испытывал тупое бешенство — есть хотелось

до умопомрачения, курить — ещё сильнее, а уж без воды было желание просто завывать. Потом состояние изменилось — лежать, не двигаться, спать. Бодрствовали только те, кто на посту, остальные просто лежали под деревьями. Потом несколько солдат ушли в самоволку, а вернулись с водой — нашли где-то у подножья сопки арычок; напоили всех. Жить стало веселее. Ну а вскоре и еду бойцам доставили.

Кандагар. Здесь велось строительство асфальтного завода, советские воины помогали в сопровождении техники. На этом недельном марше Андрей Куценко вспомнил, как впервые увидел вернувшийся с выезда полк — какими пропылёнными тогда были бойцы. Сейчас он сам горстями собирал пыль с лица, но это мало помогало.

Поразила его разница между современным Кабулом, где женщины ходят без паранджи, и настоящим средневековым, царящим в отдалённых кишлаках. Есть в архиве Андрея фотография на афганском снегу. Было и такое. Но дома, в Сибирью, совсем не пахло. Минус десять при повышенной влажности в горах становились настоящей пыткой для воинов. К счастью, снег быстро таял, но промёрзнуть успевали как следует. В ноябре ели созревший, истекающий соком виноград. Настоящие арбузы Андрей попробовал только там. В его памяти и маленьком блокноте сохранилось великое множество таких мелких деталей и подробностей, хорошо знакомых каждому, кто может причислить себя к большому братству воинов-афганцев.

Пора домой

Демобилизовался Андрей Куценко 1 июня 1988 года. Но попасть домой оказалось не так-то просто. Почти два дня ждали борт, чтобы вылететь из Кабула. Потом с замиранием сердца следили, как заходит на посадку уже не ожидаемый самолёт с молодым пополнением. Теперь сами они уже были теми дембелями, на которых с трепетом смотрели юнцы. Офицер, руководивший отправкой, дал приказ идти на борт строевым шагом. Пошли. Сбились. Велено ещё

раз. Опять не в ногу. Тогда офицер показал список: «У меня здесь ещё пятьсот человек. Вас всех оставляю, а они полетят». Тут уже в строю слышались возгласы: «Мужики, ну последний раз сделаем!». И сделали. Красиво все, как один, поднялись в самолёт. Офицер пожелал счастливого пути, а ответом ему была только нецензурная лексика.

Взлёт. И опять не одно сердце замерло. Все знали историю о сбитом на взлёте самолёте с дембелями. Расслабились только когда борт набрал недостижимую высоту. А потом, лаская слух, прозвучало обращение пилота: «Товарищи дембеля, мы пересекли границу Советского Союза. Поздравляю вас!». Крики, овации. Пилот со смехом попросил: «Ребята, кончайте прыгать, самолёт раскачает».

Пересадки, ожидание рейсов, встречи с хорошими людьми, пропускавшими без очереди за билетами, кормившими, предлагавшими ночлег, – всё это заполнило те несколько дней, что Андрей Куценко добирался до дома. Говорит, что готов был в армию ещё раз сходить, только чтобы вновь пережить безграничную радость встречи с любимой девушкой, родителями, родственниками и друзьями. Переполненный всеми этими эмоциями, за богатым столом он сумел сказать только два тоста. Потом уснул в знакомой с детства комнате. И спал долго. В тишине, которая на этот раз совсем не предвещала тяжёлый бой.

Пароль «Афган»

Андрей Владимирович поддерживает отношения со всеми однополчанами, кого удалось разыскать. Несколько лет назад вместе со старшим сыном побывал в Москве на встрече ветеранов 180-го полка – встрече с молодостью. Сейчас активно осваивает Интернет. В социальных сетях разыскивает сослуживцев, собирает информацию о своём полке, операциях, в которых участвовал.

В Колпашеве афганское братство не менее сильно. Пусть все они служили в разных частях и в разное время, но пароль у них, и правда, один –

Построение 180-го полка спустя двадцать лет после афганской войны. Москва. 180-й мсп подарил миру трёх Героев Советского Союза. В их числе Р.С. Аушев и Ю.А. Шиков

«Афган». К сожалению, встречи не столь часты. А общения не столь много, как, возможно, хотелось бы. Современная действительность не даёт времени отдышаться, расслабиться. Даже спустя четверть века после войны жизнь сержанта Куценко продолжает полностью соответствовать песне о батальонной разведке, которая, как известно, без дел скучает редко. Каждый его день – если и не подвиг, то бой. С жизненными обстоятельствами. Он не сидит без дела, всегда занят то строительством, то оформ-

лением документов, то решением других важных вопросов. Самый главный и приятный в их числе – воспитание младшего сына. Никите Андреевичу Куценко пять лет, и он уже настоящий боец. Когда папа говорит ему этот комплимент, Никита сердится: «Никакой я не боец». Но в нём на самом деле уже проявляется характер. И дай Бог, чтобы этому славному мальчишке не пришлось, как его отцу, воспитывать в себе какие-нибудь хорошие качества в боевой обстановке.

Дмитрий Александрович Максимихин родился в 1964 году в городе Куйбышеве Новосибирской области. Рос и учился в школе в Стрежевом. После окончания восьмилетки поступил там же в училище, а в 1982 году уехал в Барабинск, откуда, окончив курсы ДОСААФ по специальности «механик-водитель ГТТ», в ноябре 1983 года был призван в армию. Выучился на оператора-наводчика БМП и весной 1984-го направлен в Афганистан. Служил в Баграме, в развед-десантной роте 781-го отдельного разведбата 108-й Невельской Краснознамённой мотострелковой дивизии. Демобилизован в звании сержанта. Награждён орденом Красной Звезды, который ему вручили уже дома, на торжественном праздновании Дня нефтяника; медалью «За отвагу».

После демобилизации работал в Стрежевском УТТ-2, воспитывал сына и дочь. Сейчас – предприниматель. Много занимается общественной деятельностью. Возглавляет стрежевскую городскую организацию ТРО Российского Союза ветеранов Афганистана.

Руки и сердце

Дмитрий и Светлана Максимихины в Стрежевом люди известные. Общественная деятельность, братство воинов-афганцев, встречи со школьниками перед Днём защитника Отечества, проводы в армию – это Дмитрий Максимихин. Приёмы и консультации ребятишек, общение с их родителями, профессия, при которой трудно незамеченной пройти по городу («Ой, Светлана Геннадьевна! А вы нас помните? Спасибо вам! Видите, какими мы стали?») – это педиатр-неонатолог Светлана Геннадьевна Максимихина.

Они бывали и на страницах местных газет, и на телеэкране. Но по отдельности.

Здесь мы рассказываем о них как о семье, как о союзе двух незаурядных людей. Потому что ни один из них без другого не стал бы тем, кем он стал.

Не верь приметам

День регистрации их брака в 1989-м году выпал на пятницу, 13 января.

– Все кругом говорили: «Ой, не к добру!» – вспоминает Светлана. – Но нас это не напугало. Если быть тому, то – быть. Вот уже серебряную свадьбу отметили, всё у нас сложилось удачно.

– А как иначе? – добавляет Дмитрий. Ведь я её «с двумя взял».

Приняв слова Дмитрия Александровича за чистую монету, я начинаю в уме высчитывать, сколько было детям Светланы, когда они поженились. Оказывается, что это шутка, семейная легенда. Когда на четвёртом году их брака Дмитрий получил на работе сильнейшее обморожение, он несколько месяцев провёл в больнице. Жена, оставляя сына и дочь на бабушку, самоотверженно ухаживала за ним. По полдня проводила в мужской палате, «чуть ли не под кроватью», замечает она. А когда нужно было выйти, сидела с книгой на диванчике в коридоре.

– И вот однажды читаю и слышу, как медсёстры шепчутся: «Надо же, какая женщина! Так ухаживает

за своим мужем!». – «Да что ж ей не ухаживать? Он её с двумя детьми замуж взял».

Так и повелось. С тех пор он нет-нет да и подшутит: «Слушать меня должна! Я ведь тебя с двумя взял».

На самом деле было по-другому, хотя не менее интересно. В юности они были совсем рядом друг от друга и не встретились. В Барабинске Новосибирской области, где Светлана оканчивала десятилетку, Дмитрий учился в школе ДОСААФ. Пока занимался, ходил в её школу на танцевальные вечера. У них были общие знакомые. А вот – не свела судьба. В 1983-м оттуда же, из Барабинска, его призвали в армию, а через полгода направили в Афганистан.

– Я служил в 781-м отдельном разведбате 108-й Невельской Краснознамённой мотострелковой дивизии. Мы были единственной развед-десантной ротой. Боевые операции шли постоянно: перехват бандформирований, ночные засады. Если операции проходили в тяжёлых местах, нас тоже туда

Дмитрий Максимихин – крайний слева. Саланг, 1985 год

С афганцами из народной милиции. Трофеи. Дмитрий Максимихин – крайний слева. Чарикар, 1985 год

бросали. Участвовал в рейдах вдоль пакистанской границы. Со мной служили хорошие люди. Иных в таких местах всегда видно. Если плохие попадались, мы всегда имели возможность их убрать, требовали перевести из разведки.

Десять месяцев участия в боевых действиях. Контузия. Награждение орденом. Возвращение в строй. В общей сложности Дмитрий Максимихин прослужил два года и четыре месяца.

Светлана тем временем училась в мединституте. Получив диплом врача, отправилась по распределению на север области: в город нефтяников переехали её родители. Туда же после армии вернулся будущий супруг.

Матери Дмитрия и Светланы работали в одной организации. Вместе ездили в командировки на промыслы, сдружились. Через них познакомились дети. Когда Дмитрий в первый раз пошёл провожать Светлану, он сразу увидел, что значит быть детским врачом в маленьком городе.

– Подходим, видим: у моего подъезда стоит молодой мужчина. Его жена недавно родила двойняшек. Тяжёлые были дети, с патологией. Из больницы не вылезали. Я только начала работать, это были мои первые больные, я их на всю жизнь запомнила. «Светлана Геннадьевна, что делать?» – спрашивает он. – Опять задыхается. «Скорую» вызывать не хотим – ведь опять в стационар положат. Жена уже из сил выбилась».

И вот Дима пошёл меня провожать к этим больным. Дождался, пока я их посмотрела и дала рекомендации, уже глубокой ночью сопроводил обратно. На следующий день пришёл опять. Так и началось.

– Я уже сам как врач. Диагноз поставлю влёгкую, – подшучивает Дмитрий Максимихин, намекая на увлечённость супруги своим делом.

Врач для неё – не просто профессия. Это образ жизни. Разговор постоянно возвращается к профессии Светланы Геннадьевны, тем более что беседуем мы с ней и мужем в её кабинете в стационаре. Иначе

не получилось: Дмитрий Александрович сейчас работает в ночь. К её основной занятости в больнице добавляется ещё дополнительная в двух детских садах. Так что когда она возвращается с подработки, он уже уезжает. Плюс ночные дежурства.

– Мы так редко видимся, так мало общаемся, что ценим каждый день, проведённый вместе, – делится Светлана Максимихина. – Мне дома, когда все рядышком, так хорошо, так комфортно, что я без необходимости уже не хочу никуда выходить.

Правда, все рядышком теперь бывают редко. Дочь Мария, получив образование, вернулась в Стрежевой. А сын, закончив электромеханический факультет Новосибирского технического университета, проходит призывную комиссию.

Как папа стал главным

Теперь, когда дети разлетелись, Светлана Геннадьевна некоторые вещи оценивает по-другому:

Саланг, 1985 год

– О чём я жалею, оглядываясь назад, – что мало семье внимания уделяла. Честно говоря, своих детей не видела, как выросли. Стыдно сказать – я у них ни на одном утреннике не была: ни на 8 Марта, ни к Новому году. Отец да бабушка на утренники ходили. Все их кружки, секции – это он. А я всё время в работе, всё время для других. Дима иной раз, бывало, скажет: «Тебя нет, а потом приходишь и начинаешь тут порядки наводить».

Дмитрий Александрович подхватывает тему:

– Сын маленький был, в садик ходил. Наша мама пришла с работы и начала что-то командовать. Саша ей говорит: «Ты что тут командуешь? Тут не ты, а папа главный!».

Маша родилась в 1989-м. Через год с небольшим на свет появился сын. На том, чтобы сохранить беременность, настоял муж: «Ну и что, что погодки будут?»

Разве мы не вырастим?». «Как хорошо, что я его послушала! – не раз потом думала Светлана. После того, что случилось в 93-м, скорее всего, остались бы с одним ребёнком. И не было бы у нас такого красавца!»

О том, что произошло двадцать лет назад, Дмитрий Александрович рассказывать не любит. С деталями знакомит Светлана Геннадьевна.

– Он работал на гусеничном вездеходе, транспортники тогда входили в состав нефтегазодобывающего управления. Был конец рабочего дня, народ уже в автобусе сидел. Тут поступило сообщение, что прекратилась подача нефти с куста. Ему говорят: «Дима, доскочи!». Он в свой ГТТ – и туда. Хотел быстрее – люди ведь ждут, поэтому поехал напрямую... Провалился. Заблудился. Потом ему в вину поставили: почему, мол, поехал не там, где надо было?

Татахан, 1985 год

Сильнейшее обморожение привело к ампутации пальцев на обеих руках. Вот тогда она и услышала за своей спиной: «Что ж ей не ухаживать? Ведь он её с двумя взял».

Оглядываясь на прошлое, Дмитрий Александрович не считает, что первые годы после травмы оказались самыми трудными в его жизни. Хотя и признаёт, как тяжело было смириться с тем, что ты – раз! – и инвалид. Однако находит в своём тогдашнем положении и плюсы:

– Я всегда был дома с детьми. Пенсию получал, даже когда людям вокруг зарплату не платили. Сын в 93-м как раз в сад пошёл. Утром уводил Машу и Сашу в детсад, вечером забирал. Если опаздываем, подхватываю их под мышки – и бегом вперёд!

Путём долгих тренировок Дмитрий Александрович научил свои покалеченные руки работать. Пользуется

мобильным телефоном. Водит автомобиль. Оформил своё дело как предприниматель.

Несовременные люди

– Скажите, вы ощущаете себя несовременными людьми? В хорошем смысле этого слова.

Супруги сразу поняли, о чём я.

– Да. Да, – ответила Светлана Геннадьевна. Я человек старой закалки. Всегда оглядываюсь назад: «Так ли я делаю? Не будет ли мне стыдно за то, что я чего-то не сделала?». Отдаюсь работе полностью. Не могу уйти, оставив работу на половине.

Работа, о которой говорит педиатр-неонатолог Светлана Максимихина, – это маленькие человечки. Иногда – в таком состоянии, что за их жизнь страшно. Дмитрий Александрович понимает это и не удивляется, когда она в очередной раз предупреждает его, что остаётся в отделении на ночь. «Я знаю, что придёт дежурный доктор. Но как я передам тяжёлого новорожденного? Я знаю, что я сделаю лучше. Знаю, как у него всё протекает».

По-другому она не может. Хотя у молодых коллег с огорчением наблюдает совсем другое отношение. «Казалось бы, пришли молодые, нам надо их учить, как нас в своё время учили. А им ни опыт наш не нужен, ни наше отношение к больным».

«Несовременен» и Дмитрий Максимихин. Тем, что вычёркивает себя из всех списков на награждение, составленных стрежевским отделением Совета ветеранов. Тем, что ни разу не воспользовался путёвкой из предоставляемых ветеранам локальных войн.

– Он скромный до безобразия, – жалуется на мужа Светлана Геннадьевна. – Ругаюсь из-за этого. Любая грамота приходит – другим. Его сколько представляли, он себя всегда вычёркивает: «Вдруг кто-то что-то скажет». Когда для «афганцев» и «чеченцев» начали путёвки в санаторий «Русь» под Москвой поступать, ему председатель областного общества говорил: «Дима, чтобы другим рассказывать, что там и как, тебе надо самому съездить. Бери путёвку». А он в ответ: «Щас, ага! Чтобы обо мне говорили: вот, первый поехал!».

– Свет, ну это некрасиво! Только появились, и уже примерил на себя, – каждый раз отвечает он супруге давно знакомыми ей аргументами. – Я – пенсионер, инвалид «Томскнефти», я и по другой линии могу съездить. А ребята – нет. И что у меня, грамот мало?

Во главе городской организации РСВА Дмитрий Максимихин стоит почти десять лет.

– Я уже просил переизбрать меня, когда устроился на работу, но пока заменить некем. Здесь по-хорошему нужен бы человек освобождённый. Мои заместители, кто помоложе, из ветеранов Чечни, тоже все работают. У всех дети. А бросить организацию жалко. За десять лет мы её подняли. Авторитет появился. Подобралась команда, работают ответственно, откликаются.

Помимо патриотического воспитания и участия в общегородских мероприятиях ветеранам локальных войн приходится выполнять и печальную миссию: провожать соратников в последний путь. Далеко не всегда причиной становится болезнь. Почти каждый год кто-то из «афганцев», «чеченцев» сводит счёты с жизнью. Размышляя об этом, мы с супругами Максимихиными снова возвращаемся к роли в жизни мужчины семьи, жены.

Дмитрий Александрович говорит, что он не ощутил на себе отпечатка, который накладывает война: «Лишь только в том, что серьёзнее к жизни относишься, жёстче отстаиваешь свою позицию. А как другие, не скажу – в их шкуре не был».

У Светланы Геннадьевны своё мнение: «Вижу: многие потерялись, сорвались, хотя давно уже зрелые люди, к “полтиннику” приближаются или перевалили его. Считаю, что многое зависит от женщины. Если создалась нормальная семья, они смогли устоять, сохранили свои хорошие качества. А если в семье было не очень.... Взять хотя бы нас. Он более вспыльчивый, больше с характером. Я – более терпеливая. Если бы не это, зацепилась бы за что-нибудь, и – пух до потолка! Иногда молчу и думаю: сейчас ты прокричишься, пусть правда на твоей стороне. Всё равно я потом найду ту тропиночку, тот путь, как преподнести тебе своё понимание».

Так и идут по жизни два увлечённых своим делом, любящих друг друга человека.

Дмитрий Максимихин с женой Светланой

Сергей Иванович Мясников родился в 1957 году в Томске, учился в школе №47. В 1975 году поступил в Московское высшее пограничное командное краснознамённое училище КГБ имени Моссовета, в котором проучился до 1979 года и направлен служить в пограничные войска. Уволился из армии по состоянию здоровья в 2000 году в звании подполковника. В настоящее время – старший воспитатель в Томском кадетском корпусе.

Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями и знаками отличия.

По обе стороны границы

Участие в афганской войне принимали не только советские боевые части, дислоцированные непосредственно на территории Демократической республики Афганистан, но и специально созданные десантно-штурмовые бригады (ДШБ), которые базировались в СССР – непосредственно на границе с ДРА. Именно в таком подразделении и служил томич Сергей Мясников, ставший к тому времени кадровым офицером.

Дед Сергея Ивановича – Иннокентий Никонорович – прошёл всю войну, однако кадровых военных в семье Мясниковых не было. Поэтому подполковник и сейчас не может объяснить, почему ему захотелось посвятить жизнь службе в армии.

– В восьмом классе стал думать, куда поступать: в наше училище связи или в танковое. А у нас в школе учились ребята – на два года старше меня, – которые уже поступили в московское училище КГБ. Приехали в отпуск, зашли в школу, стали рассказы-

вать про пограничников. И я решил поступить туда, – рассказывает Мясников.

После окончания училища Сергей направлен служить на советско-китайскую границу, в Восточный пограничный округ. И уже оттуда был переведён на границу с Афганистаном. Советским пограничникам пришлось оказывать «интернациональную помощь» по обе стороны рубежей. Были сформированы специальные подразделения – маневренные и десантно-штурмовые группы – которые «работали» в своих зонах ответственности и выполняли боевые задачи.

Всего ДШМГ было три – Восточная, Пянджская и Киркинская, но об этом, по словам Мясникова, более-менее открыто говорить стали только сейчас. Сам он служил в Восточной ДШМГ, ставшей первым подразделением для ведения боевых действий. Информация о караване либо же активных действиях душманов поступала от разведки, и тогда на

место проведения операции с советской территории вылетал вертолёт с нашими бойцами.

– Мы немножко по-другому воевали. Очень жёсткие требования были по сохранению людей. Подразделения были небольшие, поэтому мы воевали головой, а не техникой и числом. Встаёшь на блок на ночь – и принимаешь решение по выбору позиции сам: чтобы тебя ночью не «взяли», и чтобы мимо тебя не прошли, – вспоминает Мясников.

Обычно по времени боевая операция занимала около недели, а затем – назад, домой. До следующего вылета. Отбор в ДШМГ был очень жёсткий, и дисциплина поддерживалась на очень высоком уровне. О том, чтобы перед операцией взять в руки рюмку, и речи быть не могло – каждая боевая единица была на счету, и рисковать своей жизнью и жизнью товарищей себе никто не позволял.

– Во время проведения операций у нас никогда не было без вести пропавших или попавших в плен. Если

Во время проведения операции с бойцами Царандоя. 1984 год

Редкие минуты затишья во время операции. Сергей Мясников второй справа. 1985 год

наши получали ранения или погибали, мы всегда выносили их с поля боя, – говорит подполковник.

Парней из ДШМГ и в приграничном Союзе, и в Афганистане можно было узнать практически безошибочно. Как вспоминает Сергей Иванович, его сослуживцы, да и сам он, никогда не носили каску – почему-то это было не принято. Так же, как и бронежилет, который весил больше 15 килограммов. За глаза их называли «андроповцами», потому что в те годы КГБ, а значит, и пограничные войска возглавлял Юрий Андропов. И их побаивались «духи». Зная, что поставленную задачу они выполнят любой ценой.

Но на мирном населении никто из десантников не «отрывался»: даже зачастую угощали детей тушёнкой из баранины, объясняя, что это – не свинина, и её можно

есть. Делились другими продуктами. Не было жестокости и мародёрства. Злость берегли для боевых операций.

Первую награду – орден Красной Звезды – Сергей Иванович получил в первый же год своей службы, во время участия в первой же боевой операции.

– Мы проводили операцию в чужой зоне ответственности, всё отсмотрели, схемы нарисовали, с моей заставы должен был лететь начальник разведки, но он был в отпуске, и полетел я. Высадились, началась перестрелка. Тяжёлое ранение получил мой пулемётчик: видимо, когда коробка «сотка» с патронами у него кончилась, он чуть привстал, потянулся перезарядить и... Позже он скончался – это была единственная потеря в моих подразделениях во время боёв. Вызвали «борт» для раненого, с вертолётom прилетел офицер, который

сказал: надо кишлак брать. У меня – шесть бойцов, у каждого по две гранаты. Автоматы они оставили нам, мы устроили огневую поддержку, и они домчались до кишлака, побив все мировые рекорды! Забросали гранатами огневые точки, а потом мы уже подоспели. Задание было выполнено, – рассказывает Мясников.

За время службы Сергей Иванович четырежды был ранен: три раза легко, и один раз – тяжело, когда пуля едва не задела сердце. О том ранении супруге Мясникова не сообщали до последнего момента: надо было везти в стационарную больницу, но доктора сделали операцию в полевых условиях, потому что дорогу бы раненый не перенёс. Но сибирская закалка сделала своё дело: в скором времени стало понятно, что жить боец будет, и только тогда об этом сказали жене.

С будущими выпускниками кадетского корпуса. Сентябрь 2014 года

А Сергей не только выжил, но и был удостоен высокой награды – ордена Красного Знамени – за проведение последней, как оказалось, своей боевой операции.

– Уже несколько дней по горам лазили. Вроде нашли душманов, но они постоянно уходили от боя. И в итоге устроили засаду. Слышу, мои ребята то с одной стороны матерятся, то с другой – значит, кого-то ранило. Тогда я принял решение вызывать «борты» и дал команду всем спускаться вниз, за камни. Прикрывая друг друга, мы отошли и вынесли с собой 12 раненых, двое из них были «тяжёлые». И я тогда ранение получил, и доктор наш, который с простреленными ногами сначала себя перевязал, а потом всех остальных почти с того света выгацил... До сих пор кажется, что вот он

за дело «Красное Знамя» получил, а я за что? Ничего сверхъестественного я не сделал, разве что – по итогам всех боёв, – ещё раз вспоминает подполковник.

После Афганистана Сергей Иванович служил в Нарынском пограничном отряде и завершил службу в Выборге в 2000 году. Из Выборга он вернулся в Томск, осмотрелся и пошёл устраиваться на работу. Сначала – в частное охранное предприятие, потом в Томсктелекоме в охране работал, а в 2009 году стал младшим воспитателем в Томском кадетском корпусе. Сейчас Сергей Иванович – уже старший воспитатель.

– Те самые 10 лет войны в Афганистане молодёжь Советского Союза жила без «дури», которую пытались ввозить из стран того региона. Граница

С сыном Валерой. Клятва в ТКК. 2012 год

была на замке, и советские войска были мощным сдерживающим фактором. Да, была война, но благодаря ей целое поколение выросло, не попробовав наркотики. А вообще рассказывать о тех событиях надо. Потому что если не расскажем мы, то за нас это сделают зарубежные информаторы. И расскажут примерно так, как про Великую Отечественную войну рассказывают – что победили в ней США, а не Советский Союз, – считает подполковник.

Это мнение российского офицера, принимавшего участие в боевых действиях в Афганистане по обе стороны границы. Слова человека, познававшего жизненные истины с риском для своей жизни. Такому человеку можно и нужно верить...

Алексей Валентинович Наумов родился в 1957 году в селе Завьялово Удмуртской АССР. В 1975 году, окончив школу, поступил в Ижевский государственный медицинский институт. В 1979-м перевёлся на военно-медицинский факультет при Томском медицинском институте: хотел стать именно военным врачом, хотя до него ни одного военного в семье не было. В 1981 году по распределению был направлен в город Кировабад (Азербайджанская ССР), а в 1982-м – в Афганистан, в 345-й отдельный парашютно-десантный полк. После Афганистана, в котором находился с сентября 1982-го по сентябрь 1984-го, продолжал службу в знаменитой Каунасской воздушно-десантной дивизии. В 1990-м вернулся в Томск на военно-медицинский факультет; окончил клиническую ординатуру, работал преподавателем, старшим преподавателем, а затем – и.о. заведующего кафедрой военно-полевой терапии. В 2002 году уволился в запас в звании полковника медицинской службы, однако продолжал работать на кафедре. Затем возглавил поликлинику ТВМИ, которой руководил до самого её закрытия. В настоящее время является заведующим консультативно-диагностическим отделением ОГАУЗ «Поликлиника №4».

Награждён орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалями.

На войне всё честно

Надо – значит, надо

Известие о том, что в сентябре 1982 года ему предстоит отправиться в Афганистан, для молодого военврача Алексея Наумова было неожиданным вдвойне: 25 августа 1982-го у него родился сын. Можно было написать рапорт и отказать, многие так и делали. Алексей Валентинович отказываться не стал: надо – значит, надо. Но перед отправкой – в нарушение всех инструкций, никому не докладывая – купил билет на самолёт и слетал в «самоволку» в Томск, чтобы встретить жену и сына из роддома. Встретил, а наутро отправился в обратный путь. «Вольность» обошлась без последствий, и строго в назначенный срок Наумов был в Афганистане.

– Хорошо помню, как мы приземлились в Кабуле, нашли самолёт, который летит до Баграма, – рассказывает он. – Долетели. На аэродроме лётчики показали машину, которая шла в

медсанбат по дороге, проходящей в 700-800 м от воинской части. Пассажира взяли, неподалёку от медсанбата высадили и уехали. А я пошёл по указанному направлению. Иду по бездорожью – впереди, в поднятой ветром-«афганцем» пыли, неясные очертания строений, а сзади – «зелёнка», про которую я уже кое-что слышал от тех, кто возвращался из Афганистана. А я – в галифе, в галстук, в сапогах, фуражке с голубым околышем, всё это сверкает, как на параде... холодный пот между лопаток, пыль, жара около 40. Иду и думаю – вот сейчас как пальнут из «зелёнки»! Но обошлось. Первое, что увидел, когда дошёл, – стоящие в опарелях (это земляные фортификационные сооружения для укрытия техники) скрытые в земле по самые башни БМД – для ведения эффективного огня в случае нападения противника. И бойцы сидят – буквально чёрные от загара, запылённые, в бронежилетах. Спросил

у ребят дорогу, дошёл до медпункта, который располагался в глинобитном сооружении с окнами-бойницами, представился. Приняли меня замечательно, даже земляк нашёлся – дембель Юра Алексеев. Оказалось, что его бабушка в Томске живёт в одном подъезде с моей тётцей, так что я ещё и подарок с ним передал, когда он уезжал домой. И начались будни. Война – это ведь не только боевые действия, но и обычная, будничная жизнь, в которой люди болеют. Вёл амбулаторный приём, делал перевязки, заполнял истории болезней и медицинские книжки... Первого убитого запомнил на всю жизнь: это был санинструктор, очень хороший парнишка с Украины по фамилии Козьменко. Только что он был живой – и вдруг его привозят с огнестрельным ранением в голову. То ли снайпер, то ли шальная пуля... Потом и меня стали «обкатывать» на односторонних «войнах» – прогуляться по «зелёнке»,

Баграм. 23 сентября 1982 года

поучаствовать в реализации и сборе разведданных. И пошло-поехало...

Для непосвящённых: под словом «война» подразумеваются боевые операции. Сначала они бывали преимущественно кратковременными, позже, рассказывает Алексей Валентинович, солдаты уходили на них уже на несколько суток. В общей же сложности за время афганской войны 345-й полк участвовал более чем в 240 боевых операциях.

– Нас десантировали в ущелье Панджшер, в горы, и мы не выходили оттуда неделю, две, три

– выполняли боевую задачу, теснили формирования душманов и потом уже шли к своим базам, – вспоминает Наумов. – Хорошо помню, как сам первый раз услышал простую на первый взгляд фразу: «Слушай боевую задачу!». Впечатление, что и говорить, сильное. Весной 1984 года случилось длительное перемирие, а потом – опять панджшерские «прогулки»... Историки наверняка называют эти операции как-то иначе, но мы их звали именно так. Я летал с разведдозором, чтобы медицинское обеспечение было организовано сразу после приземления основных сил десанта. Моя задача была – оказать раненым первую помощь, наложить жгут или повязку, остановить кровотечение, обезболить, поддержать работу основных органов систем организма. А потом – как можно скорее отправить человека на «вертушку» и в медсанбат. Один раз пришлось отсечь конечность, висящую на лоскуте кожи, в другой раз – завести сердце, остановившееся после динамического удара в грудную клетку. И человек выжил. Хорошо помню случай, когда жив остался почти чудом. С одной стороны горы – двое раненых с санинструктором, с другой мы. А сверху стреляют «духи», не дают переползти ни им, ни нам. Мы слышим друг друга, перекрикиваемся, я говорю санинструктору, как и что надо делать, он пытается, но у него ничего не получается, потому что парнишка совсем молодой. Пришлось мне ползти к ним и обратно – уже с ранеными. На обратном пути один из них был ранен ещё раз, но живы остались все.

Остаться человеком

Случалось врачам оказывать помощь и местному населению – в основном за ней обращались женщины и дети. Неприятности с ними приключались самые разные, от гастрита до кожных болезней. Уровень медицинской помощи в стране, мягко говоря, был невысоким. Кстати, «благодаря» активному участию 345-го

полка в боевых действиях Алексею Валентиновичу довелось побывать в самых разных районах Афганистана.

– Мы перемещались по всей стране – были и в Пагмане, и в Джелалабаде, и в Гульбахоре, и в Бамиане, где стояли уничтоженные талибами в 2010 году статуи Будды, – вспоминает он. – Джелалабад, по сути, кусочек Индии – настоящие субтропики с пальмами и обезьянами. Но больше всего мне понравилось в Пагмане. Это было что-то вроде нашей Рублёвки: там стояли дворцы Амина и местных богачей. Очень красиво было – сады абрикосовые, персиковые... Мы попали туда как раз в тот момент, когда абрикосы созрели. А перед этим жутко мучились от жажды: ёмкость с водой, которую нам скинули, разорвалась, и пока спускались вниз, пить было совершенно нечего. Встречаешь любую грязную лужу – через тряпку отжимаешь и пьёшь. Я, врач, лучше других понимал, чем это чревато. Но всё равно пил, потому что жажда страшнее всего. И вдруг после этого – абрикосовые сады...

Хорошо бы, если бы все тяготы жизни заканчивались подобным образом. К счастью, для Алексея Наумова афганская война закончилась благополучно: он не был ранен, получил лишь одну контузию, да и та не была нигде зафиксирована – просто не до того было. Известное выражение «сапожник без сапог» вполне применимо и к нашему герою: даже обнаружив однажды утром, что заболел гепатитом, он не сразу смог оставить часть из-за отсутствия замены:

– С вечера лёг здоровым, а проснулся – температура, и белки глаз жёлтые. Большую часть времени провёл в части – сам себя лечил, сам себе «системы» ставил. Благо, переболел в лёгкой форме. Когда пришёл в госпиталь, билирубин уже был повышен незначительно и желтизна склер проходила. Это был единственный случай, когда я не полетел «на войну», хотя должен был. Зато если другие приходили ко мне с просьбой

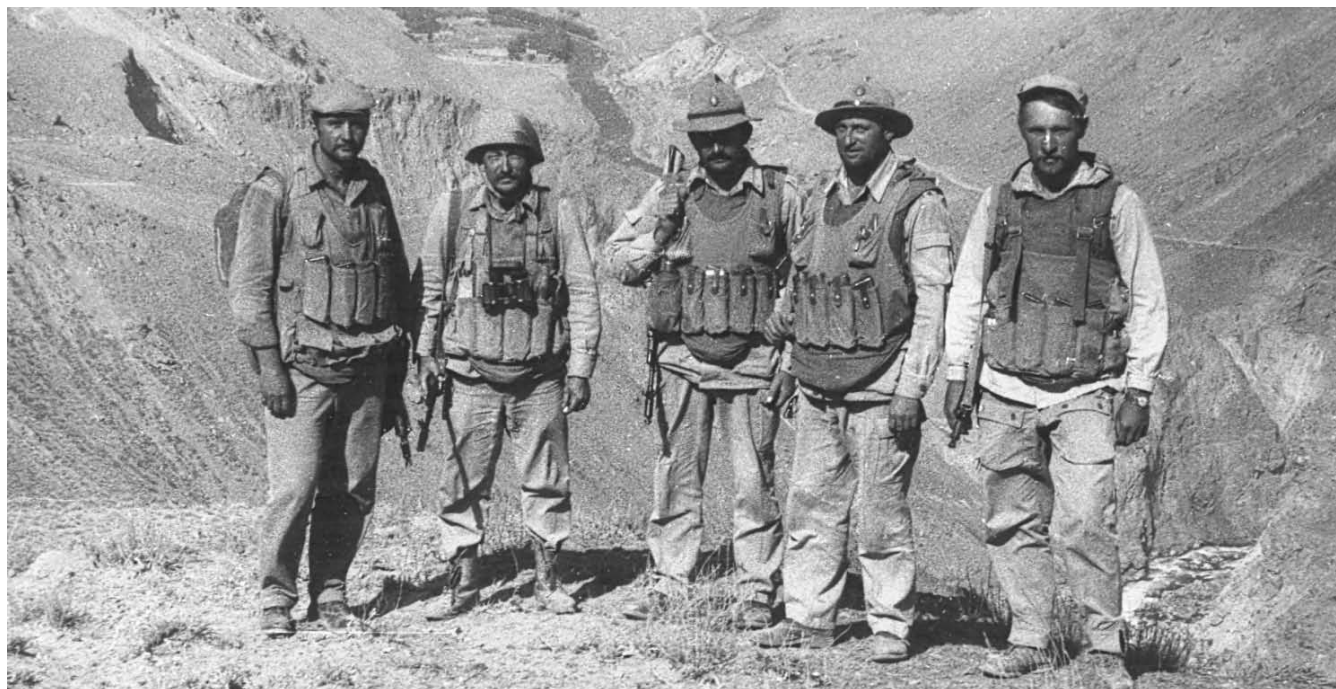
освободить их от «войны», я старался идти навстречу. И никому об этом не рассказывал: если человек сказал, что боится, он не трус, а мужественный человек. Были такие ребята — и солдаты, и офицеры. К кому им было с этим идти, кроме меня? Я давал человеку справку об освобождении, потому что знал — он уже воевал, и воевал хорошо, и в следующий раз пойдёт обязательно. А сегодня — не надо. Хорошо помню, как погиб капитан Володя Фёдоров, очень хороший офицер и замечательный человек. Он уже должен был лететь домой, но его попросили остаться, заменить майора, который полетел в Москву получать звезду Героя Советского Союза. Теоретически Володя мог отказаться, но практически — это же такой высокий уровень доверия! На построении перед вылетом я посмотрел на него и увидел совершенно большие глаза — видимо, он что-то предчувствовал. И в этот же день он героически погиб...

С таким пониманием к человеческим слабостям солдат и офицеров наверняка отнёсся бы не каждый. И вполне возможно, что это понимание спасло не одну жизнь. Именно за человеческое отношение к подчинённым Алексей Валентинович добрым словом вспоминает и тогдашнего командира полка — Павла Грачёва. Благодаря чеченским событиям отношение к этому человеку у многих негативное. Но в Афгане, утверждает Наумов, Грачёв показал себя с самой хорошей стороны. И запомнился прежде всего бережным отношением к каждой солдатской жизни:

— Если из аула начали стрелять, он не пустит туда ни одного бойца, пока не проведут артподготовку. И с командиров постоянно спрашивал — как случилось, что понесли потери, можно ли было этого избежать? Спрос за это был очень серьёзный. Однажды после боевой операции в горах два разведчика отстали от группы. К счастью, сумели спрятаться. Мы просидели ночь в поле, а утром пошли назад, в горы, их искать. И нашли, хотя «духи» шли за нами буквально по пятам. А вполне могли бы просто

В ожидании «вертушки»

Во время одной из операций в Панджшерском ущелье

Экипаж машины боевой

уйти, если бы так решил командир. В другой раз, когда мы были на «войне», пришла телеграмма, что у меня умер отец. Я её получил только через неделю, когда отца уже похоронили. Я пошёл к Павлу Сергеевичу, и он без слов отпустил меня домой. В штабе армии, куда я поехал за разрешением на вылет, сказали — зачем лететь через неделю после по-

хорон? Но раз комполка отпустил, отпустили и они. Он был человек совершенно не заносчивый: придёт, спросит — ну что, мужики, как дела? Проблемы ведь случаются в каждом подразделении, но обращаться официально хочется не всегда. А он обойдёт, сам обо всём расспросит... Очень по-человечески относился к людям. Вот за это я его очень уважаю.

Боевое братство бесценно

За службу в Афганистане Алексей Валентинович получил внеочередное воинское звание старшего лейтенанта и два ордена — Красной Звезды и «За службу Родине в Вооружённых Силах». Орденом Красной Звезды было отмечено его участие в боевой операции, в которой врачу пришлось взять на себя не свойственные ему функции, как говорит сам — «покомандовать людьми и хорошо повоевать». Домой вернулся, когда сыну уже исполнилось два года. Переключиться на мирную жизнь не всегда просто — в качестве примера Алексей Валентинович со смехом вспоминает, как они с ещё одним офицером в декабре 1982 года ездили в командировку в Фергану. Когда проезжающий мимо старенький грузовик издал звук, сильно смахивающий на выстрел, реакция последовала мгновенно: наш собеседник присел, а его более опытный спутник и вовсе упал в декабрьскую ферганскую грязь. И всё-таки войну Алексей Наумов вспоминает без надрыва и трагизма — не как чудовищное испытание и потерянное время, а как одну из лучших страниц своей жизни.

— На войне ты находишься в коллективе, где нет места предательству, — говорит он. — А если оно и есть, то сведено к минимуму: там для него просто нет условий. Ты молод, здоров, вокруг тебя такие же молодые и здоровые люди, которые могут тебе прямо в глаза сказать всё, что о тебе думают, и ты можешь так же прямо всё сказать им. Там всё честно, там сразу видно, кто на что способен. Поэтому всё плохое быстро обнаруживает себя, а обнаружившись, почти всегда исправляется под влиянием среды. И это здорово. Поэтому я очень хочу пожелать всем, кто прошёл через горнило этой войны, здоровья. И чтобы дух боевого братства, который мы обрели, оставался с нами как можно дольше!

Александр Анатольевич Никифоров родился в 1964 году в деревне Сафроновка Кожевниковского района Томской области. Окончил местную школу, и 3 апреля 1983 года был призван в армию, в учебный центр ВДВ в Фергане, и затем – в Афганистан. Демобилизовался в 1985 году, вернулся в Томск и пошёл служить пожарным-парашютистом в авиабазу охраны лесов. Проработал там до пенсии 15 лет, совершил более 400 прыжков с парашютом. В настоящее время работает охранником в «Сибирской аграрной группе». Женат, есть дочь и внучка.

Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Десантник без парашюта

«При оказании интернациональной помощи народу ДРА проявил себя как мужественный, храбрый воин, самоотверженный командир. Участвовал в боевых операциях, рейдах по уничтожению бандформирований мятежников, за что неоднократно поощрялся командованием части, награждён орденом Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», боевой грамотой ЦК ВЛКСМ. Лично обезвредил более 40 мин мятежников». Из служебной характеристики гвардии сержанта Александра Никифорова.

– В Афганистане с парашютами не прыгали, не было такого. И не слушайте тех, кто скажет обратное. Там в воздух в лучшем случае вертолёты поднимались, чтобы до каравана доставить, остальное – на земле. Передвигались только пешими группами и на технике, – вспоминает сапёр 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады Александр Анатольевич.

Впрочем, с парашютом Александр, конечно же, прыгал, но большей частью в родном Томске. Первые три прыжка он совершил в 1982 году, незадолго до призыва в армию, несколько раз прыгал в учебке в Фергане, а остальные 400 с лишним – уже будучи пожарным-парашютистом томской базы авиаохраны лесов. Но это было уже после Афганистана.

– Меня ещё школьником направили от военкомата учиться на водителя, а потом – с парашютом прыгать, чтобы служил в ВДВ. Так что я ждал повестку, зная, что иду служить десантником. Так и получилось: в Томске нас отобрали 10 человек, и мы приехали в учебку в Фергану, а оттуда – в Афганистан, – говорит Никифоров.

В те годы войну в Афганистане руководство СССР называло не иначе, как «интернациональная помощь». О том, что там происходило на самом деле, старательно умалчивали. Естественно, когда томские новобранцы прибыли в учебку, дембеля не

скупались на рассказы о том, что ожидает необстрелянных солдат «там», по ту сторону границы. Было страшно?

– Да, страх как таковой был. Молодые же все, кому охота погибать или инвалидом оставаться? Страх – он везде одинаковый, тут говорить не о чем, – признаётся Александр. – Но все пошли и отслужили, как надо.

И в учебке, и уже в Афганистане Никифоров служил в сапёрной роте. Из томской «десятки» призывников сапёрами стали шестеро, ещё четверо попали в разведку. Первые боевые задания по разминированию были выполнены уже через неделю. И следующие два года прошли по схожему, но отнюдь не одинаковому сценарию: сопровождение колонн и караванов, разминирование, армейские операции. Не одинаково хотя бы потому, что за время службы Александр трижды подрывался на минах, после одного из ранений полежал в госпиталях Гардеза, Кабула, Ташкента, Самарканда. Но вернулся в строй.

Фергана, учебный центр. 1983 год

– Было ли страшно вновь идти на разминирование после первого подрыва? Даже не знаю... И я, и остальные понимали, что надо подниматься и идти дальше. Все мы одной крови, и все делаем одно дело. Отсиживаться в госпиталях было нельзя, – говорит Никифоров.

Сапёрная рота, где гвардии сержант Никифоров служил заместителем командира взвода, участвовала во многих крупных армейских операциях. И сапёры всегда шли первыми.

Выезд на боевые действия. 3-й батальон, 1-й сапёрный взвод. Май 1984 года

– Подрывов было очень много. Там всё было заставлено и противопехотными, и противотанковыми минами, и ловушек было очень много... 1983-1985 годы была самая непредсказуемая война, которая нам и досталась... Душманы тогда зверствовали, – говорит Александр.

Самый длительный перерыв в его службе случился летом 1984 года, когда во время боевой операции боевики подорвали радиоуправляемый фугас: Александра контузило и перебило обе ноги, а

его боевой товарищ, земляк из Киреевска Владимир Михайлович Войтикунов погиб...

После этого подрыва Никифоров месяц провёл в госпиталях: сначала в Гардезе, потом в Кабуле, оттуда его перевезли в Ташкент и, наконец, в Самарканд. А затем дали 45 суток отпуска.

– Я поехал домой, в Сафроновку, потом съездил к Владимиру в Киреевск на кладбище, пообщался с его родителями... А потом поехал дослуживать – мне ещё полгода оставалось. На боевые выезды мы

После боя. Мухамед-ага, наша техника. 1983 год

ездили до последнего, но последнюю неделю перед дембелем нас уже особо не трогали. И первой партией отправили домой, – вспоминает Александр.

Кстати говоря, на должность замкомвзвода, которую занимал Никифоров, пришёл служить Владимир Казимирович Кравченко – ныне депутат Законодательной думы Томской области. После возвращения из ДРА Кравченко очень многое сделал для ветеранов Афганистана, в частности – стал одним из инициаторов строительства в Томске реабилитационного центра для воинов, служивших в «горячих точках».

А реабилитация молодым парням была необходима, как воздух. Вернуться с войны в мирную жизнь им было очень сложно... «Доходило до того, что когда идёшь по улице, и вдруг машина какая-нибудь рядом выхлопом «стреляет», я на землю падал... Сложно было... Очень сложно», – признаётся Александр.

Боевое братство – самое крепкое. И сейчас, спустя 30 лет после возвращения из Афганистана, рядовые, сержанты и офицеры 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады стараются быть на связи и встречаться.

– В этом году ко мне командир мой приезжал – мы с ним 30 лет не виделись. Он меня сумел по

Мирная жизнь

На агитпропаганде. С мирным населением. Февраль 1985 года

На территории батальона – памятник погибшим в Бараках. Апрель 1985 года

У мемориальной доски на доме погибшего земляка

Интернету найти. Естественно, собрали и всех остальных сослуживцев: Александра Зайцева, Николая Воронова, ещё Александра Эглитова и Андрея Еремеева – они в разведке служили, но мы с ними на всех боевых пересекались... Съездили в Киреевск на кладбище к Володе Войтикунову – стелу ему поставили, а потом поехали ко мне в деревню в гости – поси-

деть, пообщаться. Кстати, мы каждый год стараемся на 2 августа собраться, и даже в Головино съездить, с парашютом прыгнуть, – рассказывает Александр.

– Мы не победили в этой войне, потому что нам не было команды побеждать, – продолжает Никифоров. – Перед нами ставилась задача, и звучал приказ. Размышлять о высоких материях было

Награждение орденом Маргелова. Томск, 2013 год

некогда. Мы выполняли свой интернациональный долг, оказывали помощь мирному населению. Я думаю, что наши войска должны были там быть. Если бы не мы, то нас опередили бы американцы. И ситуация, да и развязка были бы совершенно другими. На моих глазах погибали люди, мои боевые товарищи... Но всё это было не зря.

Юрий Владимирович Панов родился в 1966 году в деревне Крутоложное Первомайского района. После десятилетки поступил в Томский сельхозинститут, а после первого курса осенью 1984 года был призван в армию. После обучения в Фергане на механика-водителя БТР-70 весной 1985 года прибыл в Афганистан. Попал в третью роту первого батальона 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка. Добровольно пошёл в пехоту рядовым стрелком.

Демобилизовался осенью 1986 года. Награждён медалями «За боевые заслуги», «70 лет ВС СССР», «Воину-интернационалисту» и юбилейными медалями.

«Кто, если не я?»

Осенью 1984 года Владимир Михайлович и Ирина Яковлевна Пановы из деревни Крутоложное Первомайского района проводили младшего сына в армию. Тогда родители даже не предполагали, что их Юра попадёт на настоящую войну, в самое пекло, в Афганистан. Зато юноша точно знал, куда и зачем идёт. Решение проходить службу в реальных боевых условиях Юрий принял задолго до того, как покинул дом...

Он рос в большой и дружной семье. Помогал родителям, которые всю жизнь трудились в колхозе, старался ни в чём не отставать от старших брата и сестры, любил играть в «войнушку» с деревенскими мальчишками. Когда пришло время выбирать профессию, Юрий подал документы в сельскохозяйственный институт.

– Я решил в агрономы пойти, – рассказывает Юрий Владимирович. – Других мыслей даже не было. Оно и неудивительно: отец работал меха-

низатором, мама – дояркой. Труд на земле мне был знаком и понятен.

Успешно отучившись в институте первый год, студент Панов приехал домой на каникулы. И в один из летних дней парня вызвали в военкомат. Поговорить...

– По всей видимости, тогда в области проходила кампания по набору желающих служить в реальных боевых условиях, – вспоминает Юрий Владимирович. – Не могу сейчас точно сказать, что стало тому причиной, но я решил оставить учёбу. Может, это был юношеский максимализм и желание проверить себя, может, просто меня сумели убедить, какое это важное дело – в столь трудное время помочь Родине. Подумал тогда: «Кто, если не я?». С этими словами и иду по жизни.

Родители узнали о том, что Юру отправляют в Афганистан, только когда пришло письмо из

узбекского города Ферганы. Там он проходил полугодовую подготовку в учебной части. Можно представить, как тяжело переживали это известие отец и мать. Понимая, что могут больше никогда не увидеть любимого сына, они поехали к нему.

– Мне дали увольнительную на сутки, – вспоминает Юрий Владимирович. – Потом они уехали домой, а я – в Афганистан. Конечно, сейчас понимаю, как тяжело было родителям. Сам отец, скоро дедом стану, могу, как говорится, к себе приложить. Тогда же я шёл выполнять свой долг, долг гражданина Советского Союза, долг мужчины.

Весна 1985 года. Афганистан. Восемнадцатилетний механик-водитель БТР-70 Панов попал в третью роту первого батальона 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, который выполнял самые сложные боевые

В учебном центре. Фергана, 1984 год

задания. Правда, по прибытии на место Юрию дали не бронетранспортёр, а переносную радиостанцию.

– У них перед нашим приездом связист погиб, – рассказывает ветеран боевых действий. – Командир окинул меня взглядом и сказал: «Теперь связистом будешь ты». Станция весила ни много ни мало 24 килограмма, а ходить с ней на плечах надо было на внушительные расстояния. Вот меня как самого крепкого парня и определили в связисты. Работать с прибором научили быстро. Правда, я с этой радиостанцией сходил всего

«войны» на две (мы так между собой операции называли). Когда прибыл штатный радист, меня перевели в первую роту. Там определили на БТР-70. Но эту технику, честно говоря, тогда уже почти не привлекали к работе в боевых условиях. Дело в том, что БТР-70 на жаре сильно грелся и к тому же плохо передвигался по пескам. Вот представляете: мои ребята, сослуживцы, уходят на задание, а я как механик-водитель, прикреплённый к машине, которую никуда не посылают, остаюсь. Это не по моему характеру. И я попросился в пехоту рядовым стрелком.

Пожелание бойца Панова командиры учли. Для Юрия было очень важно, что он шёл в бой вместе со своими товарищами.

– Мы ещё в «учебке» с ребятами крепко сдружились, – рассказывает Юрий Владимирович. – А на войне ведь все чувства становятся острее. Нет крепче дружбы, чем дружба, прошедшая через бои. Вообще именно на войне человек проявляет свои истинные качества. Там невозможно притворяться. Сразу видно, кто есть кто. Конечно, нам, деревенским парням, было немного легче. Мы, привыкшие к длительным физическим нагрузкам, могли подолгу находиться под палящим солнцем и обходиться без воды, терпели не самые хорошие с точки зрения санитарии бытовые условия. А вот городским ребятам, чьё детство прошло в благоустроенных квартирах, приходилось несладко. Но как бы трудно ни было, не помню, чтобы кто-то паниковал, или, струсив, покинул поле боя. Я служил с замечательными ребятами, отважными, честными, готовыми отдать жизнь, выполняя свой долг. Да я и сам страха в душе не помню.

Юрий Владимирович говорит, что всё происходящее тогда принимал как должное и ни разу не пожалел о решении добровольно пойти в армию.

За полтора года, что Ю.В. Панов провёл в Афганистане, с ним случалось разное. Обо всём

и не расскажешь. Вспоминает ветеран боевых действий, например, как однажды, проводя зачистку в одном из селений, сумел задержать «духа», который прятался у реки.

– Ходили мы с переводчиком из дома в дом, – говорит Юрий Владимирович. – А там только старики, женщины да дети. Вдруг на улице возле речки заметил мужчину молодого. Задержали его, осмотрели. Оружия при нём не было, и он отрицал свою причастность к убийствам наших солдат, но мы сразу поняли, что это не так. Просто у всех, кто носит тяжёлое оружие по горам, плечи стёрты. Судя по отметинам, задержанный нами мужчина явно с автоматом в последнее время не расставался. Мы бойца этого в спецотдел передали. Не могу не сказать, что, когда заходили в афганские селения, нас, советских людей, многое удивляло. Жили местные, на первый взгляд, бедно: стены глиной затёртые, тут же мотыги какие-то примитивные лежат, одежда совсем никудышная, некоторые кушать варили, разводя костёр прямо в доме. Но среди этой нищеты вдруг можно было увидеть, например, стоящий на земляном полу двухкассетный магнитофон! Нам было дико слышать и о случаях продажи людей. Помню, отец отдал свою дочь в другую семью за две тысячи афгани. На эти деньги в то время можно было купить лишь пару наручных часов. Вот такую цену давали за живого человека.

Нужно сказать, что в боевых операциях с автоматом наперевес солдат Панов участвовал около полугода. Молодому стрелку везло. Хоть и повидал всякое, и товарищей хоронил, а сам жив остался. Говорит, что за это он не только судьбу благодарит, но и командиров, которые вовремя давали дельные советы.

– Всегда старался с холодной головой решения принимать, без эмоций, – рассказывает Юрий Владимирович. – Сто раз подумаю прежде, чем

Высадка на боевые. 1985 год

что-то сделать. Были случаи, когда ребята не в бою, а просто по глупости погибали. Ну разве можно близко к лежащему на обочине дороги подозрительному предмету подходить, или, тем более, брать его в руки? На войне надо с большой осторожностью ко всему относиться, постоянно быть начеку. Тогда шансов на выживание больше.

Хотя от всего не уберёжешься... Вот и Юрий Владимирович однажды заглянул смерти в

глаза. Когда до окончания срока службы оставалось меньше полугода, его перевели водителем на автомобиль «Урал», на котором перевозили самый опасный и очень ценный груз – боевое снаряжение и боеприпасы для военнослужащих. Эта машина всегда ходила с «бронёй», то есть в сопровождении бронетехники. Кто-то может подумать, что водителю приходится меньше рисковать, чем тому же стрелку, например.

Но это, конечно, не так. Юрий Владимирович рисковал жизнью каждый раз, садясь за руль своего «Урала».

– Он ведь был доверху набит снарядами, пластидом, тротилом, – объясняет «афганец». – Достаточно было попадания одного патрона в машину, и она взлетела бы на воздух. Именно поэтому то, что и я, и сидевший рядом в кабине мой товарищ остались живы после того, как

«Урал» подорвался на mine, иначе как чудом не назовёшь.

Водитель Панов получил осколочные ранения, был контужен. Вместе с сослуживцем, который тоже пострадал после взрыва машины, их на вертолёте доставили в Кабул. К удивлению врачей, крепкие парни-десантники очень быстро шли на поправку. Спустя неделю они, нарушив все медицинские рекомендации, самовольно покинули госпиталь. В провинцию Баграм, где располагался их полк, бойцы добирались на попутках. Зачем? Просто оба были уверены, что ещё не выполнили свой долг перед Родиной, перед товарищами и командирами... Правда, Юрию Панову воевать оставалось недолго. Срок службы подходил к концу. Его последним заданием стала операция по доставке новой техники.

– Вместе с ребятами из роты материального обеспечения я поехал в Союз, – вспоминает он. – На границе нас уже ждали новенькие «Уралы». Вспоминаю эту поездку с особым чувством, поскольку мне удалось своими глазами увидеть легендарные места: Термез, реки Амударью и Сырдарью, туннель Саланг.

5 ноября 1986 года Юрий Панов вернулся в родной район, к семье, которая так ждала его всё это время. Говорит, что к мирной жизни адаптировался быстро. Сразу ушёл с головой в работу. Восстанавливаться в институте, правда, не стал. Устроился водителем в колхоз. Через пару лет женился. Сейчас семья Пановых живёт в селе Первомайском. Уже много лет Юрий Владимирович работает в местной пожарной части водителем. А ещё он активно участвует в общественной жизни района, являясь председателем первичного отделения Томской региональной организации Российского Союза ветеранов Афганистана.

– Это как-то само собой вышло, – рассказывает Ю.В. Панов. – Многим ребятам очень нелегко пришлось после возвращения из Афгана. Мы

На открытии парка «афганцев» в селе Первомайском. Юрий Панов – пятый справа. Июнь 2011 года

периодически собирались вместе, разговаривали, обсуждали проблемы. Кому-то с лечением надо было помочь, кому-то с работой. А я не мог оставаться в стороне, пытался поддержать товарищей не только словом, но и делом. Кто-то же должен был за это взяться. Так почему не я?

Сейчас главной своей задачей Юрий Владимирович видит работу с подрастающим поколением. Вместе с другими «афганцами», а также с участниками боевых действий на Северном Кавказе он посещает школы, спортивные клубы, беседует с мальчишками и девочками, охотно отвечает на все их вопросы.

– Я уверен, что ребятам надо рассказывать о том, как всё было на самом деле, какая это страшная штука – война, – объясняет Юрий Панов. – При этом мы, ветераны, должны прививать детям любовь к своей Родине, за которую воевали когда-то. Ведь если мы сейчас не займём их умы, это сделает кто-то другой. Посмотрите, что сегодня происходит в соседней Украине, когда нет уважения к старшим, к истории, к памяти... В своё время мы, «афганцы», много сделали для своей страны. В боях не жалели жизней. Но сегодня мы можем сделать ещё больше, воспитывая молодёжь. Именно это я и считаю своим долгом.

Владимир Николаевич Петров родился в 1968 году в селе Кожевниково Томской области, но ещё годовалым ребёнком его привезли в Молчаново, как он сам смеётся: «Выкрала меня оттуда бабушка моя!», где он и стал своим, молчановским, на всю детскую и сознательную жизнь. Родители были простыми тружениками, мама – Галина Егоровна – работала в типографии района наборщицей, потом линотиписткой, отец ушёл совсем молодым, когда Вовке не было и восьми лет. Остальное время его воспитывал отчим, с которым у мальчишки сложились нормальные отношения.

В Молчанове окончил СПТУ по специальности «механизатор широкого профиля», и получил права шофёра. В ноябре 1986 года был призван в армию. С февраля 1987-го по февраль 1989-го служил в Афганистане.

Награждён двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «Воину-интернационалисту», «От благодарного афганского народа», «70 лет ВС СССР».

Юность, опалённая войной...

Так хочется сказать про всех мальчишек призыва тех далёких 70-80 годов, которым судьба выпала служить в Афганистане. Сегодня это уже взрослые и состоявшиеся мужчины, прошедшие после тех двух лет ада свою вторую войну – становление в мирной жизни, когда каждая клеточка, собственное подсолнечное знание ещё помнили горы Афгана, взрывы и «грузы 200», опасность, которая подстерегала на каждом шагу и каждое мгновение...

Ветеран

Владимир Петров сегодня в Молчановском районе личность известная. Он возглавляет организацию ветеранов боевых действий, которая объединяет в своих рядах тех, кто воевал в Афганистане, прошёл Таджикистан, Чечню. Красивый, презентабельный мужчина, он ещё сохраняет в своей душе замечательные качества личности, в числе которых скромность:

– Не могу понять, почему обо мне-то писать! Не совершал громких подвигов, нет орденов, вон у пацанов их гораздо больше, – удивился он, когда была ему выражена просьба рассказать о себе для включения в книгу, которая создаётся в Томской области.

Всё как у всех

Было всё как у всех – школа, после окончания которой поехал поступать в Новосибирский технический вуз, вроде и учился неплохо, но, сдав успешно три экзамена, вернулся с другом домой – деньги закончились... В Молчаново поступил в местное СПТУ на десятимесячные курсы, которые закончил по специальности «механизатор широкого профиля», и получил права шофёра. А тут и повестка в армию.

– В армию шёл без всяких сомнений. Все так шли в те времена. У меня была хорошая физическая подготовка, а также и готовность к службе в армии. В те

годы НВП у нас вёл Геннадий Иннокентьевич Лахтионов, так он нас гонял очень серьёзно. Мы автомат с закрытыми глазами разбирали и собирали, стреляли хорошо, а также и строевая подготовка, маршброски... Благодарен за эту выучку, в армии пригодилось, особенно в учебке! А ещё от военкомата совершали прыжки с парашютом, так что уже знал, что ждёт в армии, за это ещё больше благодарен, потому что и служба моя в армии была на военном «Камазе», – вот так просто оценивает Владимир те дни призыва. – Я уже знал, что попал в группу 20А, это Афганистан. Наш призыв был не первым, наши парни уже с первым призывом попали туда, например, Владимир Васильчук, Костя Мосалев, Володя Петлин и другие.

Но до самого последнего не знала об этом мама Володи, она и бабушке, Любови Сергеевне, не поведала, когда та, со слезами на глазах обнимая внука, сказала ей об этом.

Учебная часть. Ноябрь 1986 года

Призыв

– Что чувствовал? Да ничего! Шёл служить осознанно, потому что у нас менталитет в те времена такой был – надо быть как все и честно отдать долг Родине, – отвечает он на мой вопрос. – В те дни из района призывалось 15 парней, но эта группа была только у меня.

Томск. Призывного пункта в те времена ещё не было, жили в спортзале то ли какой-то школы, то ли завода, на третий день приехали офицеры в форме, не похожей на ту, которая была в те годы в СССР.

– Построили нас и сообщили, что нас направляют в Афганистан. Некоторые из нас не знали. Одного парнишку не брали, предложили ему и морфлот, и десант, но он хотел идти с нами. Так и не знаю, куда он пошёл. Нам сказали: «Идёте в Афганистан. Ничего

зорного нет, если откажетесь. Можно здесь сменить команду, пишите заявление». Но никто не стал писать.

Думали ли тогда эти восемнадцатилетние парни о том, что их ожидает, знали ли они о той страшной далёкой войне? Думается, что нет. В те годы об этом писали и показывали по ТВ очень скупо и мало. Знали только, что ограниченный контингент выполняет свой интернациональный долг в дружественной стране Афганистан.

– Лично я такой человек, могу сам про себя сказать – ответственный. Раз сказали – в Афганистан, вот и пошёл. Так в те годы многие поступали. Ничего героического мы и не ожидали, и не представляли, – говорит Владимир. – Все мы такие были. Если и хотели остаться которые, то их были единицы.

Успешно пройдены все комиссии в Томске, Новосибирске, и вот путь на юг. В неизведанные края, не зная, кто и что их там ожидает. В те годы поездки по стране были не для всех. Володька дальше Новосибирска и не выезжал. А тут – поезд увозил сибиряков всё дальше и дальше в тёплые края, с Западно-Сибирской низменности в горы, степи и пустыни, а присоединились ещё новобранцы из Кемеровской, Новосибирской областей. Уже формировалось воинское братство. Знакомства, песни под гитару...

Учебка

– Учебка была в Батуми-19, «Верхний городок», на базе разведшколы. Мы стреляли из многих видов оружия, метали гранаты, маскировались, учились действиям в горной местности, в ночное время, – вспоминает Владимир Петров. – У меня была снайперская винтовка СВД. Хотели сделать снайпером, но, увы, отстреливался в ночное время не на круглую 10. Учебный батальон был при кадрированном полке. Две роты три месяца и две роты пять месяцев. Я попал в трёхмесячную роту, где новобранцы почти все были из Сибири. Так вот, в нашей все офицеры были после Афганистана, у них и подход к обучению был более правильный и осознанный. Они просто так нас не гоняли, знали, что и как нам полезнее дать. Соберут нас и рассказывают о том, что и как нас

ждёт в Афганистане. А вот во второй – там были необстрелянные офицеры, после военных училищ, прямо эксперимент какой-то был, там было всё наоборот. Считаю, наше обучение было эффективнее!

– Замполит там у нас в роте был после училища, молодой лейтенант, заметил, что неплохо рисую, дал поручение выпускать боевые листки. Он уговаривал меня остаться служить здесь замкомвзвода, но я не согласился, – вспоминает Владимир. – После окончания учебки нас ещё раз спросили – может, кто-то решит остаться, но таких не нашлось...

Вот она, мальчишеская дерзость и желание идти навстречу испытаниям и, может, опасности, которой во все века богата была наша Русь, и которую подрастеряли сегодняшние поколения будущих защитников Родины.

Две недели на карантине в Хайратоне. Потом приехал боевой офицер, как оказалось, из Новосибирска: «Сибиряки есть?». Так я и ещё парнишка из Кемерово попали в действующую в Афганистане боевую часть.

Афган

Первое боевое крещение было 6 апреля. Подорвались на mine, один парень погиб. Шла колонна. Один водитель вышел на встречную полосу, заехал на обочину, а там мина... После госпиталя в Термезе, по прибытии в часть, стал водителем «Камаз-43105 КШМ-142».

– Был прикомандирован к разведбатальону. Могли бросить хоть куда, но в основном в боевые действия, – говорит Владимир. – Было и сопровождение военных грузов, в основном по ночам. Поднимают – и пошёл! Идёшь до границы, там забираешь боеприпасы, и – в пункт назначения. В боевых действиях мой «Камаз» был машиной связи, через неё шла связь. У каждого там была своя задача.

Все военные дни он не считает героическими:

– Это были наши армейские будни. Страшно, конечно, порой было, что там говорить! Это ехать по асфальту под огнём, и то страшно. А там горы! Едешь по таким серпантинам и отвесам!.. Дорога узкая. Фугас на фугасе! Сколько подорвалось на них! А сколько сорвалось в реку по дороге на Файзабад! Высота огромная,

и река Кокча внизу, глубокая, – воспоминания не самые лёгкие, даже спустя двадцать пять лет.

Это тогда они, молодые, воспринимали всё это, как будто так и должно было быть. И так более двух лет службы в Афгане.

Вспоминаются многие боевые моменты:

– В кишлаке Кишим мы попали в засаду. Бой был недолгим. Получилось так: из Файзабада прошла колонна 860-го омсп. Собрали всех местных мулл-старейшин и сказали: если хоть один выстрел будет по колонне, то сровняют кишлак с землёй. Отношения были интересными. Один раз басмачи обстреляли колонну мирных жителей, те бегут к нам – помогите!

Вспоминаются отношения с местными жителями:

– В фильмах вот показывают, так в основном всё неверно! Ходили на базарчики, в дуканы. Ходили, правда, с автоматами, но не на броне, как американцы. Покупали и шароп (местный самогон), и кроссовки, и т.д. Торговались. Они и продадут подешевле, и пообщаемся с местными, покурим.

Не обошлось и без ранений. Вспоминает о них, как о чём-то естественном:

– Разорвался снаряд, по спине царапнуло. Взводный тоже был ранен. Но сделали машину да поехали. – Вот так это всё буднично и просто вспоминается сегодня. А тогда это было горе матери, которая приехала в госпиталь, в Термез. Разрывалось сердце матери. Она и на присягу приезжала, хоть и не ближний свет. Страшно было, ведь «груз 200» уже пошёл в Союз, получили его и в Молчановском районе.

В госпитале насмотрелась всякого горя, видела искалеченных мальчишек, за которых также разрывалось её материнское сердце. А уж когда в палате увидела своего Вовку – худого, вся спина в рубцах – еле сдержала слёзы. Так вот два года и прожила, как на вулкане, от письма до письма, с тревогой, как бы ожидая худшего. Слава Богу, обошло.

А её отчаянный сын, который не один раз мог бы уже быть переведён из Афганистана, всё отказывался от этого и оставался на горячей передовой, продолжая колесить по военным горным дорогам.

Боевые будни и награды

Две медали «За боевые заслуги». Более тридцати боевых операций. Он даже и не знает, за какие из них пришла эта награда.

– Рота с офицерами насчитывала двадцать пять человек. Все жили в одной палатке. Из техники – БТРы, БМП, «Урал» да мой «Камаз». – Уже в ноябре 88-го надо было мне быть дома. В июле мне с другом предложили выйти с выводом в Союз, а там – домой в своё время. Отказались оба. В ноябре 88-го меня и радиста ночью по тревоге подняли. Велено было из Хайратона сопроводить колонну огнемётов «Буратино» на базе Т-72 и колонну «Камазов» с ракетами к ним в Чарикар, а потом в Пандшер. А там – были бои, творилось невообразимое. Сказали, что с Ахмад-шахом Масудом договорённость есть, всех пропустят. Эти «Буратины» пришли из Москвы. Все упакованные – водители и сопровождающие. Серьёзные и напряжённые. В тяжёлых брониках и касках. А мы – без бронезилетов, практически по гражданке. Смешно было на них смотреть!

Один эпизод Владимир рассказывает с улыбкой:

– Полковник – из прибывших – весь упакованный, садится в мой «Камаз» и спрашивает у взводного: «А у вас машина бронированная?» – «Бронированная, товарищ полковник! В одну дверку кирпичом кинешь, во вторую вылетает!» – так он от нас быстренько на броню пересел. В январе 89-го приказ опять ехать через Саланг. Подошёл взводный и спросил – сам поедешь или нет? Но, мол, если не поедешь, посажу молодого. Дела разворачивались серьёзные, что-то там на самом высшем уровне дипломатическом происходило, но огонь бил по нижним рядам. Какого молодого в такой обстановке? Поехал сам.

Да, вот так всегда и происходит, когда дипломаты договориться не могут:

– Приехали в Джабаль-уссарадж. А там сплошное месиво из трупов. Бомбили с самолётов, жгли... Мирные жители. Женщины, дети. Ахмад-шах Масуд очень обиделся на своих союзников – слово своё нарушили.

Но молодость, лихость и отвага двигали в те далёкие дни этими мальчишками, солдатами-срочниками:

Афганистан, город Кундуз, 1987 год

– Мы в роте шепутные были, но дело делали по приказу! – так вспоминает наш герой. – А подвиги? Да мы и не понимали, что подвиги совершаем, просто служили, выполняли приказы вышестоящих командиров. Стрелять приходилось много. Но большей частью из автомата, очередями, поэтому не видишь, в кого попал и как. Один случай был, когда в ногу врагу попал. Но жалости не было.

Дело шло к дембелю.

– А половина моего призыва уже уехали, и даже палатки разобрали. Ну а у меня последний рейс состоялся. Вернулся, а тут вывод войск.

Мы помним кадры кинохроники, когда по мосту через Аму-Дарью двигалась военная колонна, и, в этой колонне на своём родном «Камазе» покидал Афганистан Владимир Петров, уже опытный воин, дважды раненный, дважды награждённый медалью «За боевые заслуги». Последним выходил командарм Б.В. Громов.

Награды были и потом: медали «Воину-интернационалисту», «От благодарного афганского народа», «70 лет ВС СССР», «25 лет вывода войск из Афганис-

тана» и другие. Но эти две боевые награды самые дорогие. В них всё: и молодость бесшабашная, и страх перед свистящими, летящими сверху снарядами, и фугасами, подстерегающими на каждом повороте. Мины, душманы, которые могли стрелять из-за любого камня. В расположении были установки «Град», ракетные установки. Каждый час для остротки были выстрелы в сторону, где предполагались враги. Всё это было и не отпускает душу вот уже 25 лет!

Вспоминаются бескрайние маковые поля, курящие травку афганцы. И не думалось тогда, что с помощью разворотливых янки наркотрафик пойдёт в нашу страну. И курили травку, пили водку все те, кто нёс тяжёлую военную вахту в Афганистане. Но не до дури.

Мирная жизнь

В мирную жизнь возвращался с трудом. Казалось бы, всё состоялось. Дождалась любимая девушка, с которой дружил с 8 класса. Женился. Сына родили. Работа есть. Сначала работал в ДРСУ, потом в пожарной части, электромонтёром в электросетях, потом всё же пришло осмысление – пошёл получать высшее образование. Сегодня работает в энергетической системе района мастером.

Школьные друзья, слушая его рассказы о той далёкой войне, сами себе задавали вопросы: «Смог бы я так или не смог?».

– А почему не смог? У нас, у русских, менталитет такой, смотрим друг на друга. Он может, а я почему не смогу? Чем я хуже? Это ж не американцы, которые за деньги воюют да гей-парадами ходят, – сам себе отвечает. – В Афгане встретил только земляка Алексея Аксиненко из Верхней Фёдоровки, да совсем близко воевали, совсем были рядом с Виктором Агиенко, Володей Гашиловым...

Военная память

Но не отпускало, особенно первые десять лет. Встречались с воинами-афганцами, бывало, пили до самых-самых... Пели песни, оплакивали погибших друзей, не понимая, что же творится с их ду-

шами. По ночам и в атаку ходили, и под разрядами на машине везли снаряды... Кричали, просыпаясь, а их жёны не спали тоже и терпеливо переносили эти ночные кошмары и загулы мужей:

– Нашим жёнам надо памятники ставить, сколько они с нами пережили. Спасибо им за их терпение. Без их ласки и понимания было бы сложно жить, – говорит Владимир. Ему повезло, его Елена всё выдержала, хотя и было порой нелегко.

А сегодня это дружная семья. Сын, правда, один, как-то не пришлось больше завести детей. Не всё гладко в жизни. И в мирное время настигает то, что, кажется, сложно поправить. У сына с детства было хроническое заболевание почек. Всё, говорили медики, пройдёт к взрослению. А не прошло. И наступило то мгновение, когда отцу в мирное время надо было совершить подвиг отцовский. И он это сделал! Сегодня у отца и сына две почки на двоих – это их сроднило ещё больше.

До сих пор воинское братство не забывает друг друга, переписываются по Интернету, встречаются. Обмениваются впечатлениями, фотографиями. Это на всю жизнь. И осознание, что он – ветеран боевых действий, воин-интернационалист, ещё не пришло:

– Какой я ветеран? Это вот ветераны Великой Отечественной войны – настоящие ветераны. Воевали четыре долгих и тяжёлых года. А мы пока ещё не ветераны, – говорит Владимир. – Но ни одного дня не жалею, что пошёл служить в Афганистан, может, жалею, что не остался по контракту. Как-то домой захотелось...

О молодых

Уже не раз слышу от Владимира такие замечательные слова о нашей молодёжи:

– Вот говорят, что у нас сегодня молодёжь плохая. Не согласен! Смотрю по друзьям своего Ильи. Все учатся, получают не по одному образованию, место в жизни находят. Есть какой-то процент тех, кто ни о чём и никак. Но их меньше. Я уверен, что Родину в трудный момент есть кому защищать! Сегодня и парни уже осознанно идут в армию. Только вот надо сделать службу два года. Год –

это ни о чём, не успевают они стать настоящими солдатами, – считает ветеран Афганистана Владимир Петров.

Ветеранский совет

Возглавляя районный Совет воинов-интернационалистов, Владимир и его товарищи всегда готовы работать с молодёжью – на встречах, в военных играх... Да и время подходит, когда этот Совет ветеранов выходит на первую линию работы по военно-патриотическому воспитанию молодёжи: уходят ветераны ВОВ, а подрастающему поколению нужны примеры героизма, образцы воинов. Это понимает и наш герой:

– Надо готовить молодых парней к службе в армии, надо им открыто рассказывать и о военных буднях, – считает он. – Мы попали в такое время, когда Родина позвала нас в это афганское пекло. Может, с сегодняшних высот эти боевые действия рассматриваются как неоправданные, но мы действовали по приказу своих командиров. А в армии это главное.

Сегодня неспокойно в мире. Идёт кровопролитие в Украине, в когда-то бывшей братской республике. НАТО продвигается всё ближе к нашим границам. И хотя Владимир уверен в мощи нашей армии, что творится в душах тех, кто развязывает войны, не может понять.

Воины-защитники

От чего зависит жизнь человека? Из чего она состоит? Из таких вот поступков, которые наш герой не считает ни подвигами, ни героизмом. Но всё это было. И легло всё это на смелую и волевою натуру настоящего воина, потомка тех, которые испокон веков защищали Русь-матушку от врагов. Ведь – это уже известно – рождаются мужчины-воины и мужчины-хлеборобы. Наш герой – настоящий воин, с искренней и скромной душой.

И хочется верить, что есть с кого брать пример подрастающим будущим воинам. Ветераны Афганистана, воины-интернационалисты и участники боевых действий в «горячих точках» заступают на почётную вахту, приходя на смену ветеранам Великой Отечественной войны.

Владимир Александрович Прытков родился в 1965 году в селе Подгорном. С 5 класса занимался в кружке фотографии, которым руководил фронтовик Алексей Артемьевич Холин. После школы, не поступив в вуз, работал каменщиком в строительной бригаде ПМК-8. Через год, осенью 1983-го, был призван в армию, в 350-й парашютно-десантный полк 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии. Местом его службы стал Афганистан. За участие в боевых действиях награждён орденом Красной Звезды. После демобилизации вернулся в Подгорное, где в течение 17 лет работал водителем местного автотранспортного предприятия. Возглавляет Чаинское районное отделение Российского союза ветеранов Афганистана.

«Жалеть нам не о чем»

... и так далее

К призыву в армию Владимир Прытков готовился не только морально: получив предложение поехать в Томск, на курсы подготовки парашютистов при региональном отделении ДОСААФ, согласился не раздумывая. Перспектива стать десантником ему очень нравилась – попасть в ВДВ тогда было не менее престижно, чем сейчас. Поэтому в армию он пошёл, уже имея опыт прыжков с парашютом. А перед самым призывом как следует попрощался с «гражданской» жизнью.

– Отработав 11 месяцев, я взял отпуск и поехал к другу, который уже служил в Литве, – рассказывает Владимир Александрович. – Ему как раз дали увольнительную, и мы с ним успели посмотреть на Прибалтику – погуляли по Таллину, Каунасу, побывали на море... К тому же от него я лучше узнал, что такое служба, к чему нужно готовиться. После этого я ещё заехал к родственникам в Витебск, а через 10 дней после возвращения и выхода на работу мне

пришла повестка. Из Томска нас повезли в Новосибирск, оттуда – в Фергану.

Война уже шла вовсю, и о ней, конечно, много слышали. Но желания отказаться от отправки в Афганистан не было. Страшно тоже не было, было интересно. А вот родители, конечно, очень переживали...

В Фергане новобранцев готовили к службе жёстко: в среднеазиатскую жару бегать по сопкам с рюкзаком, набитым камнями, – то ещё удовольствие. Но все понимали – пусть лучше будет трудно сейчас, чем потом. Поначалу курсантов не покидало чувство голода, но постепенно организм привык и к этому испытанию. После принятия присяги Владимира Прыткова отправили в Ашхабад, на курсы механиков-водителей БТС. А 25 апреля 1984 года, приземлившись в аэропорту Кабула, он впервые ступил на афганскую землю.

– Первое впечатление от Афганистана? Пыль, солнце, жара, низенькие дома из глины. И постоянно хочется пить, – вспоминает Владимир Александрович.

вич. – Когда мы прилетели, наша часть участвовала в боевых действиях. И не возвращались они очень долго – боевая операция в Панджшере, начавшаяся ещё в апреле, продолжалась до 5 июня. Из-за этого задержалось и увольнение в запас старослужащих: тех, кто должен был поехать домой в мае, отправили только 6 июня – буквально за два дня в Союз отправили всех, уходило по три борта в день. А за всё время боевой операции они вышли в распоряжение части только на 9 Мая – сходили в баню, пополнили запасы. Но те, кто оставался, нас встретили очень хорошо. Даже своего рода «банкет» устроили – с печеньем и джемом. А потом начались будни: подъём в пять утра, а то и раньше, зарядка и так далее.

Когда речь идёт о войне, под сухим «и так далее» скрывается многое: смерть здесь ходит рядом с человеком, бесшумная и невидимая. Владимир Прытков почувствовал её дыхание ещё во время своей первой боевой операции в Панджшерском ущелье.

Демобилизация. Ноябрь 1985 года

– Меня отправили за обедом. Слева горная речка, песок, открытое пространство. А на том берегу – горы. Иду и вдруг вижу песчаные бурунчики от выстрелов. Я – резко в сторону, и в «зелёнку». А бурунчики-то, надо сказать, подпрыгивали совсем рядом...

Судьба, судьбою, о судьбе

Во время боевых действий, в которых 350-й парашютно-десантный полк принимал активное участие, задачей механика-водителя Прыткова было сопровождение колонн военной техники. Минная война, которая велась в Афганистане, отличалась

За новой техникой. Владимир Прытков (справа) с сослуживцем из Белоруссии Виктором Драгуном. Баглан, август 1985 года

изошрённостью и многообразием используемых противником средств, поэтому требовала от сапёров неослабевающей бдительности.

– Первыми шли ребята со щупами и собаками. Затем – 1-2 машины сапёров, тяжёлые, как танки. Сначала такие машины оборудовали катками, которые должны были обнаружить пропущенную сапёрами мину. Но они себя не оправдали: если под катками взрывалась мина, механик-водитель и тот, кто сидел на броне, почти всегда теряли глаза. Нужно было управлять БТСом в боевом положении, но это сильно ограничивало обзор. Поэтому от катков в результате отказались. И если

идущие первыми пропускали мину, удар приходился или на нас, или на следующую за нами машину. Славка Штепа, с которым мы вместе учились и в Фергане, и в Ашхабаде, дважды подрывался, но оставался в живых. Сначала – на маленькой мине, затем – на фугасе. БТС после второго взрыва восстановлению не подлежал, а Славку выкинуло из машины на 20 метров, он остался жив. Но на Панджшере мина взорвалась прямо под его «Газз-66», и он погиб. Мин было очень много – противотанковых, противопехотных, фугасов, мин-сюрпризов... Включаешь приёмник или фонарик – они взрываются у тебя в руках. Конечно, нас инструктировали

Кабул, 1985 год

После награждения. Владимир Прытков крайний слева в первом ряду. Кабул, октябрь 1985 года

— ни в коем случае ничего не поднимать, не включать. Но иногда такие случаи всё-таки происходили.

Трудно представить, как можно постоянно находиться в таком напряжении...

— Да не было никакого особого напряжения — шла обычная жизнь, — вспоминает Владимир Александрович. — Люди ведь ко всему привыкают, в том числе и к опасности. Тем более что в части ты находишься на ограниченной территории, по периметру которой натянута колючая проволока и караулы стоят. Так что все веселились, смеялись и шутили — мы ведь были совсем молодые!

Окружавшая территорию части «колючка» отнюдь не отпугивала местных детей: они постоянно

вертелись возле неё со словами «дай бакшиш».

Бакшиш, то есть гостинец, мог быть любым: солдаты делились с ребятнёй сгущёнкой, галетами и любыми имеющимися у них «вкусностями». Никакой вражды с мирным населением не было, хотя порой отличить его от граждан отнюдь не мирных было сложно. Вот почему любой выход за пределы территории в одиночку считался огромным риском.

— Однажды мы транспортировали сломанную технику в Тёплый Стан, где стояла общевойсковая ремонтная часть, — рассказывает Прытков. — Там мне нужно было переставить двигатель с одного БТС на другой. Переставил — и всё, больше делать нечего. Чтобы не сидеть без дела, решил вернуться в часть — туда как

раз шла машина. Прибыл в роту, доложил, а мне говорят — нет, езжай обратно! И пришлось мне добираться своим ходом. До дороги на Тёплый Стан доехал с машиной, которая вывозила на свалку мусор, а дальше надо ловить попутку. Стою на обочине — машин идёт очень много, но все афганские — такси, личные автомобили... Наконец едет войсковой «Зил» с открытым кузовом. Водитель увидел меня и глаза вытаращил — да ты что, боец, обалдел, ходишь тут один?

Та «прогулка» закончилась благополучно — проезжавшие мимо действительно оказались людьми мирными. Но бывало и иначе.

Однажды, когда мы находились в боевом расположении, через нашу часть прошли афганцы, гнав-

шие в предгорья скот. Мирных жителей мы пропустили беспрепятственно — надо ведь им как-то жить. А буквально через час — тревога, подъём, строиться в колонну! Выезжаем — и подрываемся как раз на том месте, где только что прогнали скот...

Дружба, испытанная огнём

Для Владимира Александровича это был первый подрыв. Всего же их было три, причём во время третьего он получил не только ожог лица, но и серьёзную травму позвоночника.

7 июля 1985 года мы стояли на боевом дежурстве. Часа в четыре утра нас подняли по тревоге, и мы пошли на боевую операцию в провинции Газни. Один БТС шёл впереди, мы — за ними, а за нами колонна ещё из пяти машин. В первой машине заметили замыкатели, но остановиться не успели, и благополучно проехали. А мы взорвались как раз в момент остановки. Наш БТС взорвался и загорелся, вся взрывная волна ушла в центр топливного бака — в броне была огромная дыра. Я, как выяснилось позже, получил перелом отростков позвоночника, но в горячке ничего не почувствовал — после взрыва ещё сопровождал раненого в госпиталь. Мне казалось, что у меня только лицо обожжено, а товарищ мой пострадал гораздо сильнее. В полковом медпункте меня мазали мазью от ожогов (смеётся). Боль в спине почувствовал только через несколько дней. Меня отправили в медсанбат, сделали рентген и нашли перелом. Это было уже в конце моей службы, и после того, как я отлежал там без движения 18 дней, меня пытались даже оставить дослуживать старшиной в медсанбате. Но я сказал — нет, выписывайте в часть! Почему? Да скучно там было... После выписки меня отправили в Хайратон за новой техникой. А там и до конца службы оставалось меньше месяца.

Дома Владимира Прыткова ждали родители — в письмах, которые он им писал, война выглядела лёгкой, необременительной прогулкой. Написать правду было немислимо, но родительское сердце многое

Ветераны Афганистана на выставке, посвящённой 25-летию вывода войск. Чаинский краеведческий музей. Владимир Александрович во втором ряду третий слева

видело без всякой подсказки: отец, например, плохо почувствовал себя в тот день, когда машина сына подорвалась на mine в третий раз. Возвращение солдата домой было счастьем для всех, хотя поначалу, признаётся Владимир Александрович, он порой чувствовал себя «как новогодняя ёлка»:

— Идёшь по улице — форма, берет, орден... Все на тебя смотрят. В Томске поймал такси — водитель говорит: «О, а я вчера такого же вёз!». Знаю, говорю, кого ты вёз — как раз передо мной Игорь Осипов должен был вернуться...

Встречи с земляками на войне всегда были большой радостью, и у Владимира Александровича, к

счастью, их случалось немало. Там, в частности, он познакомился с томичом Александром Яндульским и встретил Дмитрия Янутова, с которым учился в одной школе, работал в одной бригаде ПМК-8 и которого провожал в армию за год до своего призыва. Сейчас Дмитрия уже нет в живых — светлая ему память. А бойцы сапёрной роты, в которой служил Владимир Прытков, три года назад встретились в Самаре. Встретились, чтобы вспомнить дни беспокойной, но дорогой сердцу молодости и тех, кто не вернулся домой. И ещё раз убедиться: дружба, проверенная войной и замешанная на горечи, — дружба особая. И ни годы, ни расстояния над ней не властны.

Андрей Владимирович Разумов родился в 1966 году в селе Мельниково Томской области. В 1983-м закончил среднюю школу, поступил в Колпашевское педагогическое училище. В апреле 1984 года, по окончании первого курса, призван в ряды Советской Армии. Проходил службу в Афганистане в составе 357-го парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии. Демобилизовался в апреле 1986-го, в этом же году восстановился в Колпашевском педучилище. В 1987 году закончил училище по специальности «преподаватель физического воспитания», поступил на работу в среднюю общеобразовательную школу №1 села Мельниково. Педагогическую деятельность завершил в 2013-м, перешёл на должность методиста Управления образованием Шегарского района. С 2014 года – на пенсии.

Имеет награды: медали «За отвагу», «В память 25-летия окончания боевых действий в Афганистане», «От благодарного афганского народа» и другие.

Женат, имеет двух дочерей.

Снайперы бьют от солнца

Повестка в военкомат Андрею Разумову пришла в апреле 1984 года, когда он заканчивал первый курс Колпашевского педагогического училища. Учился, чтобы получить одну из самых мирных профессий на Земле, стать педагогом, а пришлось стать солдатом – на жестокой и кровавой войне. Но в те годы от слов «армия» и «Афганистан» призывники в обморок не падали.

– Готовил себя к службе целенаправленно, – вспоминает Андрей Владимирович. – В педучилище учился на преподавателя физкультуры, занимался спортом, в том числе парашютным, к окончанию первого курса имел три прыжка. Уже на предварительных сборах нам сказали, чтобы готовились к путешествию на юг – пошлют в учебный парашютно-десантный центр в Фергану. Это означало, что нас, восемнадцатилетних пацанов, ждёт Афган, но мы были даже рады.

Потому что служить в армии для них было делом чести: не прошёл армию – на тебе клеймо. Так было принято в родном Мельникове Андрея, так было

принято во всех городах и весях огромной страны. А ещё потому, что это был приказ Родины.

Тяжело в учении – легко в бою

В «учебке» расположенного почти на самой границе с Киргизией небольшого узбекского городка Фергана, где готовили специалистов ВДВ, отцы-командиры придерживались старого суворовского принципа «тяжело в учении – легко в бою». Многие из них прошли ОКСВА и отлично знали: чем больше гоняешь солдата здесь, в учебном центре, тем больше у него шансов выжить там, в Афганистане.

– Когда прибыли в «учебку», нас сразу повели на стадион – кросс, подтягивание, отжимание в упоре лёжа и т.д., – рассказывает Андрей Владимирович. – По результатам этих проверок, а также с учётом других данных происходил отбор в учебные подразделения. Кто-то попал в сапёры, кто-то – в механики-водители, кто-то – в разведроту... Я был парень спортивный, имел

пусть незаконченное, но всё же профессиональное образование, поэтому оказался в разведке. В «учебке» провели полгода, подготовка была очень серьёзной.

И офицеры, и сержантский состав центра были специалистами высокого класса, с богатым боевым опытом. Наука их оказалась ценнее золота, не однажды потом спасала ребятам жизнь на войне.

Тяжелее всего переносились нагрузки физические, даже подготовленному Андрею они казались просто запредельными. Чего стоили одни кроссы – десять, пятнадцать, а то и двадцать километров с полным боекомплектом на умопомрачительной среднеазиатской жаре... Будущих разведчиков учили рукопашному бою, владению холодным оружием, сапёрному делу, учили, как надо прочёсывать местность, незаметно проникать в кишлаки и т.д. Велась серьёзная стрелковая подготовка по всем видам оружия – от пистолета и автомата до гранатомёта и вооружения боевой машины пехоты.

Сержант Андрей Разумов. 1988 год

– Случалось стрелять даже из танковых орудий, – улыбается Андрей Разумов. – Кроме того, учили снайперскому делу – как маскироваться, менять позиции и т.д. Иногда приходилось сидеть на точке сутки и более без еды и воды. Плюс ко всему в специальном лагере в горах нас тренировали для ведения боевых действий в горных условиях.

Выдержать такой режим могли не все, кто послабее – переводились в другие подразделения. Андрей смог, «курс молодого бойца» от начала до конца прошёл в разведроте.

Ну а дальше была война, и уже совсем не учебная.

«Ну, пацаны, попали!..»

Первые афганские впечатления Андрей Разумов получил прямо на кабульском аэродроме. Они, только что прилетевшее из «учебки» молодое пополнение, шагали по взлётной полосе к прибывшим за ними «Камазам», а навстречу, словно чудное видение из солдатского сна, шагала колонна «дембелей». В парадной форме, с орденами и медалями, дочерна загорелые, с новенькими чёрными «дипломатами», где лежали «дембельские» альбомы, они шли на посадку в самолёт, на котором прилетел Андрей. Закончившие свою войну, они улетали на родину, и Андрей навсегда запомнил их белозубые улыбки и то, как они кричали им, молодым, только на эту войну пришедшим: «Ну, пацаны, попали!..».

А попал Андрей в разведроту 357-го Гвардейско-го парашютно-десантного полка 103-й (витебской) Гвардейской воздушно-десантной дивизии. Полк базировался в крепости Бала-Хиссар на окраине Кабула и был одной из тех боевых единиц, которые, как, собственно, большинство десантных частей, бросали чуть не по всем горячим точкам страны.

– В части приходилось бывать мало – вернёшься с задания, отдохнёшь несколько дней – и снова боевой выход, – вспоминает Андрей Владимирович. – Выполнили задачи выявления и уничтожения бандформирований, устраивали засады и брали караваны с оружием, сопровождали наши военные и гражданские колонны, проводили зачистки кишлаков... Довелось участвовать более чем в сорока боевых операциях по всему Афганистану – Кандагар, Джелалабад, Гардез, Бамиан, Панджшерское ущелье и т.д.

По иронии судьбы, когда вновь прибывших доставили в часть, там было необычно спокойно, разведчики находились на задании. Впечатления начались на вторые сутки: рота вернулась с боевой операции, и военный городок в одночасье наполнился покрытыми дорожной грязью, смертельно уставшими, только что вышедшими из-под огня парнями. Больше всего Андрею запомнились смертельно усталые лица под лежавшим на них толстым

слоем мелкой, всепроникающей афганской пыли. Это было лицо войны. Войны, которую им, молодым, ещё предстояло узнать...

И начались военные будни. Первый месяц был периодом завершающей «стажировки на месте», на серьёзные дела молодых не брали. На своё счастье, Андрей встретил в роте земляков, да ещё среди «дембелей» (старослужащих) – Виктора Кашкарова из Первомайского района Томской области и Олега Широких из Кемеровской. На первых порах, в самое тяжёлое для новичка время, они крепко его поддержали.

– В обиду не давали, помогали во всём – учили, объясняли, подсказывали, – вспоминает Андрей Разумов. – В полку всё держалось на «дембелях». Офицеры, конечно, следили за дисциплиной, но в основном порядок держали именно старослужащие. Мы и сейчас поддерживаем друг с другом связь – переписываемся, созваниваемся, встречаемся...

Однако, если в мирной обстановке в роте и про-скальзывало то, что называют «неуставными отношениями», то в обстановке боевой всякое деление на «дембелей» и молодых исчезало. Перед лицом врага разведчики становились единым целым, спаянной боевой единицей. Это был железный закон, и очень скоро Андрей в этом убедился.

Для кого хорош кинжал?

Первая боевая операция, на которую попал Андрей Разумов, проходила в знаменитом Панджшерском ущелье – неприступной, как считалось, крепости самого Ахмад-шаха Масуда. Группа разведчиков уже практически прочесала кишлак и расслабленно, не ожидая нападения, шла по пыльной пустынной улице вдоль длинного, казавшегося безжизненным дувала (глинобитный забор или стена жилища в Средней и Центральной Азии), когда из какой-то калитки прямо перед ними вдруг так же расслабленно вышли три вооружённых душмана. Они тоже не ожидали увидеть «шурави» – в замешательстве обе группы замерли. В таких ситуациях выживает тот,

кто стреляет первым: бандиты уже сорвали с плеч автоматы, но раньше успел выстрелить Андрей. Навскидку, почти не целясь, дал очередь из АКМ, один из душманов рухнул. Это был его первый «дух»...

Остальных уничтожили товарищи.

– Когда это происходит впервые, испытываешь огромное потрясение, – рассказывает Андрей Владимирович. – Помню, как тряслись руки, внутри всё ходило ходуном... Хорошо, что с нами, молодыми, был «дембель», замкомвзвода – он помог успокоиться, прийти в себя. Забрали у убитых оружие, пошли дальше... Потом я понял, что тогда мне помогла та серьёзная подготовка, которую получил в «учебке», и благодаря которой, несмотря на сильный стресс, удалось сделать всё как надо.

«Как надо» всё получилось и в другой раз, уже под Джелалабадом, когда группа разведчиков с боем ворвалась в занятый душманами кишлак. Началась зачистка. Продвигаясь от дувала к дувалу, Андрей заметил и решил проверить узкий, как щель, проход в одной из глинобитных стен. И не зря. Щель оказалась обитаемой – на разведчика бросился моджахед с длинным, словно из восточной сказки, кинжалом. Стрелять было поздно. Однако, как говаривал известный герой известного фильма, «кинжал плох для того, у кого он не окажется в нужное время», а у десантников холодное оружие всегда при себе. Выбив у противника нож, Андрей прикончил его своим...

После нескольких таких операций появилась уверенность в своих силах, осознание, что «непримиримых» можно бить, и бить успешно. И не только наспех обученных стрелять пуштунов местных кишлаков, но и хорошо подготовленных за границей боевиков, «чёрных аистов» и прочих «пернатых», слетевшихся в Афганистан на зов западных спецслужб.

Как всякий втянувшийся в службу солдат, Андрей почувствовал свою «лямку» в общей ротной, полковой, армейской упряжке. И осознал своё место на этой огромной, жестокой войне.

Кандагар. 1985 год

Задание выполнено, потерь нет

Ветераны-«афганцы» говорят: полтора года службы разведчика-десантника в Афганистане – это больше, чем целая жизнь «на гражданке». Андрей Разумов уходил в армию беззаботным мальчишкой, а вернулся ветераном войны с сединой в волосах.

Много чего было за эти полтора года: и захват богатых караванов с оружием, и бои с крупными бандформированиями, и зачистки кишлаков.

– Некоторое время пришлось даже заменять раненного наводчика-оператора на БТРе, одну войну (войсковую операцию) поехать на броне, – рассказывает Андрей Владимирович. – Освоил, справился. На второй год службы получил сержанта, стал заместителем командира взвода. Боёв было много, но мы, разведчики, несли минимальные потери – сказывалась хорошая подготовка. За всё время службы в нашем взводе погибло всего три человека.

Разведчики действовали дерзко и почти всегда эффективно. Однажды под Джелалабадом взвод Андрея получил приказ выйти к высоте N, занять её и заблокировать проход банде душманов. Ночью совершили марш-бросок, но, когда на рассвете показалась высота, бойцы увидели на её вершине чётко вырисовывавшиеся на фоне светлеющего неба силуэты людей – позицию успел занять передовой отряд моджахедов. Взводный принял решение атаковать, дал команду подойти незаметно как можно ближе.

– Подобрались к «духам» метров на двадцать пять – тридцать, сняли часовых, бросили две-три гранаты и начали атаку, – вспоминает Андрей Разумов. – Свалились, как снег на голову, выбили бандитов с высоты буквально за несколько минут. Не успели перевести дух, смотрим – к нам лезет уже вся банда.

Заняв круговую оборону, взвод принял бой, который продолжался более трёх часов. Душманы превосходили разведчиков численностью, однако им не удалось ни занять высоту, ни сколько-нибудь

На боевых действиях в провинции Бамиан. Андрей Разумов – крайний слева. Зима 1986 года

серьёзно к ней приблизиться. Понеся значительные потери, банда начала отходить, теперь уже разведчики преследовали «духов». Отступая, те закрепились на другой высоте, попытались обороняться. Разведчики взяли банду в кольцо и уничтожили из гранатомётов – всех до единого. Взвод при этом не потерял ни одного человека...

Другая памятная операция произошла в провинции Бамиан. Поступила информация, что в таком-то ущелье в такое-то время должен пройти караван с оружием – на БТРах разведчики выдвигались

в нужную точку. Нашли интересующую их тропу, заняли выгодную позицию, стали ждать. Прошло около суток, прежде чем они увидели осторожно продвигающихся чуть выше тропы двух душманов – разведдозор противника. Минутой позже метрах в трёхстах за ними показался сам караван – два десятка вооружённых «духов» и пятнадцать гружёных ишаков. Разведчики затаились, слились с камнями...

– Подпустили караван поближе, по команде сняли уже прошедших мимо и не заметивших нас

дозорных и приступили к ликвидации, – рассказывает Андрей Владимирович. – Бой был короткий. В итоге все «духи» были уничтожены, захваченная добыча составила более ста единиц стрелкового оружия (АКМ, крупнокалиберные пулемёты ДШК, винтовки), большое количество мин и гранат.

В завершение бойцы разыскали в ущелье и ликвидировали несколько тайников с боеприпасами – большие партии АКМ, винтовок, гранатомётов, противопехотных и противотанковых мин и т.д. В ходе операции группа также не понесла никаких потерь.

Продержаться до заката

На войне, где смерть всегда рядом, отношение к ней особое, совсем не «гражданское». С её близостью приходится свыкаться – другого выхода просто нет, и каждый делает это по-своему. Но есть один общий закон, который подтвердит любой ветеран-«афганец»: чем ближе срок окончания службы, тем сильнее хочется выжить. Выжить и вернуться в ту бесконечно далёкую, как тридевятое царство, дорогую мирную жизнь, где остались родной дом, родители, любимая девушка... Где тебя ждут.

В эту самую пору, на втором году службы, когда «на горизонте уже маячил дембель» и во сне Андрей всё чаще видел родное Мельниково и Обь, смерть прошла совсем рядом. Дохнула ледяным дыханием и оставила на голове девятнадцатилетнего парня серебряную прядь.

Шла крупная войсковая операция под Кандагаром, взвод Андрея получил очередной приказ зачистить кишлак и выдвинулся к месту проведения операции пешим маршем. Разведчикам оставалось пересечь небольшое плато и преодолеть перевал, за которым лежал кишлак, когда их неожиданно обстреляли снайперы. Обстреляли грамотно. На марше в горах взвод двигался всегда в строгом порядке: первым шёл сапёр, за ним – замкомвзвода Андрей, за ним – связист и так далее. Эту передовую группу из пяти человек, двигавшуюся метрах в

пятистах впереди основных сил, снайперы положили на землю и отсекали огнём от остального взвода. Взвод тоже залёг.

– Место они выбрали идеально – мы совершенно открыты, спрятаться практически негде, – вспоминает Андрей Владимирович. – Кое-как укрылись за камнями, огонь такой, что невозможно поднять головы. Чуть «засветился» – сразу выстрел, видно, что бьют профессионалы. Начали отстреливаться – тяжело: они бьют от солнца, а нам – солнце в глаза, можно ориентироваться только по вспышкам. И взводу к нам не прорваться – тоже под огнём.

Начался методичный расстрел, длившийся несколько часов. Несколько часов в перекрестье снайперского прицела, когда между жизнью и смертью – лишь небольшой, еле скрывающий тебя камень, о который, осыпая осколками, хлещет смертоносный свинец... Лёжа за валуном, Андрей ясно, словно наяву, видел лица отца и матери, Мельниково, широкий разлив Оби... Из далёких, бесконечно далёких дальше они вдруг шагнули к нему прямо в стреляющие афганские горы, были рядом, были вместе с ним, и казалось, он слышит голоса: «Держись! Держись, ты должен вернуться...».

И они держались, хотя не обошлось без потерь. Переводчика-таджика Абдусаттора Рахимова, друга Андрея, ранило в ногу, от болевого шока он потерял сознание... Когда безжалостное к «шурави» и благосклонное к душманам солнце скрылось наконец за вершины гор и в сумерках снайперам стало сложно работать, их огонь ослабел. Только тогда разведчики сумели выйти из-под обстрела. Андрей вынес на себе раненного Абдусаттора.

– Снайперы снялись и ушли, а мы, немного придя в себя, начали их преследовать, – рассказывает Андрей Владимирович. – Догнали. Одного убили в перестрелке, другого взяли живьём – оказался наёмник, «чёрный аист». И в самом деле чёрный – натуральный негр... А вот основной банде, отход которой они прикрывали, удалось уйти. Когда мы

Привал. Район Гардеза. 1986 год

спустились в кишлак и провели зачистку, там уже никого не было.

Абдусаттора (в роте его звали Сашкой) успешно прооперировали, отправили на долечивание в Союз, и через пару месяцев он вновь вернулся в полк. А Андрея за проявленное мужество и вынос раненого с поля боя представили к ордену Красной Звезды. Но из Москвы пришла... медаль «За отвагу». Там, в Москве, было видней, кто здесь, в Афгане, герой, а кто – не очень... Андрей не расстроился.

– Мы тогда за наградами не гнались, воевали не за ордена и медали – говорит Андрей Владимирович. – Воевали за державу.

Про голодных детей, кровавую плащ-палатку и восточный плов

Много пришлось повидать, передумать и пережить за полтора года войны. В памяти Андрея Афганистан остался яркой, многоликой страной с

пёстрыми толпами на улицах городов, шумными восточными базарами и пышной южной зеленью.

– Идёшь по Кабулу – везде сутолока, движение, чуть не на каждом углу торговые ряды, – вспоминает Андрей Разумов. – Снуют ватаги оборванных, голодных детей, выпрашивают подачки. Народ, что в Кабуле, что в кишлаках, живёт очень бедно, семьи почти все – многодетные. Стоишь в части на посту, а ребятишки приходят и просят есть... Кормили, отдавали всякие обноски вплоть до старых сапогов.

Запомнился самобытный, непростой, не укладывающийся в привычные европейские мерки характер афганского народа, в котором смешались искренность и коварство, гостеприимность и воинственность, радушие и беспощадность. Невозможно забыть то, что моджахеды делали с пленными... Невозможно забыть подброшенную в расположение полка окровавленную плащ-палатку, в которой нашли расчленённое тело пропавшего накануне бойца из соседней роты...

Но рядом с этими воспоминаниями живут и другие. Никогда не забудет Андрей один кишлак под Бамианом, куда их взвод послали с обычной проверкой. Оказалось, зачистки не требуется – в кишлаке поддерживали правительство, а не оппозицию. Разведчиков, больше привыкших к раздающимся из дувалов автоматным очередям, вдруг встретили... пловом.

– Смотрим – выходит из дувала старейшина, выносит большой казан плова и почтительно приглашает нас к дастархану, – с улыбкой вспоминает Андрей Владимирович. – До конца дней своих буду помнить этот плов – настоящий, восточный, от одного аромата голова кружилась... Никогда больше, ни до, ни после, не пробовал ничего подобного.

Удивительно радушно их встретили все, от мала до велика: накормили пловом, курагой, напоили чаем... В этом замечательном кишлаке Андрей открыл для себя совсем другой Афганистан – искренний, дружелюбный, гостеприимный. Тепло это осталось в сердце навсегда.

России нужны солдаты

Демобилизовался Андрей 19 апреля 1986-го – два года день в день. Вернулся домой, в Мельниково, обнял родителей, брата, вновь увидел родную, столько раз снёвную в Афгане Обь. Летом поехал в Колпашево, восстановился в педагогическом училище... Здесь, на родине, было тихо, не гремели автоматные очереди, не рвались мины, и над Обью плыли точно такие же, как два года назад, белые облака... Временами казалось, что в жизни ничего не изменилось, и пройденная война – всего лишь кошмарный сон. Но это было иллюзией. Что бы ни делал, о чём бы ни думал Андрей – Афганистан был теперь с ним всегда. Как и с каждым ветераном-«афганцем».

Первое время нелегко было справляться с тем, что называют «афганский синдром»: жгли, не давали покоя воспоминания, непросто было вновь входить в мирную жизнь. Помогли поддержка родных и друзей, работа. Через год после демобилизации Андрей закончил училище и пришёл в родную школу преподавать физкультуру. По своей собственной инициативе, безвозмездно, без всякой административной поддержки организовал при школе и несколько лет вёл клуб «Юный десантник» – давал ребятишкам основы физической, строевой, стрелковой подготовки, вывозил на сборы, организовывал даже прыжки с парашютом. Случалось, из собственной скромной зарплаты выкраивал деньги, чтобы купить материал, сшить пацанам береты для сборов...

Этот же дух патриотизма, уважения к армейским традициям сумел привить и в семье.

– Мы знали друг друга с детства, учились в одной школе, оба туда же пришли работать, – рассказывает супруга Андрея Владимировича, Нина Николаевна. – Андрей Владимирович преподавал физкультуру, я – математику. Поженились в 1990-м, в январе 2015-го будет серебряная свадьба. И никогда за все эти годы мне не было жалко времени, которое муж отдавал мальчишкам, нашим общим воспитанникам. Они возвращают всё сполна – идут в армию, многие – в десантные войска, звонят, благодарят, помнят...

Андрей Разумов с женой Ниной

2 августа, День ВДВ, в нашей семье такой же святой праздник, как и 9 Мая. И дочери с раннего детства привыкли в этот день поздравлять отца, без всякого напоминания с нашей стороны.

Преподаватель физкультуры на селе – личность уважаемая, а, если он ещё и десантник-«афганец», то у местных пацанов имеет авторитет непререкаемый. За 27 лет работы в школе через руки Андрея Владимировича прошли сотни учеников, и весь свой опыт, весь авторитет «афганца» он употребил на то, чтобы сделать из них настоящих мужчин. Мужчин, для которых укрывательство от армии – позор, а слова «честь», «совесть» и «долг перед Родиной» – не пустой звук. Это то, что выше оценок в журнале, голов, очков и секунд.

Этот труд не пропал даром: почти все воспитанники Андрея Владимировича отслужили и продолжают служить, многие прошли свой «Афганистан» – Чечню. Звонят, благодарят, помнят... Всё возвращается «на круги своя». Хорошие солдаты России нужны во все времена.

Алексей Семёнович Родиков родился в 1960 году в деревне Парга Колпашевского района. В 1965 году вместе с родителями переехал в посёлок Белый Яр. В 1977 году окончил среднюю школу. В 1978 году начал трудовую деятельность путевым рабочим УЖД Белоярского ЛПК, затем трактористом. В этом же году призван на службу в ряды Советской Армии. Участвовал в боевых действиях в Афганистане.

После армии вернулся в ЛПК, где работал водителем лесовоза, начальником Ягоднинского сквозного комплекса, директором торгово-коммерческого предприятия «Кедр», затем главным инженером рекламно-коммерческого агентства «Афтекс» в Томске, а с 1995 года – директором лесозаготовительного торгового предприятия ООО «Негоциант» в Белом Яре, коммерческим директором ЗАО «Сибирская лесопромышленная компания», директором ООО ЛЗП «Сибирская лесопромышленная компания», заместителем директора ООО «Сибирь-Лес-Экспорт». В 2008–2012 – начальником лесозаготовительного комплекса ОАО «Верхнекетский ЛПК». С 2008 по 2014 – главный специалист ГО и ЧС Администрации Верхнекетского района, с 2014 года – заместитель главы Верхнекетского района. В 1986 году А.С. Родиков окончил Томский лесотехникум по специальности «техник-технолог», в 1989 – Красноярский технологический институт по специальности «лесоинженерное дело», в 2001 году прошёл стажировку при Министерстве торговли США по вопросам лесопользования и маркетингу.

Награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ «За мужество, героизм, проявленные при исполнении интернационального долга», медалями «Воину-интернационалисту», «70 лет Вооружённых Сил СССР», «От благодарного афганского народа». Избирался председателем Верхнекетской районной организации Российского союза ветеранов Афганистана.

Афган: память хранит всё

Службу в рядах Советской Армии перед отправкой в Афганистан он проходил на Алтае, в составе разведывательной роты, начальником Р-363 в должности старшего сержанта. А в декабре 1979 года оттуда добровольно, на основании подписанного заявления, отбыл поездом в направлении города Термез.

– Именно здесь прямо с железнодорожного состава нами, тринадцатью водителями-добровольцами одной части, были получены бронированные разведывательно-дозорные машины-2. На них своим ходом, предварительно получив полный боекомплект и укомплектовавшись пулемётчиками, мы ушли через реку Пяндж по понтонной переправе в Афганистан. Официальная дата в военном билете значится 30 января 1980 года. В нарушение всех приказов через солдат на переправе отправил я короткое письмо матери, чтобы больше не писали и пока не ждали писем от меня

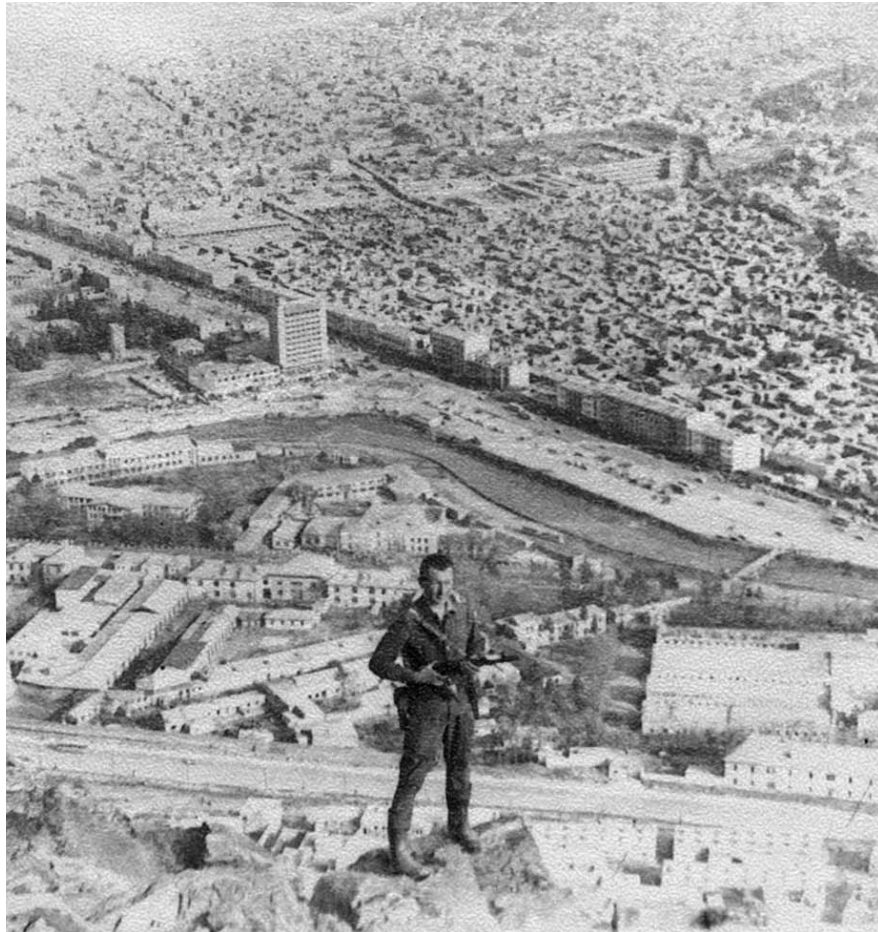
– в связи с переходом за границу, – вспоминает Алексей Семёнович.

По прибытии в Кабул Алексей Родиков проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в качестве водителя, прикомандированного к комендантской роте Витебской десантной дивизии (остальных водителей разбросало по другим местам). Место расположения – аэродром города Кабула.

У молодого солдата, конечно, впечатлений была просто уйма. Сразу же после переправы в горах попали под обстрелы «духов», отвечали им из всех орудий, в общем, кто как мог. Сложным оказалось для водителей и прохождение самого длинного тоннеля на перевале (порядка четырёх километров). По неопытности часть машин уходила в пропасть, а в самом тоннеле не хватало кислорода. Ещё более опасным был спуск многотонных боевых машин с гор.

Помнит он и радостные крики детей, постоянно окружавших боевые машины с просьбами к советским солдатам что-нибудь подарить, дать или обменять. Кстати, всё деревянное, вплоть до тары, ящиков из-под снарядов, имело огромную цену среди населения Афганистана, чуть ли не на вес золота..

Сохранилось и множество других впечатлений, и не только память о боевых действиях. Например, за время службы в Афганистане побывал Родиков во дворце Амина, в его ресторане под открытым небом – после взятия нашими войсками. Побывал в красивейших садах с огромным выбором фруктов (говорит, ели всё, что успело созреть до 19 ноября 1980 года). Наверное, не менее двух раз в неделю поднимался на своей боевой машине на самую высокую гору в районе Кабула, где было расположено местное радио, для доставки продуктов и другого

Над Кабулом. Алексей Родиков в районе местной радиостанции

Алексей Родиков – крайний слева. Рядом – пулемётчик Евгений Гадалин (погиб в ноябре 1980 года).
Март 1359 года по афганскому календарю

имущества. Там же впервые «вживую» услышал известного российского певца Иосифа Кобзона, который прибыл туда одним из первых артистов из Союза и давал концерт под открытым небом, прямо в расположении воздушно-десантной дивизии, с участием артистов цирка.

– Но остались и другие, более жёсткие воспоминания, – мысленно возвращается в Афган Алексей Семёнович. – Это выезды на боевые действия, сопровождение колонн. Выезд с

командующим ВДД генерал-майором Рябченко в сопровождении телохранителей в Кабул в момент восстания афганской танковой дивизии – под сплошными обстрелами. Постоянное круглосуточное патрулирование на БРДМ-2, бортовой № 625, с офицерами дивизии, начальником службы войск подполковником Тафтыном. Проверка несения службы боевыми постами в Кабуле, а как итог – поджог машины и смена резиновых, пока ещё не бронированных колёс

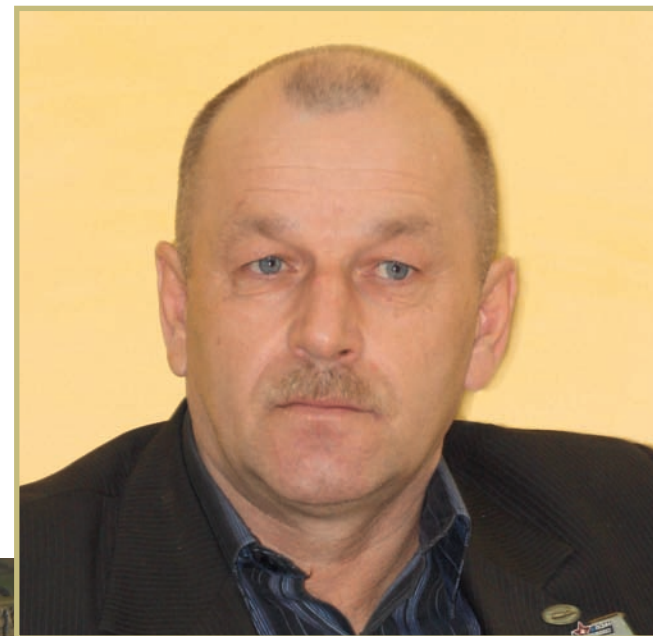
под обстрелом... И потери товарищей, слёзы и горе, «боевой» спирт во время военных действий и многое другое.

Но пришло время, и на самолёте «Ил-76» Алексей Родиков вместе с частью покинул Афганистан через Ашхабад. И наконец, опять же поездом, – домой, через Новосибирск, в родной Белый Яр.

– Но о нас вспомнили только в 1983 году, так, видно, было всё засекречено, – завершает он рассказ.

Алексей Антонович Саиспаев родился в 1966 году в посёлке Нельмач Парабельского района. После десятилетки Алексей пошёл на годичные курсы в Парабельское ПУ №5. Здесь он получил профессию водителя категории «С» и тракториста-машиниста широкого профиля. Весной 1985 года был призван в армию. После ускоренных курсов в Фергане попал в Афганистан, в 357-й Гвардейский парашютно-десантный полк. Служил в инженерно-сапёрной роте. Демобилизован весной 1987 года.

Награждён орденом Красной Звезды и нагрудным знаком «За разминирование».

Сапёр на войне – первый человек

Алексей Саиспаев вырос в рабочей семье. Папа, Антон Алексеевич, работал в местном леспромхозе трактористом, а мама, Антонина Петровна, там же – поваром. Нельмач – небольшой рабочий посёлок. Некогда здесь кипела бурная жизнь. Перестроечный период внёс коррективы в судьбы живущих в нём людей, и сейчас он представляет собой тихое уютное местечко где-то глубоко в тайге, богатое по-прежнему своими лесными дарами и людьми...

Алексей был третьим в семье, ещё два старших брата Николай и Геннадий и младшая сестрёнка Алёнушка. Лёшка, как и все дети, рос довольно любознательным пацанёнком, активным и подвижным. В школе учился хорошо, увлекался историей и географией, читал книги Жюль Верна и Вениамина Каверина. Времени хватало и на учёбу, и на друзей, и на увлечения. Тогда компьютеров не было и в помине, а по телевизору изредка Лёшка смотрел легендарную киноленту «А зори здесь тихие».

В Нельмаче Алексей закончил 8 классов, азы образования в 9-10 классе он постигал в недалёком селе Новосельцево, где в то время располагался большой интернат при школе. Из посёлков юноши и девушки ехали доучиваться сюда. Молодой энергичный парень понимал, что вся жизнь впереди, поэтому старался постичь все её прелести. Большое место в его жизни занимали занятия спортом. Тогда в каждом районе стояли хоккейные коробки, в небольших посёлках, как Нельмач, таковой не было, но у мальчишек «звенела в ушах лихая музыка атаки», и они расчищали хоккейную площадку прямо на речке и в морозные зимние деньки гоняли шайбу. В Новосельцево была добротная хоккейная коробка, со школьниками занимался тренер Геннадий Яковлевич Фёдоров, его Алексей вспоминает с особой теплотой. Он сумел вложить в парней максимум любви к здоровому образу жизни и к спорту, в частности, во всех его проявлениях – будь

то хоккей, лёгкая атлетика, волейбол или лыжные гонки...

Позади школа, впереди – армия...

Эх, беззаботное детство, беспечная юность... Приходит время, и они уносятся вдаль с быстротой света. После успешного окончания школы в 1984 году Алексей Саиспаев пошёл на годичные курсы в Парабельское ПУ №5. Здесь он получил профессию водителя категории «С» и тракториста-машиниста широкого профиля. Хороводился с девчонками, ведь молодость – пора любви и дружбы. Но доучиваться парню пришлось экстерном. В апреле его призвали в ряды Вооружённых Сил. О том, что Алексей не пойдёт служить в армию, разумеется, и речи не было – надо так надо. Да и парни в то время мечтали о службе в элитных войсках – ВДВ. Это было делом чести. Алексей с друзьями основательно готовился именно в эти войска. Во время учёбы в училище он

В учебной роте. Фергана, 1985 год

вместе с сокурсниками прошёл подготовку от военкомата в ДОСААФе Томска. К тому времени, как его призвали в армию, у Алексея за плечами уже было три прыжка с парашютом.

– Есть в народе мнение, что в первый раз страшно прыгать, – размышляет мой собеседник. – Ничего подобного. Перед первым, как, впрочем, и перед вторым прыжком вообще никаких ощущений нет, и уж тем более страха, а вот над последующими задумываешься. Третий, четвёртый и пятый прыжки

даются большим трудом и настроем. А потом привыкаешь. Первый прыжок с парашютом – это трёхсекундный полёт без купола в абсолютной тишине, потому что после самолёта кажется тихо, а потом, когда купол раскрывается, начинаешь слышать рёв – все просто орут. То ли от ощущений, то ли от того, что преодолели свой страх...

Не ищите лёгких путей...

20 апреля 1985 года Алексей Саиспаев выехал из Нельмача отдавать свой долг родине, в числе призывников он отправился в Томск. В областном центре призывников расположили в спортивном зале манометрового завода. Первым «покупателем» был лейтенант Шкулёв. Он назвал фамилии призывников с периферии. С мест поднялись три парня, среди них и Алексей Саиспаев, но только он оказался самым невысоким среди других. Лейтенант оценил физические данные парней и предложил Саиспаеву пойти в танкисты. Для Алексея это предложение стало шоком, он настраивался на службу в элитных войсках, а тут такое! Юношеский максимализм и упрямство взяли верх, призывник Саиспаев довёл лейтенанта в буквальном смысле до иступления. Тот швырнул молодому человеку личное дело в лицо и заявил, как отрезал: «Иди, унеси дело дежурному, пойдёшь в стройбат и никакого тебе ВДВ». Через некоторое время, успокоившись, стал отговаривать Алексея. Но парень стоял на своём: «Я собрался в ВДВ, значит, пойду в ВДВ». Последним аргументом был Афганистан. И Алексей, понаслышке имея представление, о чём говорит Шкулёв, без разговоров согласился. Так добровольцем призывник Саиспаев в числе сформированного взвода из томичей и отправился в учебную часть в восточный Узбекистан, в Фергану.

Прибыв на место, смыслённый молодой человек сразу оценил обстановку. Взвод стрелков-гранатомётчиков и взвод стрелков-телефонистов не привлекли Алексея. Он тогда подумал, что ему придётся носить тяжёлые гранатомёты и ракеты. Ему по душе

пришёлся взвод стрелков-автоматчиков. Сейчас, когда всё позади, Алексей с улыбкой вспоминает:

– Я хотел пойти по простому пути и выбрать наименьшее из зол, а получилось с точностью до наоборот. Бойцы в тех взводах занимались изучением оружия и ракет, а мы бегали каждый день, как сумасшедшие, по горам. Поэтому при встрече с молодёжью, с призывниками всегда советую, чтобы не искали лёгких путей.

В Фергане тогда стояла жуткая жара – в тени температура воздуха доходила до плюс сорока градусов. Кормили на армейской кухне плохо, в основном блюдами из капусты, слегка напоминающими щи. Парень сильно похудел после гражданки и маминых пирожков, даже подтягивание на перекладине ему давалось с трудом. Жили служивые в расположении части, в трёхэтажных корпусах. Дедовщины не было, «гоняли» молодёжь только сержанты, которые и сами находились здесь на срочной службе. Безусловно, цель подготовки была одна – Афганистан. Туда молодых, горячих парней готовили со всей серьёзностью. Физическая и огневая подготовка, изучение афганских обычаев и традиций. Хотя с виду это и была обыкновенная учебная рота, но все знали: впереди ребят ждёт серьёзная война, и право на ошибку в ней исключено.

Тем временем в Афганистане большие потери понесла 103-я витебская дивизия, и вместо положенных шести месяцев прохождения службы в учебной роте Алексей в числе многих через три месяца на самолёте отправился в Кабул.

Саиспаев попал в 357-й Гвардейский парашютно-десантный полк. Не успел ещё как следует освоиться на новом месте, а его уже забрали в сапёрную роту.

– Сидим в клубе в полку, – вспоминает Алексей Антонович, – по направлению к нам нагловатой такой походкой идёт капитан Васев. Усатый такой, важный, сигарета с фильтром в зубах. Я заулыбался от его вида. Он сразу спросил меня – мол, откуда. Я отвечаю – из Сибири. Он говорит – ко мне пойдёшь? Я сразу согласился. Так и попал в инженерно-сапёр-

ную роту. А мы же воспитывались на старых военных фильмах, я, конечно, видел там сапёров. Профессия, по моим размышлениям, была совсем не романтической. Я-то рвался воевать, стрелять, «духов гасить», а тут – сапёр... А на деле оказалось, что сапёр на войне – первый человек. Без него даже разведка в горы не ходит. Конечно, изначально мне больше хотелось в разведку, но туда набирали парней поздоровее да поплотней.

Сибиряки не сдаются!

У начинающих сапёров всегда были свои наставники, те, кто не единожды бывал в боях, у кого есть достаточный опыт для того, чтобы передать его молодым бойцам. Был таковой и у Алексея Антоновича – ефрейтор Ринат Мухамадиев, который следил за тем, чтобы горячность молодого человека не довела его до непредсказуемых последствий.

Первым боевым крещением для Саиспаева стал подъём в гору близ долины Дисхабс. Он вместе со своими сослуживцами во главе с Ринатом Мухамадиевым двигался в сопровождении колонны и осматривал местность. Поднимались долго, в течение светового дня. Нескончаемая жара, усталость, боекомплект, который с каждым пятьюдесятью метрами становился всё тяжелее и тяжелее, дали о себе знать. Каждый шаг был испытанием на прочность. Был момент, когда молодой человек, чуть ли не падая от изнеможения, хотел бросить всё и взвыть. А потом огляделся вокруг – один солдат упал и в буквальном смысле заплакал: «Всё, хоть расстреляйте, не могу больше». В этот миг Алексей вспомнил, что он сибиряк, а сибиряки, как известно, люди сильные духом и характером. И, что бы ни случилось, они всегда идут до конца. Собрав волю в кулак, молодой человек двинулся дальше, не проронив ни слова.

– Когда поднялись на хребет, – продолжает вспоминать мой собеседник, – Ринат подал мне кусочек сахара-рафинада, сказал смочить его водой и положить на язык, только после этого сделать ещё глоток воды. И действительно, усталость сразу отлегла, и

появились силы. Потом мы часто водили разведроту в горы, и этот приём нам хорошо помогал. На самом деле нас так и проверяли. Кто не выдерживал поход в горы, тот в парке полы подметал. А кто добирался, те воевали...

По воспоминаниям Алексея, первый сапёрский опыт для него стал поучительным. Однажды на бронетранспортёре, передвигаясь в бригаде сопровождения, бойцам-сапёрам необходимо было внимательно следить за дорогой. Алексея укачало, и он машинально закрыл глаза и задремал. В какое-то мгновение ему почудилось, что раздался взрыв. Он встрепенулся, но, оглядевшись по сторонам, понял, что взрыва не было. Оказалось, что его наставник в поучительных целях отстегнул у спящего Алексея спаренные магазины по 45 патронов в каждом, а потом от души как дал ему в лоб. И его действия были оправданны. Сапёрам нельзя спать, они должны следить за ситуацией и всегда быть в твёрдой памяти. С тех пор у парня тяга ко сну во время походов резко пропала, да и позже он, будучи наставником, таким же образом караулил молодых бойцов.

А была ли война?

Насколько было опасно в Афганистане в те годы, Алексей Антонович может ответить только сейчас, спустя много лет. Тогда он ни об опасности, ни о том, что несла эта война, не думал, а думал лишь об одном – свою родину, свою Отчизну он обязан защитить при любых обстоятельствах, как бы тяжело и больно ни было.

А ответственность с каждым походом сапёры несли высокую. При сопровождении разведроты они шли и смотрели под ноги. Вдруг где-то растяжка или тропинка взрыхлённая – значит, мины. Были у них миноискатели, но весило оборудование минимум по 16 кг, поэтому его редко брали с собой, ведь помимо этого надо было нести рюкзак десантника, в котором еды минимум на 5 суток, да боеприпасы, гранаты, лопата. Случалось, мины взрывались, так как были радиоуправляемыми. В то время афганцам

оружие поставляли из Америки. И оснащены они были по последнему слову техники. У Алексея о той злополучной войне на память остались две контузии и серьёзное ранение в руку. С сослуживцем Василием Борисовым из Ижевска в один из дней пришлось снять более десятка растяжек. На свой страх и риск они самостоятельно зажимали гранаты, тихонько снимали проволоку и бросали снаряды в пропасть, где они и взрывались.

На вопрос, помнит ли, как увидел первого в своей жизни душмана, Саиспаев затрудняется ответить. Вспоминает случай в районе Пули-Хумри, когда при окружении одного из кишлаков в полуразрушенной стене увидел тени, доложил взводному, пришлось отбиваться. Вот именно тогда Алексей положил несколько «духов». Какое чувство испытывает солдат, когда приходится убивать врага? Утверждает, что нет чувства. В данной ситуации выход один – или тебя, или ты. Выбираешь из двух зол меньшее. Война пощады не знает. Безусловно, страшно, но отсиживаться в полку Алексей Саиспаев не хотел, хотя, когда родители узнали, что он проходит службу в горячей точке, написали ему, чтобы берёг себя и на рожон не лез. И это было нормальное желание всех родственников солдат, отдававших в то время свой интернациональный долг. Алексей в своих письмах успокаивал родителей, писал, что всё в порядке, о контузиях и ранении – ни слова.

Кстати, обстоятельство, при котором Алексей Антонович получил ранение, могло стоить ему жизни. Сразу вспоминается известная поговорка «В рубашке родился». Но обо всём по порядку...

В один из душных дней войны рота разведчиков, которую сопровождал Алексей Саиспаев, обнаружила схрон (замаскированный склад оружия). Тогда Алексей Антонович был сам наставником, и с ним рядом находился молодой боец. Вызвали вертолёт, чтобы загрузить оружие. Однако гружёная техника не успела набрать высоту, как в неё попал прямой реактивный снаряд. Оглушительный взрыв разорвал тишину хребта. Саиспаев, убегая от взорвавшегося вертолёта, почувствовал сначала удар по голове, потом что-

Физическая подготовка необходима

то металлическое обожгло плечо. Алексей осел на землю. Подняв голову, он увидел, как в его сторону летит кусок лопасти. И не успел солдат сообразить, что происходит, как эта самая лопасть воткнулась в землю всего в нескольких дюймах от ног. Зажав окровавленное плечо, Алексей, ещё находясь в шоковом состоянии, рванул искать своего подопечного бойца. Парнишка перепугался, но находился в полном порядке. И тогда Саиспаев отключился. Это случилось 31 июля 1986 года, через три дня он очнулся в госпитале:

– Знаете, как показывают в кино, – солдат очнулся и, как правило, спрашивает, всё ли цело, ноги, руки на месте? – делится со мной Алексей Антонович. – Ничего подобного со мной лично не произошло. Я глаза открываю – передо мной стоит красивая девушка. Первое, чем я поинтересовался, так это её именем, а потом ещё на двое суток отключился... Кстати, та девушка оказалась моей землячкой, родом из Асино. Спасибо ей, она мне помогала все дни в госпитале.

Рота сапёров (Алексей Саиспаев вверху первый слева). Долина Дисхабс, 1985 год

В госпитале Алексей провёл около 20 дней. Но война есть война, где бы она ни проходила, там каждый боец на счету. Через некоторое время за Алексеем в госпиталь приехал командир роты, поинтересовался, нормально ли себя чувствует молодой человек, может ли воевать дальше. Алексей хотел было отпроситься у начальника госпиталя, но тот ни в какую не отпускал раненого. Боец, как был, в пижаме сел в машину с ротным и отправился в полк.

Много ли боёв пришлось пережить молодому солдату, Алексей не помнит. Наверное, много, потому историй о службе у него на памяти хоть отбавляй. Он не хвастает тем, что он прошёл службу, он гордится этим. Вместе с сослуживцами он построил памятник крепости Бала-Хиссар в полку. Сейчас, возможно, его уже нет, так как крепость впоследствии отдали афганским детям под детский дом, но памятник отлично сохранился на фотографиях в армейском альбоме Алексея Антоновича.

Время шло, долгожданный дембель настал 4 мая 1987 года, позади остался 21 месяц службы в Афганистане.

– За время своей службы я, к сожалению, не встретился с односельчанами, – сетует Алексей Саиспаев. – Но если бы я знал, что Олег Геннадьевич Фёдоров (к сожалению, сейчас его нет в живых) придет 9 мая, я бы, наверное, ещё остался. Наш самолёт отправился в Союз 5 мая. Так мы разминулись. Но хочу отметить, что у нас в Парабельском районе из 357-го полка четыре человека. Это уникальное в своём роде событие. В Томске точно нет такого, чтобы из одного района четыре человека попали в один полк. У нас пусть в разное время, но служили в одном полку – я, Олег Фёдоров, Александр Нестеров, Сергей Сенчилов. Олег ушёл из жизни по болезни, но мы все дружили, дружим и навсегда останемся близкими друзьями.

Гвардии старший сержант воздушно-десантных войск Алексей Саиспаев во время службы получил нагрудный знак «За разминирование» и орден Красной Звезды. Эти награды вручаются за несколько героических поступков, на его счету их более чем достаточно.

Это счастье – путь домой...

9 мая 1987 года Алексей вместе с сослуживцами прибыл в Томск. Оставив у друга вещи, они отправились на митинг – почтить память погибших в годы Великой Отечественной войны. А на следующий день Алексей Саиспаев поехал на родину.

Алексей Саиспаев – инструктор парашютно-пожарной команды

– Прибыл в Парабель, меня встретил двоюродный брат, – с улыбкой вспоминает Алексей Антонович. – Здесь как раз начался охотничий сезон. Мы сразу пошли с братом к сестре в училище. Я иду – по форме, красавец, – и слышались выстрелы: охотники вдалеке стреляли. Брат оглянулся – а меня нет, я по привычке в трубе у дороги схоронился. Потом пришлось форму чистить.

Самая главная встреча Алексея ждала впереди. Со слезами на глазах сына встречали родители в отчем доме в посёлке Нельмач. Позади страшная война. Сынок выстоял, стал крепче и мужественнее. Отец с гордостью смотрел на своего некогда безрассудного, а теперь заметно повзрослевшего Алёшку. Сколько бессонных ночей они с матерью провели в ожидании вестей из Афганистана, известно только им, но в этот момент он смотрел на сына и тихо радовался, что он вернулся живым и невредимым с этой войны.

2 августа Алексей поехал отмечать день ВДВ в Парабель, встретил знакомого, который предложил работу парашютистом в авиалесоохране. От любимого дела – летать с парашютом – парень отказаться не смог, и через месяц он пришёл сюда работать. Сначала тушил пожары в составе пожарно-парашютной группы, затем стал инструктором парашютно-пожарной команды. За его плечами около 900 прыжков. Алексей Антонович участвовал в тушении лесных пожаров практически по всей России – Чита, Архангельск, Уфа, Якутия и другие регионы. В 2000-х годах, когда авиации не стало, лесоохрана стала разваливаться. И седьмой год Алексей Саиспаев трудится в охране РНУ «Парабель».

Семья есть жизнь, и в этом суть

В конце 1987 года Алексей поехал учиться в Западно-сибирскую базу авиационной охраны лесов в

Новосибирск. Как-то вечером с другом зашли в гости к знакомой девушке, где Алексей и встретил свою судьбу – Татьяну. Она отличалась от других девчонок особенной природной красотой и незаурядностью ума. Русоволосая Таня запала в душу молодому человеку. Уже через полгода счастливая пара подала заявление в загс.

Свадьбу сыграли в Новосибирске, и после учёбы Алексея Татьяна, естественно, поехала за ним в далёкую Парабель. Жилья у молодых не было, пришлось обосноваться прямо в лесоохране. Через некоторое время Алексею дали квартиру, и тогда супруги задумались о детях. Первой на свет появилась красавица доченька Алёнушка, а потом и сын Тимофей. Дети выросли в любви, согласии и понимании, окружённые заботой и вниманием родителей.

Алексей и Татьяна вместе счастливы 26 лет. Много пришлось пережить сообща. После армии Алексею долго снилась война. Года три он ночами просыпался в холодном поту, а порой и супруга будила, когда он метался в кошмарном сне. Любящая женщина поддерживала своего мужа, как могла, и постепенно возвращала к реальной жизни. Был момент, когда началась война в Чеченской республике, Алексей Антонович, насмотревшись по телевизору страшных новостей, отправился прямиком в военкомат, где открыто заявил военному о своём желании пойти по контракту в горячую точку. Болея душа у афганца за молодых бойцов-срочников, которым по долгу службы пришлось неожиданно, неподготовленными пойти воевать. Военком выслушал доводы мужчины, потихоньку отлучился и позвонил его супруге. Как мудрая женщина, Татьяна всё поняла, но не приняла. Она попросила военкома пропустить с Алексеем рюмочку-другую и привезти его домой в любом состоянии. Так она отвела его от новой войны.

– Я хорошо помню, как на моих глазах погибали солдаты, – с горечью в голосе говорит Алексей Антонович. – В такие минуты я представлял себя на

Возложение венков к памятнику воинам-землякам. Село Парабель, 2 августа 1988 года

месте того человека, и первая мысль приходила – как же там родители? Очень хотелось оградить всех матерей и отцов от горя. Банально, может быть, но это так... Конечно, оставалась горечь в душе от того, что смерть была неизбежной. Но мужчины не плачут, у нас это было впитано с молоком матери. Тогда не было слёз. С возрастом все, видимо, становятся сентиментальными. Теперь вспоминаем с друзьями отдельные случаи, слёзы нет-нет да наворачиваются...

Алексей Антонович Саиспаев с 2010 года возглавляет районный Совет ветеранов Афганистана. Он заменил на посту своего сослуживца, хорошего друга и соратника Олега Геннадьевича Фёдорова, который, как уже говорилось выше, ушёл из жизни в 2010-м году из-за тяжёлой болезни.

Традиционно 15 февраля все участники районного Совета, а также все, кто помнит и чтит подвиги тех, кто прошёл Афганскую войну, возлагают цветы

к подножию памятника воинам-землякам, погибшим в дни Великой Отечественной войны и памятника воинам-интернационалистам, участникам локальных войн.

Ежегодно в образовательных учреждениях района, в музее боевой и трудовой славы им. И.М. Деменина, в районном клубе «Ветеран» Алексей Антонович организует встречи с подрастающим поколением, с будущими призывниками, где вместе со своими сослуживцами рассказывает о войне в Афганистане, наставляет ребят на предстоящую службу в рядах Вооружённых Сил.

На вопрос, во имя чего воевали, Алексей Антонович отвечает просто: «Мы защищали южные рубежи нашей родины». И этим сказано всё. Многие так и не вернулись с поля боя, оставив о себе лишь воспоминания. А у тех, кто вернулся, эта война навсегда останется в сердце чёрной меткой...

Александр Васильевич Сорока – член президиума Томской региональной организации ООО «Российский союз ветеранов Афганистана», председатель Октябрьского отделения ТРО РСВА. Родился в 1962 году в Томске. Осенью 1980 года был призван на службу в ряды Советской Армии, которую проходил в Афганистане в составе ВДВ – высокомобильного рода войск быстрого реагирования для охвата противника по воздуху и диверсионных действий в тылу врага.

Крылатая пехота

Ни о чём героическом Саша в детстве не мечтал. Рос обычным пацаном с прочерченной на годы вперёд траекторией: детский сад, школа, получение профессионального образования, работа. Особого беспокойства родителям и педагогам не причинял, хотя был не пай-мальчиком, а довольно шустрым подростком. Стараясь направить свою кипучую энергию в мирное русло, активно занимался различными видами спорта: лёгкой атлетикой, альпинизмом и т.д. Потом это ему здорово помогло. Чувство локтя, хорошая физическая форма, выносливость, умение действовать в команде, беспрекословно подчиняться приказам очень пригодились в армейской жизни. Да и на «гражданке» такие качества всегда в цене.

В 1977-м, после окончания восьми классов, поступил в ГПТУ-33 на монтажника железобетонных конструкций. Специальность, пусть и спонтанно, выбрал мужскую, обстоятельную, с прицелом на будущее. В Томске в ту пору интенсивно развивалось строитель-

ство, что обещало неплохие перспективы в решении квартирного вопроса. Приобщиться к профессии Александру довелось лишь на производственной практике. К моменту его выпуска из училища подоспел срок исполнить гражданский долг. О том, чтобы уклониться от призыва, он и не помышлял, несмотря на существующую потенциальную опасность.

– События в Афганистане уже происходили, но, честно говоря, я об этом услышал только в армии, – вспоминает Александр Васильевич. – Попал в воздушно-десантные войска, куда напросился сам по примеру своего старшего товарища. Это было престижно, о чём-то ином и не помышлял.

Осуществлению мечты поспособствовала спортивная закалка, благодаря чему крепкого паренька взяли в ВДВ. Сначала направили в Литву, где находилась единственная на весь Советский Союз учебная часть для этих войск. Первые полгода прошли в постоянных занятиях. С нешуточной нагрузкой новобранец-сибиряк вполне

справлялся, не напрягал его и казарменный быт. Всё это было отмечено руководством. Из «учебки» Саша Сорока вышел младшим сержантом, командиром отделения.

– Наверное, больше половины наших ребят, в том числе и я, стремились в Афганистан, хотя уже слышали, что там можно погибнуть, – рассказывает он. – Как раз туда заходила Ферганская дивизия, куда взяли моего друга из Томска, служившего в соседнем полку. А из нашей учебной роты отправили всего человек шестнадцать, и мне такой шанс не выпал. Но Афган я не обошёл. В результате оказался в Витебской дивизии. Две первые недели – на перевалочной базе в Боровухе, откуда солдат распределяли по точкам. Мы до последнего момента не знали, что нам «светит». Догадались, когда нас на самолёте привезли в Кабул. Прилетели туда 19 мая 1981 года. Первое впечатление – очень жарко! И вообще всё в диковинку. Разительно отличались и люди, и пейзаж, даже воздух совсем другой. Впрочем, обвыкаться было

Дома. Старший сержант Александр Сорока. Осень 1982 года

некогда. Вернее, это шло параллельно с армейским распорядком, не занимало много времени.

Александр получил назначение во второй батальон 350-го Гвардейского воздушно-десантного полка, базирующийся в афганской столице. Большой войны там ещё не было. По крайней мере, за первые шесть месяцев, что наш земляк находился в Кабуле, в прямых военных столкновениях он не участвовал, хотя их отделение, охранявшее аэропорт, периодически поднимали по тревоге.

Сперва и офицеры, и солдаты жили в палатках, потом построили модульные здания. Докучал местный климат. Днём – палящий зной, нестерпимый

в самой лёгкой экипировке, а как только скроется солнце, наступал холод, от которого не спасал и бушлат. После обеда обычно задувал сухой пыльный ветер «афганец», вздымавший в воздух противный мелкий песок. Короче, приятно было мало...

В начале ноября Сашу перевели в третий батальон этого полка, где он оказался самым молодым. Все остальные уже отслужили как минимум по году. Ни о какой возрастной иерархии и речи не возникало. Оперативно прикомандированное к прославленной Пятой Гвардейской мотострелковой дивизии генерал-лейтенанта Бориса Всеволодовича Громова подразделение почти не выходило из боёв, участвуя в особо сложных операциях для моральной поддержки пехотинцев. «Вернуться из нашего батальона домой живым считалось гордостью, а попасть туда – суровым испытанием, не будем кривить душой», – признаётся Александр Васильевич.

Через несколько дней, аккуратно на ноябрьские праздники, принял боевое крещение и он. В горном массиве близ Шинданта батальон блокировал ущелье. Как таковая стрельба не велась, но находиться у машин в горах ночью без всякого прикрытия было жутковато. Александр не спасовал, повёл себя очень достойно, получив одобрение бывалых сослуживцев.

– Тогда я понял, что на посту спать ни в коем случае нельзя, даже если вокруг спокойно. Вообще главное на войне – бдительность. Душманы обычно действовали исподтишка. Нас они боялись. Сразу отступали и не связывались, если десантура пошла вперёд. Надо сказать, ВДВ вообще больше позволялось, чем другим войскам. Но мы не «борзели» и оголтелой смелостью не бравировали. Не скрою, тогда присутствовал некий элемент анархии. Однако дисциплина была жёсткая, держалась на авторитете командного состава и старослужащих. Да и внутренние тормоза сдерживали, – анализирует тот период А. Сорока. – Спустя полтора месяца попал в разведдозор. И понеслось...

Боевые операции, вылазки в горы он уже не считал. В основном работать приходилось в засаде, фактически вахтовым методом: патрулирование, затем недельный отдых, и – новый круг. Небольшой группой выходили в

разведку на пять дней. Иногда снимались раньше, если чувствовали, что враг заметил. Занимались поиском контрабанды в провинции Фарах, на ирано-пакистанской границе. Запрещённый товар шёл потоком. В Афганистане ведь почти ничего не производили. Всё, от оружия до посуды, завозилось нелегальным путём. Причём было непонятно, мирный караван идёт или нет. Скрытую угрозу таил буквально каждый обоз. Перешеек, куда они заходили с сопредельных государств, пролегал по солончакам, твёрдым, как асфальт, в сухую погоду и превращавшимся после дождей в вязкую топь.

В Фарахе опять стояли палаточным лагерем. Условия походные – холодная вода в дефиците, не говоря о горячей. Одежду стирали себе сами в горных речушках. Благо, в достатке было трофейного импортного запашистого мыла – яблочного, апельсинового, – аромат которого помнится и сегодня. Мазутные пятна застирывали бензином. В общем, приспособлялись, как могли, исповедуя принцип «грязный солдат – не солдат».

– Голодать тоже не доводилось. За этим следило командование. Мне вообще повезло с руководством. Командир нашего взвода, однофамилец легендарного комдива Громов Александр Петрович, мой кумир, ненамного старше нас, но очень мудрый и ответственный. Ну а все мы по сути были ещё мальчишками. Ему – двадцать три года, мне – девятнадцать. Сейчас поддерживаю связь с ним и с другими однополчанами, – продолжает рассказ Александр Васильевич.

Из призыва А. Сороки в этом взводе в Афганистане погиб только один человек. Когда его, уже мёртвого, выносили с поля боя, попали в такой переплёт!

Самого Александра Бог миловал, что даёт ему основание называть себя везунчиком. Правда, была контузия, которую он в расчёт не берёт. Даже в госпиталь не поехал, отлежался в лагере. Теперь думает, что, может, и зря. Но тогда из-за юношеского максимализма всё казалось нипочём.

Случилось это 21 марта, на афганский Новый год. Две находившиеся в засаде группы душманы обложили со всех сторон. Саша и ещё несколько ребят патрулировали зону в свободном поиске на машине. Про-

тивник так и не пропустил их на подмогу к товарищам, заставил вернуться, изрядно потрепав.

– Та война носила партизанский характер. У «духов» были свои преимущества. Во-первых, они – отличные снайперы, обладающие навыками стрельбы в горной местности, где надо действовать совсем иначе, чем, скажем, на равнине. Во-вторых, бегают по горам гораздо лучше нас, имеют удивительную способность словно просачиваться куда-то. В лесных массивах я не воевал. Там, наверное, всё ещё непредсказуемей: враг может скрываться за любым кустом. А в горах к концу службы научился неплохо ориентироваться. В то время в Афгане ещё не было наёмников. За исключением полевых командиров, в основном воевали бывшие крестьяне. Жгучей ненависти мы к ним не испытывали. Но понимали расклад: или ты убьёшь, или – тебя. Третьего здесь не дано, – вот такая грубая правда жизни. Сначала, конечно, страшно, потом привыкаешь, и уже скучно сидеть в батальоне. А в бою бояться некогда. Война – это ведь тяжёлая мужская работа, которую ты должен сделать. Да и когда твоих друзей побили, начинается цепная реакция. Как сказано в Библии: «Око за око, зуб за зуб», – без ложного пафоса раскрывает суть глобальных вещей ветеран. – Большой политики мы не касались. Не думали сиюминутно, что защищаем Отчизну, выполняем интернациональный долг. Конечно, осознавали: нам надо держать эту территорию. Если бы в своё время не опередили американцев на несколько часов, всё могло сложиться гораздо хуже.

Из бытовых картинок особенно удивляла самостоятельность афганских детей. Малыши детсадовского возраста босиком носились по грязи, имея при себе пачку «афгани» (местных денег). Покупали, продавали, бойко лопотали по-русски. Малолетние торговцы предлагали полный ассортимент: джинсы, жевательную резинку – что угодно, вплоть до сигарет, спиртного и наркотиков, требуя взамен солярку, керосин, бензин. И попробуй их обмани! Считали в уме, как на калькуляторе.

Любопытным показалось и то, что в этой беднейшей стране встречались предметы, которых у нас ещё

в помине не было, – панельные телевизоры и прочая навороченная бытовая техника. Такое ощущение, что ты попал в какой-то параллельный мир, с фантастической реальностью и непривычной шкалой ценностей.

А. Сорока считал дни до окончания службы, испытывая смешанные чувства. Как и другие «дембеля», беспокоившиеся, что уходят, оставляя необстрелянную молодёжь. Намечалась серьёзная заваруха, а разведку вести практически некому. Будь тогда сверхсрочка – наверняка подал бы рапорт. И кто знает, как распорядилась бы судьба?!

После демобилизации осенью 1982 года вернулся в родной город, устроился в автопарк слесарем. Потом выучился на шофёра, сел на маршрутный автобус. В 1984-м женился. В 1986-м у молодых супругов родился сын, и вскоре Александр перешёл водителем «Уаза» в Сельхозтехнику, где ему обещали квартиру.

Уже на «гражданке», в 1983 году, ему вручили медаль «За боевые заслуги». Редкий вообще-то случай. Награды тогда давали «за кровь», а он получил её без единого ранения. Сработал закон справедливости. В Афганистане Александр Васильевич никогда не прятался за чужие спины, был находчив, отважен и смел, неоднократно проявлял незаурядную ловкость и смекалку.

Таким же решительным и энергичным показал себя и в мирной жизни. Как только в стране развернулось «афганское» движение, сразу встал в авангарде, делая упор на патриотическое воспитание юной смены. В 1987-м на базе «Республики бодрых» участвовал в летних сборах подростков, вывозил мальчишек и девчонок на тренировки в аэропорт Головино. Осенью того же года в составе томской делегации ездил в Ашхабад на первый Всесоюзный слёт молодых воинов запаса, проходивший под эгидой центральных комитетов партии и комсомола.

Дело быстро набирало обороты по всему Советскому Союзу. В Томской области в короткие сроки военно-патриотические клубы появились в большинстве райцентров. В 1988-м на второй слёт в Новороссийск полетели представители двенадцати районов.

Сержант Александр Сорока. Фарах, 1982 год

Там значительно опередившие в данном отношении остальные регионы томичи охотно делились опытом.

Работа приобретала значительный размах, который, очевидно, немного пугал власть. И уже в 1989 году наступил период распада. С тех пор в нашей области сохранился только клуб «Баграм» в г. Асино, действующий два с лишним десятилетия благодаря инициативе и упорству руководителя, Олега Владимировича Декина.

В 1986 году Александра Сороку пригласили на общественных началах возглавить объединение воинов-интернационалистов Октябрьского района Томска, просуществовавшее совсем недолго. Когда

После боевых. 100 дней до приказа. 1982 год

в девяностые годы на смену привычному экономическому укладу пришли рыночные отношения, казавшееся монолитным масштабное движение поделилось на патриотов и коммерсантов, поставивших во главу угла финансовую выгоду.

Затем всё постепенно стало возвращаться на круги своя. Вернулся на пост председателя Октябрьского районного отделения ТРО ООО «РСВА» и Александр Васильевич. Сейчас возглавляемая им организация – крупнейшая в Томске, в её рядах около 470 участников локальных военных конфликтов. Все эти люди обоженные войной и уже далеко не юноши: самому молодому афганцу сорок четыре года. Каждый со своим харак-

тером, проблемами, насущными нуждами. Так что должность у А.В. Сороки очень беспокойная.

Но он не унывает и рук не опускает. Подходит к решению вопросов с присущим ему оптимизмом и напористостью, активно привлекает спонсоров, не стесняется стучаться в «высокие» кабинеты, отстаивая законные интересы бывших воинов. Особенно часто приходится хлопотать по поводу предоставления льгот, что нередко является жизненной необходимостью.

В своей деятельности Александр Васильевич опирается на костяк из десяти-пятнадцати активистов. На них, в общем-то, всё и держится. В основном это десантура, которая воспринимает слово «надо» как приказ,

по первому зову идёт на встречи в школы и училища, продолжая заложенные традиции.

А ещё более десяти лет Александр Васильевич возглавляет колонну на проводимом ежегодно 2 августа параде, посвящённом Дню ВДВ. Крылатые пехотинцы идут строем от Новособорной площади до Лагерного сада, преодолевая дистанцию за шестнадцать-семнадцать минут. Собираются не менее ста пятидесяти десантников разных возрастов. Далекое не все в соответствующем армейском обмундировании, но в тельняшках – обязательно. Тон и тут задают «старики»: держат ногу, чётко печатают шаг. У молодёжи такой бравой выправки, к сожалению, нет.

Александр по-прежнему занимается с ребятами, в небольшом спортзале тренирует дворовые команды микрорайона «Томск Северный». За массовостью не гонится, никого не принуждает, справедливо полагая, что из-под палки не выйдет ничего путного. Некоторые из его воспитанников уже отслужили в армии, завели семьи, состоялись в профессии, но не гнушаются спросить у своего тренера правильного совета.

Война Александру Васильевичу снится лишь изредка. Когда во сне стреляет в людей, испытывает неизменный ужас. Несмотря на прошедшие годы, это до сих пор сидит в душе болезненной занозой...

– Ничего сверхъестественного я не совершил. Среди томских «афганцев» есть настоящие легенды. К примеру, Александр Анатольевич Никифоров – сапёр, чувявший мины нюхом. Этот пользующийся непререкаемым авторитетом человек, которого мы шуточно называем посажёным генералом, единственный в области удостоен за афганскую войну полного комплекта наград, – ордена Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги». А я, как и многие, просто старался честно выполнять что должно, – резюмирует А. Сорока. – Рад, что и сегодня наша старая гвардия не сдаётся, что существует афганское братство. Хотя можем долго не общаться, занимаясь каждый своим делом. Но когда встречаемся, – всегда бываем на одной волне, понимая друг друга с полуслова. То, что мы вместе прошли, не забывается.

Сергей Владимирович Томшин родился в 1967 году в Томске. Детство провёл в деревне: родители – педагоги, организовывали школы и учительствовали в Асиновском, Первомайском, Зырянском и Тегульдетском районах области. По окончании восьмилетки и Зырянского сельского профессионально-технического училища в 1985 году был призван в армию. Проходил службу в составе 897-й отдельной разведроты ВДВ при РУ 40-й армии в Афганистане. Демобилизовавшись, в 1987-м вернулся в Томск, поступил на работу наладчиком технологического оборудования в отдел разработки полупроводниковых приборов НИИПП. Заочно окончил Томский приборостроительный техникум, Томский государственный университет (экономический факультет), был аттестован на инженера-электронщика. Занимал должности ведущего инженера, инженера-конструктора, ведущего инженера-конструктора. В начале двухтысячных перешёл в ЗАО «НПФ «Микран», работал главным технологом, инженером по оборудованию. В настоящее время является главным специалистом предприятия.

С 2006 года и по сей день Сергей Томшин – председатель правления Кировского районного отделения ТРО РСВА. Награждён медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За отличие в воинской службе» II степени, орденом РСВА «За заслуги», другими наградами.

Женат, имеет двоих сыновей.

Горы, которые всегда с тобой

На срочную службу Сергея Томшина призвали в 1985-м, сразу по окончании Зырянского СПТУ №6. Летом он успел пройти производственную практику и защитить диплом, а в октябре получил повестку из райвоенкомата. Предварительно с учётом хороших физических и психологических данных и безупречной биографии парень был приписан к «команде мечты» всех новобранцев – Кремлёвскому полку, но нелепая случайность, управляющая человеческой жизнью, всё поменяла круто и жёстко. Из-за мелкого административного нарушения в последний момент Сергея вычеркнули из заветного списка и определили в другую команду – с кодовым обозначением «20А». Что означала роковая буква «А», в то время знал каждый новобранец...

«Распишись, наглец!»

В спешке, по недосмотру или по какой-то иной причине, но пакет с личными призывными докумен-

тами зырянский военком выдал Сергею незапечатанным. И, единственного из всего района, отправил на сборный пункт в Томск самостоятельно, своим ходом.

– Поэтому я мог спокойно ознакомиться и со своим личным делом, и с предписанием, – с улыбкой рассказывает Сергей Владимирович. – Прочитал то, что и так уже знал. К Афганистану был готов, никому никаких вопросов не задавал. В Томске в указанный срок прибыл по указанному адресу – спортзал электролампового завода, где в течение пяти дней собралась команда новобранцев из разных районов области. Поездом всех отправили в Туркестанский военный округ для дальнейшего распределения по разным частям. Меня приписали к разведбатальону с последующим обучением в учебных центрах – спецсвязи, минно-взрывному делу, парашютно-десантной подготовке –уже в Чирчикском 467-м учебном полку специального назначения. Полк был сформирован на базе 15-й бригады СпН, которая в 1985 году в полном составе ушла в ДРА.

Они ехали по родной стране, смотрели из окна вагона на города и посёлки, на благополучную мирную жизнь, где на вечерних танцплощадках играла музыка, толпилась молодёжь, гуляли влюблённые парочки... Смотрели, как красивое кино, – для них эта жизнь закончилась. В районе Самарканда сопровождавший команду офицер объявил уже официально, что они едут в учебный центр под Ашхабад, а затем будут отправлены в ОКСВА (Ограниченный контингент советских войск в Афганистане). Но, несмотря ни на что, со всей беззаботностью молодости они верили: два года пролетят быстро, и они снова вернутся в эту счастливую мирную жизнь, к родным и близким.

– Мы не знали, не желали знать, что для многих эта дорога окажется дорогой в один конец, а остальные вернутся на родину уже совсем другими, неузнаваемо изменившимися людьми, – вспоминает Сергей Томшин. – И что главным, что нам доведётся сделать в жизни, станет Афганистан.

Перед выходом в горы. Окраина Кабула

Лежавший на пути к нему Чирчикский учебный центр 467-го полка, куда после обучения в разведбате был направлен Сергей, не был обычной «учебкой». В режиме строжайшей секретности там готовили бойцов для подразделений специального назначения, иначе говоря, спецназовцев. Это означало, что вместо парадной кремлёвской брусчатки Сергея ожидало самое пекло афганской войны.

Они постигали минно-взрывное дело, навыки десантирования, работы со специальной разведывательной аппаратурой, спецсвязью и т.д. Сергеем, который с детства был неравнодушен к радиоэлектронике и активно посещал кружки научно-технического творчества, было интересно, новая наука давалась легко. С энтузиазмом изучал и различные виды оружия – сказывалось юношеское увлечение охотой и оружием. Стал одним из лучших учеников. У военного начальства на его счёт появились особые планы, и вновь судьба готова была отвернуть в сторону от пылающей уже совсем рядом войны. Но в те годы служить и защищать Родину ещё считалось делом чести...

– По окончании «учебки» каждого военнослужащего вызывали в штаб части и спрашивали, хочет ли он служить в Афганистане, – рассказывает Сергей Томшин. – Согласившийся расписывался в соответствующем документе, хотя можно было и отказаться. Однако в учебных частях тогда преобладал дух патриотизма, командного единства, отказаться от отправки в ДРА означало предать эти идеалы, запятнать себя позором. Из шести рот нашего батальона (около тысячи военнослужащих) отказался только один человек, во избежание инцидентов его сразу отправили в другую часть.

Когда очередь дошла до Сергея, командир батальона выложил напрямик: командование имеет на него виды, оставляет здесь, в части, готовить военнослужащих следующих призывов. Не задумываясь, Сергей ответил, что бросить свою роту не может, оставаться отказывается. Комбат резко оборвал молодого бойца, но затем, помолчав, открыл папку с его личным делом и сказал:

– Распишись и иди отсюда... наглец!

На выходе ждали сослуживцы.

– Ну что, остаёшься!?

– Остаюсь. С вами...

Хлопки по плечам, дружеские объятия... Этот момент единения, боевого братства Сергей запомнил на всю жизнь.

Парадная форма и её назначение

Когда перед отправкой им выдавали новое обмундирование и парадную форму, прапорщик на складе зло шутил:

– Это – чтоб было во что одеть солдата, когда пошлют на Родину в цинке!

Документы вручили прямо на взлётной полосе. Рядом с трапом уже разогревающего двигателя ТУ-154 стояли две улыбающиеся стюардессы, командир части и столик с кучей военных билетов. Боец, фамилию которого выкрикивал командир, выбежал из строя, получал военный билет, рукопожатие начальства и уходил по трапу самолёта – навстречу судьбе.

– Народу на рейс набралось очень много: тех, кому не досталось места, стюардессы рассаживали прямо в проходах, – рассказывает Сергей Владимирович. – Стоял февраль 1986 года, началась наиболее активная фаза боевых действий, и численность советского военного контингента в Афганистане наращивалась – с обычных ста тысяч человек до ста тридцати тысяч и более.

В качестве этого пополнения в длинных, так потом и не пригодившихся за всю службу шинелях, с рюкзаками за спиной (выдали сухой паёк на шесть суток) они ступили на афганскую землю, приземлившись через три часа в кабульском аэропорту.

Чужая страна встретила серым небом раннего утра, непривычно тёплым для февраля и ощутимо разреженным высокогорным воздухом, бесснежьем и пыльным ветром. По лётному полю бегали солдаты с оружием, в отдалении горел не то вертолёт, не то самолёт: позже выяснилось, что за несколько минут до посадки их борта аэропорт обстреляли моджахеды. Опасаясь нового обстрела, вновь прибывших быстро вывели с поля в убежище, а ТУ-154, ни секунды не мешкая, вырулил

на полосу и уже через пару минут снова был в воздухе. Кругами он набирал высоту над городом, и только когда превратился в маленький, уже недоступный «стингерам» крестик, лёг на обратный курс...

И ещё одно яркое впечатление от тех первых часов на афганской земле осталось в памяти – сам Кабул. Знакомый по коротким телерепортажам город Сергей увидел воочию – большой, преимущественно одноэтажный, застроенный глинобитными домиками, над которыми в утреннее небо поднимались печные дымы. Было в этом что-то средневековое... А вдали над городом и дымами плыли снежные вершины гор.

Очень скоро он узнал, какой коварной и опасной была их красота.

Охотники за караванами

Сразу по прилёте их разобрали кого куда. После отмены тревоги построили прямо на аэродроме, незнакомый майор-«покупатель» выкликнул фамилию Томшина одной из первых и, посадив вновь прибывшего в «уазик», тут же увёз в часть. Так Сергей попал в одно из самых секретных и элитных подразделений ОКСВА – 897-ю отдельную разведроту ВДВ при разведывательном управлении 40-й армии. Рота входила в непосредственное подчинение штаба армии под началом генерала армии Валентина Ивановича Варенникова, впоследствии за умелое управление штабом в ходе войсковых операций получившего звание Героя Советского Союза.

– Во всей армии такая рота была только одна, – вспоминает Сергей Владимирович. – Людей отбирали со всего Союза, очень тщательно. У нас были лучшие спецы – по холодному и огнестрельному оружию, рукопашному бою, минно-взрывному делу, разведке и диверсиям, специальной разведывательной аппаратуре и т.д. Это сегодня много разных спецназов, а тогда был только один – спецназ ВДВ-ГРУ. Конечно, высокая секретность – задавать лишние вопросы у нас не было принято. Когда уходили на дембель, давали подписку о неразглашении на 15 лет, даже награды нельзя было носить. Потом «на гражданке» нас ещё долго контролировали органы... Теперь всё в прошлом.

Сергея взяли в роту главным образом из-за проявленных ещё в «учебке» технических способностей и умения работать с различной аппаратурой. Сыграли роль и хорошие физические данные – в подразделении, выполнявшем разведывательно-диверсионные задания, они, так же, как и умение обращаться с любыми видами оружия и очень хорошо стрелять, были необходимы. В основном рота занималась поиском, блокированием и уничтожением идущих из Пакистана караванов с оружием, выслеживанием и уничтожением главарей банд и их подручных, выявлением связанных и их сетей, передачей дезинформации по передвижению воинских подразделений с целью заманивания банд в засады, вела связанную с этим активную разведывательную деятельность с широким применением всевозможных специальных технических средств.

– Например, по ущельям, на караванных тропах мы маскировали в камнях или закапывали в землю специальную аппаратуру, которая считывала информацию о количестве «проплывающего» мимо металла и передавала её в приёмный центр, – рассказывает Сергей Томшин. – Там эти данные обрабатывались, на их основе принимались оперативные решения. Кроме того, мы занимались диверсионной деятельностью, готовили душманам различные «сюрпризы» – подбрасывали на места боёв взрыватели для гранат мгновенного действия (взрыв без задержки на бросок), патроны с взрывателями внутри гильзы, от которых разрывало автомат, пулемёт или винтовку и калечило или убивало стрелка, и т.д.

Спецназовцы базировались в Тёплом Стане – крупной военной базе в пригороде Кабула, у самого подножия окружающих его гор. Гор, с которых потайными ущельями спускались в кабульскую котловину диверсионные группы моджахедов, где взрывались заминированные тропы и стреляли камни. В те годы, во второй половине восьмидесятых, было горячо уже в окрестностях самой столицы, и, даже находясь на территории хорошо охраняемого военного городка, где дислоцировалось множество частей, можно было попасть под обстрел и погибнуть от снайперской или шальной пули.

Отсюда, с базы, спецназовцы небольшими группами по 8–12 человек на БТРах, вертолётах и пешим порядком совершали боевые выходы в различные районы для выполнения тех или иных задач. Чтобы не обнаружить себя, в назначенную точку высаживались ночью, до рассвета быстрым марш-броском по горным тропам уходили как можно дальше, за 30–40 километров от места высадки, и приступали к выполнению задания. Основной зоной действия были провинция Кабул и соседняя, уже приграничная провинция Нангархар. Та самая Нангархар, через перевалы которой в страну вливался один из самых мощных потоков душманских формирований, подготовленных в пакистанских лагерях...

Лицо смерти

Говорят, первые впечатления – самые запоминающиеся. Одним из самых глубоких впечатлений Афганистана для Сергея стала первая встреча с человеческими страданиями и смертью.

– Это было на окраине Кабула, – вспоминает Сергей Владимирович. – Подошла колонна, с БТРа снимали тяжелораненого десантника из Баграмского парашютно-десантного полка, чтобы передать в госпиталь, а он уже умирал – сквозное пулевое ранение в живот. Он понимал, что умирает. Тогда я впервые увидел глаза человека, стоящего на пороге смерти.

Умирать в девятнадцать лет тяжело. Глаза парня были непередаваемые, Сергей увидел в них целую бездну, где были и протест, и обида, и отчаяние. Отчаяние человека, перед которым только что лежала большая, непрожитая жизнь, и который не понимает, почему эту жизнь у него вдруг отнимает какая-то неумолимая, неведомая сила. Не понимает и не может смириться...

Глядя в глаза умирающему, Сергей медленно осознал: вот она, смерть. Здесь, на войне, так же, как к этому парню, она может прийти и к нему... Это было невыносимо тяжёлое осознание, но надо было научиться с ним жить. И он начал вырабатывать в себе то, без чего не обойтись на войне, – готовность к смерти.

– А умереть можно было в любом месте и в любой момент, – рассказывает Сергей Томшин. –

После выписки из центрального госпиталя по ранению

Смерть висела над каждым, даже в военном городке, который обстреливали практически ежедневно. Особенно после обеда – это было железно. Душманы уже совсем близко подходили к крупным городам, устанавливали в окрестностях пусковые установки и вели обстрел, как правило, через горный массив, с помощью находившихся на горе корректировщиков.

Снаряды разрывались в столовых, на территории парка боевой техники, попадали в находившуюся рядом с жилым модулем роты дизельную электростанцию, перебивали силовые кабели... Можно было умереть во время приёма пищи или ночью во время сна, так и не поняв, от чего... Бойца из роты Сергея уби-

ло в палатке, где обедали несколько военнослужащих: залетевшая шальная пуля попала в шею, фонтан крови ударил прямо на стол. Через несколько секунд парень уже не дышал... А как-то ночью душманы вырезали секрет из четырёх человек, стоявший в охране на горе в нескольких сотнях метров от расположения частей. Когда в военном городке проиграли подъём и вышедшие на зарядку военнослужащие побежали утренний кросс, с горы по ним ударили два пулемёта. Стреляли прицельно, непрерывными очередями, в считанные секунды появились убитые и раненые.

– Такие секреты стояли на всех возвышенностях вокруг Тёплого Стана, – объясняет Сергей Владимирович.

– Ребята, видимо, уснули. «Духи» подкрались, вырезали всех четверых, дождалась утреннего подъёма и открыли огонь по городку. Поднялись наши вертолёты, обстреляли высоту, а когда туда подошли бойцы, душманов уже не было. Они расстреляли весь боекомплект и как в воду канули, растворились в горах.

Преодолеть этот страх постоянно присутствующей рядом смертельной опасности мог не каждый. Некоторые ломались, просили перевести их в Союз либо в другую, более «спокойную» часть. Но спокойных частей во всём стотридцатитысячном контингенте советских войск в Афганистане в те годы не было. И хотя страшно было умирать в девятнадцать лет на чужбине, но не выполнить приказ, поставить под угрозу жизнь товарищей по оружию было ещё страшнее.

Постепенно пришло понимание: бояться смерти на войне так же глупо, как и искать её.

Игры в прятки и сцены с переодеваниями

Выражение «военные будни» применительно к частям специального назначения, наверное, неуместно: обыденного и размеренного в «буднях» спецназовца мало. Сергей скоро втянулся в эту суровую и непредсказуемую, чем-то похожую на фантазмагорию, жизнь. Подразделения роты совершали разведыводы на подконтрольные моджахедам территории, устраивали засады, вступали в многочисленные боестолкновения с коварным, хорошо подготовленным врагом.

Борьба с караванами – дело сложное, требующее выдержки, хладнокровия и опыта. Караваны выслеживали, обнаруживали, брали в плен или уничтожали.

– Если душманы не сдавались, караван просто расстреливали, – рассказывает Сергей Томшин. – Завязывалась перестрелка, в которой мы, устроившие засаду, естественно, имели преимущество и, как правило, подавляли противника плотностью огня. Всё заканчивалось за несколько минут. Захваченное оружие и боеприпасы собирали в кучу, подрывали и уходили.

Однажды на рассвете, возвращаясь с одного из таких заданий и уже спускаясь с гор в кабульскую кот-

ловину, группа из 11 разведчиков неожиданно столкнулась с почти таким же по численности поднимавшимся по тропе навстречу отрядом душманов. «Духи» тоже возвращались с задания... В густом, как молоко, тумане с видимостью два-три метра встреча стала сюрпризом и для тех, и для других. Плюс ко всему, в тумане опасно стрелять – можно попасть в своих. А до кабульских окраин оставалось каких-нибудь три километра, разведчики уже предвкушали близкий отдых...

Всё решила короткая, в несколько секунд, рукопашная схватка, в ход пошли ножи. Правда, не обошлось без выстрелов: выскочивший прямо на Томшина душман уже передёрнул затвор автомата, но за доли секунды Сергей успел выхватить пистолет и выстрелить первым. Через мгновение сзади на него навалился другой моджахед... В итоге один разведчик получил ранение ножом, четыре или пять «духов» были уничтожены, остальные разбежались.

Такова была обстановка в окрестностях Кабула...

Но караваны с оружием и пешие диверсионные группы, конечно, не исчерпывали весь набор душманских «подарков». Афганская оппозиция и её зарубежные спонсоры были изобретательны: эффективной тактикой являлись, например, мобильные дозорно-диверсионные группы, передвигавшиеся на машинах. В основном наших – у моджахедов были и «Камазы», и «Татры», и много другой техники, которую они либо захватывали в боях, либо покупали за деньги. Ставили на крыши кабин крупнокалиберные пулемёты, формировали отряды из 3-4 машин – получалось нечто вроде небольших, очень маневренных и подвижных автобронепоездов. Такие группы передвигались по дорогам, устраивали засады, обстреливали советские военные и гражданские колонны, а когда их преследовали, быстро уходили в горы. Борьба с ними было непросто, но у разведчиков имелись специальные «технологии». Это были особенно дерзкие и рискованные операции, разрешение на которые командование давало неохотно.

– Один из нас заранее отращивал бороду, затем в назначенное время, где-нибудь под вечер, пере-

одевался в афганскую одежду, брал под халат АПСБ (автоматический пистолет Стечкина бесшумный) и выходил на обочину дороги, по которой, по нашей информации, должна была двигаться такая мобильная группа, – вспоминает Сергей Томшин. – Обычно выбирали место на подъёме, где машины идут медленнее. «Местный житель» махал подъезжавшим душманам, они притормаживали, он просил подвезти, вскакивал и ехал на подножке. Смаху отличить в этой ситуации немного знающего язык, загорелого, обросшего бородой русского от пуштуна или таджика – сложно. К тому же в роте были ребята из среднеазиатских республик, те же таджики, которые говорили на фарси.

Дальше сюжет раскручивался в жанре кинобоевика. Проехав некоторое время на подножке, «местный житель» доставал из под халата АПСБ, бесшумно ликвидировал сидевших в кабине, садился в неё и принимал руль. «Фишка» была в том, что в первой машине вместе с водителем обычно находился командир отряда с картой и радиостанцией, который вёл весь караван. Севший за руль разведчик ехал уже своим маршрутом и приводил ничего не подозревающих моджахедов в засаду. Метров за сто от точки «икс» он закреплял руль, прыгивал, а душманы попадали под шквальный огонь нескольких крупнокалиберных пулемётов. В считанные минуты всю банду крошили в крошку, от машин оставался дуршлаг...

Шестьдесят градусов в тени

Однако смертельной опасностью на афганской войне были не только душманские пули. Настоящим «оружием массового поражения», унёсшим множество жизней, являлись жара и болезни.

– Подцепить инфекцию было проще простого, – говорит Сергей Владимирович. – Попил из какого-нибудь ручья или арыка – и гепатит обеспечен. Были случаи, когда военнослужащие заболели тифом, малярией, даже холерой. А зимой в горах в условиях низких температур, высокой влажности и разреженности воздуха, при больших физических нагрузках, лёгкие требовали усиленной вентиляции, дыхание

становилось учащённым, из-за чего нередко наступало переохлаждение и воспаление лёгких.

Иногда выручал стрептоцид – несколько таблеток растворяли в воде, нагревали в котелке до кипения и дышали этим паром, давили инфекцию. Бывали случаи, когда во время боевых действий душманы выбрасывали белый флаг и высылали безоружного парламентаря, который предлагал поменять блок сигарет «Мальборо» на упаковку из 10 таблеток стрептоцида. К этому относились с пониманием, спокойно производили обмен. Такой «бартер» был актом гуманности: «непримиримые» – тоже люди и тоже болеют.

Ещё страшнее была жара, которая уже с мая становилась невыносимой.

– Легко можно было получить тепловой удар, нередко заканчивавшийся летальным исходом, – рассказывает Сергей Томшин. – Чаще всего это происходило при построении на плацу, когда температура воздуха в тени доходила до 60 градусов. Позже такие мероприятия в жаркие часы запретили.

Облегчение приносила драгоценная вода, которую в расположение части возили в прицепных бочках со скважины на окраине Кабула. Чтобы выстоять на посту два часа, часовой обливался с головы до ног, но через пятнадцать минут его одежда полностью высыхала. Так же быстро высыхали и намоченные водой простыни, которыми укрывались отдыхающие военнослужащие.

И вновь спасала солдатская смекалка. Рядом с расположением роты находилась кислородная станция, где кислород закачивали в баллоны для нужд центрального госпиталя. Разведчики договаривались с работниками станции, им наливали два ведра жидкого кислорода с температурой минус 170 градусов. С полными ведрами кипящего кислорода они бежали в свой жилой модуль, выливали кислород на пол и закрывали все окна. Пол мгновенно замерзал, наступала долгожданная прохлада, которая длилась 2-3 часа. В это время все находившиеся в модуле засыпали, а проснувшись, чувствовали себя полностью отдохнувшими – кислород, как известно, благотворно влияет на сон...

Особенно страшной жара была в горах, раскалённые камни излучали жар, как в сауне. Каждый боец обычно имел две литровых фляжки воды, и их надо было растягивать на несколько суток. Пили только по команде командиров, по глотку, чтобы смочить пересохший рот. Тяжелее всего приходилось заброшенным в горы со специальным заданием разведывательно-дозорным группам и отрядам спецназа, которые, чтобы не обнаружить себя, находились в автономном режиме без поддержки и снабжения до десяти и более суток. Иногда не видели воды по несколько дней. Когда их забирали с точек, у бойцов были выраженные признаки обезвоживания: с помощью товарищей они с трудом залезали в вертолёт и всё время полёта пили воду с перерывами на выкуривание сигареты.

– Они молчали, и только по следам слезинок на грязных лицах можно было догадываться, что пережили эти парни, – вспоминает Сергей Томшин. – Зрелище не для слабонервных. Лишь тот, кто сам прошёл через это, знает, что значит выжить в горах.

Герои и легенды

Для каждого, кто прошёл Афганистан, эти два года стали маленькой жизнью. Жизнь, которая, кроме боёв и походов, вместила ещё очень многое. Сергей Владимирович помнит воздушную лёгкость парящих в небе заснеженных горных вершин, зловещую красоту цветущих полей опиумного мака, пёстрые кабульские базары и шумные дуканы (по-нашему – магазин), оборванных, полуголодных афганских детей, целыми днями толкущихся возле воинских частей и выпрашивающих бакшиш. Помнит, как в короткие часы отдыха офицеры и старослужащие наперебой рассказывали, спорили о деталях восстания советских военнопленных в тюрьме Бодаберской крепости под пакистанским Пешаваром.

– Наши военнопленные разоружили охрану, выпустили заключённых и захватили всю крепость, – вспоминает Сергей Томшин. – Двое суток они держали оборону, до последней минуты верили, что придёт подмога. При штурме крепости под бомбовыми ударами все погибли. Для нас эти люди были

легендой, героями, примером несломленной воли и воинского духа русского солдата.

Таких примеров было много, рассказы о них передавались из уст в уста по всем частям и гарнизонам ОКСВА. Сергей Владимирович вспоминает, сколько разговоров ходило о бойце одной из пригородных кабульских частей, который пришёл в дукан и обнаружил при входе сложенное в пирамидку оружие. В самом дукане после делового совещания, распив чай и выкурив по кругу чилим (кальян) с гашишем, мирно дремали два десятка моджахедов. Не растерявшись, боец снял с автоматов все затворы, дал над головами спящих очередь из своего «калаша», заставил душманов подняться, разобрать оружие и повесить себе на шею. В таком виде он привёл банду в расположение своей части, где по моджахедам чуть было не открыли огонь обалдевшие от увиденного сослуживцы...

Запомнился Сергею Владимировичу и ещё один случай, произошедший на его глазах тем злополучным утром, когда в Тёплом Стане вырезали секрет боевого охранения. Пулемётный огонь стрелявших с горы душманов был таким плотным, что казалось – идёт крупный град. Появились убитые, много раненых. Началась паника, безоружные солдаты стали разбегаться, ища спасения от пуль. В самый критический момент из проезжавшего неподалёку «уазика» на ходу выскочил молодой лейтенант. На бегу сорвав с себя бронжилет, он укрыл им лежавшего на дороге раненого солдата, выхватил пистолет Макарова и, размахивая им, начал поднимать и выводить из зоны обстрела лежавших на земле солдат. Под ливнем пуль ему удалось вывести в безопасную низину первую группу – около сорока человек. Когда выводил вторую, получил сквозное ранение в бедро. Полуобездвиженный, прикрывая собой раненого бойца, пытался вытащить его из-под огня...

– Не помню имени этого лейтенанта, но для меня он навсегда остался образцом мужества и самоотверженности, – признаётся Сергей Томшин. – Через полгода я встретил его в центральном госпитале в Кабуле: он уже имел звание капитана и орден Красной Звезды.

Про Бен Ладена, Шахджойский батальон и однорукого душмана

Ветераны-«афганцы» знают: раны войны заживают на теле, но не заживают в душе.

– Конечно, за два года было всякое – и плохое, и хорошее, но в целом война – это тяжёлые воспоминания, – говорит Сергей Томшин. – Слишком много пришлось повидать её ужасов, средневековой жестокости, всё живо и больно по сей день. Это то, из-за чего многие наши ветераны так и не смогли найти себя в мирной жизни, сломались, покончили с собой.

Один из самых тяжёлых эпизодов истории афганского спецназа – гибель отряда Шахджойского батальона специального назначения. Батальон базировался неподалёку от роты Сергея, они участвовали в совместных операциях, многих погибших Сергей знал лично. В 1987 году в районе одного из кишлаков провинции Кабул группа шахджойцев из 11 человек устроила засаду, расстреляла автокараван с оружием. Уже смеркалось, и спуститься к оставшимся на дороге изрешечённым машинам для уничтожения оружия не рискнули, опасаясь возможной ловушки. Вызвали наутро подмогу. По каким-то причинам она не подошла, и командир принял решение действовать своими силами. Приблизившись к не подававшему признаков жизни каравану на 30-40 метров, спецназовцы неожиданно попали под шквальный огонь.

– Дело в том, что, когда в горах начиналась стрельба, во всех окрестных кишлаках били тревогу, – объясняет Сергей Томшин. – Практически в каждом из них находилось как минимум несколько душманов, которые по рации оперативно связывались с товарищами, вызывали подмогу, и все находившиеся в округе бандформирования очень быстро выдвигались в район боевых действий. Так случилось и в этот раз: ночью подошло около сотни так называемых «чёрных аистов» – боевиков элитных подразделений арабских наёмников, которые скрытно заняли позиции в машинах расстрелянного каравана и вокруг

него. Руководил ими не кто иной, как сам Бен Ладен. Не секрет, что именно он создал корпус «чёрных аистов» и командовал им в Афганистане.

Завязался бой, но силы были слишком неравными. Уничтожив более 60 моджахедов, все 11 спецназовцев погибли как герои. Кто-то, расстреляв боекомплект, поднимался и дорого отдавал свою жизнь в рукопашной схватке, кто-то, тяжело раненый, подрывал себя гранатой. Расстрелявших все патроны раненых спецназовцев «мирные» дехкане из местного кишлака добивали мотыгами...

– Девятая рота из одноимённого фильма в сравнении с этим просто бледнеет, – говорит Сергей Владимирович. – Но позже наши всё же отомстили – выследили этот отряд и большую его часть уничтожили. Ушли немногие, среди них и Бен Ладен...

Однако, пройдя через ужасы войны, через грязь, кровь и смерть товарищей, спецназовцы не иссушили свои сердца ненавистью.

– Я видел и другие стороны афганского народа, – подчёркивает Сергей Томшин. – Это свободолюбивый народ, который заслужил право быть свободным. Очень многие афганцы, особенно беднота, к «шурави» относились хорошо. Мы им здорово помогали – строили дороги, больницы, школы, лечили и прививали от болезней, готовили кадры и т.д. Они это ценили.

К тому же нередко «непримиримые» показывали примеры воинской доблести, вызывавшие уважение. На всю жизнь Сергею запомнился рейд по зачистке местности вдоль реки Лагар в окрестностях кишлака Мьяхейль недалеко от Кабула. В этом районе, где вдруг начала возрастать активность бандформирований, разведкой была замечена группа душманов до 30 человек с навьюченными животными. Были основания предполагать, что именно они обстреливали столицу реактивными снарядами. Командование приняло решение прочесать территорию силами разведотряда из 11 бойцов.

Разведчики двинулись вдоль реки по усеянной крупными камнями равнине, на которой вдали

На спецзадании под Джелалабадом. Лето 1987 года

темнел небольшой оазис. Приблизившись к нему, они заметили фигурки двух убегающих человек с оружием, по-видимому, дозорных. Фигурки быстро исчезли в кустах оазиса, через несколько минут оттуда ударили два пулемёта. Отряд был вынужден залечь за камнями, окопаться, открыть ответный огонь. Один пулемёт вскоре был подавлен, но второй не смолкал, бил очень точно и не давал поднять головы. И всё же, когда выстрелом из гранатомёта удалось попасть прямо в выложенную из камней бойницу, он стих.

Выждав несколько минут, перебежками разведчики стали приближаться к огненным точкам, но вдруг из бойницы вновь раздались очереди – уже автоматные. Был ранен снайпер отряда.

– В конце концов двумя выстрелами из гранатомётов огонь был подавлен, – вспоминает Сергей Томшин. – Возле бойниц мы нашли обоих убитых моджахедов. Один, с заклинившим разбитым пулемётом, скончался от ранения в голову, второй лежал без правой руки на автомате АК-47. Рядом с ним лежали его собственная оторванная рука, аккуратно завернутая в халат, и разорванный в клочья пулемёт РПК. Видимо, при прямом попадании в бойницу у моджахеда разбило пулемёт, оторвало руку. Он перемотал обрубком куском халата и продолжал бой, стреляя из автомата с левой руки, пока не кончились патроны, и он не потерял сознание от болевого шока и потери крови. Сражаясь до последнего, он, как оказалось, прикрывал отход основной банды, которая в это время успешно форсировала реку

и отошла в горы. Вдали мы увидели только быстро поднимавшиеся в горы фигурки моджахедов – их было уже не достать даже из СВД.

В кустах были обнаружены и уничтожены две пусковые установки реактивных снарядов, из которых обстреливали город, и другое оружие и боеприпасы. Отдавая дань уважения мужеству противника, командир отряда приказал похоронить убитых моджахедов как настоящих воинов. А Сергей ещё долго не мог забыть этого совсем молодого афганского парня, который с оторванной рукой продолжал бой и погиб, так и не сдавшись в плен...

«Афганский синдром»

Сергею повезло – он выжил, вернулся домой. Демобилизовавшись в 1987 году и прилетев в начале ноября в Томск, родную страну не узнал. Два года назад они, молодые призывники, уходили на войну под лозунги о том, что там, на внешних рубежах, они будут защищать Родину, великую державу, а вернулись в государство, где эту войну уже открыто называли агрессией. У них перед глазами ещё стояли лица погибших товарищей и зверства «непримиримых», а здесь, в мирной жизни, никогда не слышавшие свиста пуль люди бросали им в лицо: «Оккупанты!». Даже от обязанных защищать их интересы госчиновников можно было услышать: «Мы вас туда не посылали...».

Эта новая, встретившая на родной земле война была страшнее душманских «стингеров». Пережить её смогли далеко не все ветераны.

– У многих знакомых «афганцев», особенно инвалидов, были большие проблемы, душевные и семейные драмы, вплоть до суицида, – говорит Сергей Томшин. – Меня же спасла работа. Всю жизнь я был неравнодушен к технике, почти сразу после демобилизации устроился в НИИ полупроводниковых приборов наладчиком технологического оборудования. Постепенно приобщался к работе инженерно-конструкторской – она увлекала, давала возможность забыться. Женился, получил квартиру, у меня родился сын... В этих делах и заботах «афганский синдром» помаленьку отступал. О службе в

Афганистане старался никому не рассказывать. То, что я «афганец», на работе узнали только после того, как мой стаж в НИИ перевалил уже за десять лет.

«Афганский синдром» ушёл, но Афганистан остался. Гражданская работа Сергея стала как бы продолжением работы военной: в НИИПП занимались военной тематикой, в том числе хорошо ему знакомыми средствами радиоэлектронной борьбы (аппаратурой РЭБ). Там Сергей Владимирович прошёл путь от простого наладчика до ведущего инженера-конструктора, а затем, перейдя в образованное на базе ТУСУРа и организовавшее совместное производство с НИИПП инновационное предприятие НПФ «Микран, «дослужился» до должности главного специалиста. На его счету – десятки самостоятельных тем и уникальных разработок на уровне лучших мировых образцов, основным заказчиком которых было и остаётся Министерство обороны.

Работа общественная – тоже Афганистан. Уже много лет Сергей Томшин руководит Кировским отделением Томской региональной организации Российского Союза ветеранов Афганистана, является командиром Томского поискового отряда «Сибиряк», (структурное подразделение ТРО РСВА) – первого и пока единственного отряда в России, созданного при этой организации. Он работает со школами, проводит беседы и уроки мужества со старшеклассниками и т.д.

– Отдаю этому даже больше времени, чем основной работе, – признаётся Сергей Владимирович. – С поисковым отрядом, например, каждое лето в отпуск ездим в экспедиции, ищем и поднимаем останки солдат, погибших в Великую Отечественную и оставшихся незахороненными. Работаем в основном в Старорусском районе Новгородской области. Ещё раньше пришлось поработать в разных поисковых отрядах в Мурманской, Смоленской, Белгородской областях, в Белоруссии, на Украине... Как командир отряда и специалист по минно-взрывному делу я работаю с боеприпасами, обучаю молодёжь методам поиска и подъёма останков воинов, прыжкам с парашютом, обращению с боевым огнестрельным и холодным оружием, рукопашному бою и тому подобным вещам.

Они у меня – на уровне настоящей боевой единицы. В нашем отряде – не только рабочая молодёжь, но и люди опытные, ветераны боевых действий. Ведь поисковая работа – дело очень специфическое, нелёгкое, даже опасное, требующее специальных знаний и опыта. Это затягивает, бросить невозможно.

Как когда-то в горах Афганистана, Сергей Томшин и сегодня занимается неразорвавшимися снарядами и минами – с той лишь разницей, что на боевой взвод их поставили семьдесят с лишним лет назад. Обезвреженные его руками боеприпасы исчисляются тысячами, их можно найти в музеях Москвы и Старой Руссы, Новосибирска и Томска, других городов. Есть они и в музее при ТРО РСВА.

Это – судьба поколения. Войдя в жизнь сотен тысяч молодых парней в далёкие восьмидесятые, афганская война осталась в ней навсегда. Из прошлого она проросла в настоящее – напоминает о себе старыми ранами, по-прежнему снится ночами, невидимо, но властно управляет делами и поступками дня сегодняшнего. Она остаётся в жизни каждого ветерана, как афганские горы: вроде уже далеко ушёл от них по равнине лет, а оглянешься – они по-прежнему за спиной. Это горы, которые всегда с тобой...

Отвечая на вопросы юбилейной анкеты, разосланной ветеранам к 25-й годовщине вывода советских войск из Афганистана, Сергей Томшин написал: «Что дала война лично мне? Чувство выполненного долга перед Родиной и своей семьёй. Мы защищали свою Родину, интересы государства. В нашем роду воевали все мужчины. Отец после окончания Великой Отечественной дрался с остатками частей СС в лесах под Вильнюсом. Его отец, мой дед, прошёл всю войну, вернулся израненный и умер через несколько лет после Победы. Дед по материнской линии пропал без вести в боях под Ржевом в феврале сорок третьего. Прадед, герой Русско-японской войны и кавалер четырёх Георгиевских крестов, был одним из немногих выживших защитников Порт-Артура, до последнего державших крепость... А Афганистан достался нам, и это – подвиг нашего поколения...»

Валерий Владимирович Черкашин родился в 1952 году в посёлке Пospelиха Алтайского края. Отец был шофёром, мать – воспитатель детсада. В 1969 году окончил среднюю школу и поступил в Омское высшее общевойсковое командное дважды Краснознамённое училище имени М.В. Фрунзе. В 1973 году, после окончания училища, получил направление в город Чебаркуль, в одну из частей Уральского военного округа.

Служил в составе группы советских войск в Афганистане и участвовал в боевых действиях на протяжении 2 лет и 4 месяцев, с декабря 1981 по март 1984 г.

В 1987 году окончил общевойсковую военную академию имени М.В. Фрунзе. Служил в Вооружённых Силах СССР среднеазиатских республик (Киргизстан и Казахстан), затем в Сибирском военном округе.

С 1997 года председатель Томской областного Совета Российской оборонной спортивно-технической организации (ныне Региональное отделение ДОСААФ России).

Воинское звание: полковник запаса.

Награды: орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, боевые награды: орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги». Был контужен, ранений не имел.

Женат, имеет двух детей и двух внуков.

Горы не прощают ошибок

Крепкая часть

Когда в декабре 1979 года было принято важное политическое решение о вводе советских войск в Афганистан, я служил на Урале, в Свердловске, в составе 105-го полка, командовал мотострелковым батальоном. К тому времени я несколько лет прослужил в разных частях, получил некоторый армейский и чисто житейский опыт. Надо сказать, что после окончания военного училища я попал в учебную мотострелковую дивизию, где готовили военные кадры для ГСВГ — группы советских войск в Германии. Там была хорошая дисциплина, проводилась напряжённая боевая подготовка, у нас была самая современная по тем временам техника, скажем, боевая машина пехоты, которую только приняли на вооружение. Я готовил, в частности, наводчиков-операторов БМП: солдаты изучали боевую технику, вооружение и материальную часть, учились стрелять из пушки и пулемёта. В нашей учебной дивизии имела прекрасная база: войсковое стрельбище, автодром, ди-

ректорса для стрельбы из БМП, хорошо оборудованные учебные классы и лаборатории для практических работ.

Одним словом, мне повезло, я сразу попал в крепкую часть. А прослужив два года, получил направление в Свердловск, стал командовать ротой, и скажу откровенно: там оказались совершенно другие условия! Командовал я ротой сокращённого состава, особых занятий не проводили: утром построение, развод — и всё, не знаешь, чем дальше заняться. Я загрустил. Через два-три месяца вызывает меня начальник штаба полка и говорит: ты пришёл из учебной дивизии, знаешь боевую машину пехоты, другую военную технику, а наша разведрота переходит на новое штатное расписание, получает БМП. Так что давай-ка, парень, принимай разведроту! Она тоже была не до конца укомплектована, но там были командиры отделений, механики-водители и наводчики, и настрой у всех был один: заняться делом, боевой подготовкой. Год прослужил командиром разведывательной роты, потом началось переформирование

полка: из разных подразделений была сформирована развёрнутая рота, 75 человек. Меня вызвал командир полка: товарищ старший лейтенант, принимайте мотострелковую роту и командуйте — к тому времени я уже получил повышение в звании. Проконандовал ротой два года, стал начальником штаба батальона, а через три месяца, будучи старшим лейтенантом, — командиром батальона, и вот тут-то, буквально месяца через три-четыре, начались известные афганские события.

У афганской границы

Весь наш уральский полк перебросили в Среднюю Азию, в туркменский городок Кушка — в самую южную точку Советского Союза, недалеко от границы с Афганистаном. Меня направили туда командиром батальона в составе сводного мотострелкового полка. Поехали туда гражданским поездом, причём отправились одни офицеры и прапорщики, командиров отделений, механиков-водителей и наводчиков БМП набирали со

На операции. В руках знаменитый английский «Бур», трофей. 2 мая 1982 года

всего округа. В Кушке был сформирован 214-й мотострелковый полк. Батальон, которым я командовал, вначале состоял на 80 процентов из сержантов — рядовых почти не было, их взяли из учебных частей округа, они были командирами отделений, занимались боевой подготовкой с курсантами учебных подраз-

делений, механики тоже были достаточно опытные. Позднее из Приволжского военного округа прибыли к нам на рядовые должности мотострелки, снайперы, пулемётчики, а технику на комплектование батальона получили из Киевского военного округа: она шла эшелонами одновременно с поездом, на котором мы ехали на юг, в Кушку. Это было в феврале 1981 года.

В мае, когда полк окончательно сформировали, приехал командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Максимов и поставил задачу: в течение месяца подготовиться к переходу афганской границы. Началась усиленная боевая подготовка: маршброски, днём и ночью стрельба и вождение на полигоне, отработка тактических действий — в общем, всё как полагается. И тут пришёл новый приказ: отставить! — нас возвратили в Кушку, в место постоянной дислокации. Нам сказали: принято решение не отправлять наш полк в Афганистан, будем строить тут полигоны, заниматься боевой подготовкой и благоустройством. А в Кушке, надо добавить, мы расположились вместо 5-й мотострелковой дивизии, которую перебросили в Шиндант и Кандагар — центры одноимённых провинций в южной части Афганистана, но потом настал черёд отправиться туда и некоторым офицерам нашего полка. Где-то через год меня вызвали в штаб полка и предложили послужить в Афганистане комбатом, только не вместе со своим подразделением, а принять другой батальон. Я дал согласие, и уже через пару недель был получен приказ, мы пересекли границу и оказались на территории Афганистана, прибыли в Кабул. Там я получил новое назначение: стал командиром 3-го мотострелкового батальона 66-й отдельной бригады, которая дислоцировалась в Джелалабаде. Прокомандовал год, потом был переведён и назначен командиром отдельного мотострелкового батальона, который находился недалеко от Асадабада — это центр провинции Кунар, тоже довольно известный городок на востоке Афганистана, прослужил там комбатом год и два месяца.

Когда из Кушки уезжал, там оставалась семья, и я был вынужден отправить жену и детей в башкирский город Салават, к родителям жены; сыну было тогда 5

лет, а дочери всего четыре месяца. То есть родители жены знали, конечно, где я служу, а своим родителям я не говорил, да и не положено было распространяться на этот счёт. Газета Туркестанского военного округа, помню, скупно упоминая об Афганистане, писала: бойцы занимаются там боевой подготовкой, и ничего больше! Со стороны армейской цензуры требования были жёсткие, все письма вскрывали, некоторые места вычёркивали чёрной тушью, а если таких пятен оказывалось много, письмо вообще возвращали в часть, такое тоже случалось. По той же причине, кстати говоря, были определённые проблемы с доставкой тел погибших и их похоронами: печально известный «груз 200» в условиях строжайшей секретности надо было ведь отправить на родину погибшего солдата или офицера и предать там земле. Хотя потери в наших войсках, должен заметить, были относительно небольшими. Когда я приехал в Афганистан и стал там служить, немного осмотрелся, вник в ситуацию и понял: задачи, которые декларировали советские лидеры по наведению порядка в этой стране, раздираемой противоречиями, по созданию демократических основ в отсталом мусульманском государстве, это одно, а реальное положение дел — совсем другое. И главная наша задача, как командиров, — сберечь жизнь и здоровье солдат! Они ведь приходят с гражданки неподготовленные, совершенно «зелёные», и каждый думает: ну, меня точно минуют душманские осколки и пули — рядового Иванова или Сидорова могут убить, это да, а меня не должны. Ни в коем случае! А душманские пули-то не разбирали, кто там что думает, свистели вокруг днём и ночью.

Душманские пули

В Афганистане я служил командиром отдельного мотострелкового батальона, у нас было много задач, связанных с выходом в горы. Окопы, как в поле, там делать не будешь, но обеспечивать укрытия было необходимо; мы делали их из камней. Как рассветёт, душманы, засевшие в горах, начинали охоту: выслеживали наших солдат и стреляли. Возьмут на мушку того, кто на виду, выстрел — раненый. По возвращении

в часть начнёшь разбираться — оказывается, никакого укрытия там не было, солдат просто лежал, открытый для пуль. Снова собираешь роту, снова ставишь задачу: первым делом, попав в горы, необходимо оборудовать укрытие из камней, горы не прощают ошибок! Среди врагов много отличных стрелков, они умеют это делать хорошо, не нужно рисковать жизнью. Мои бойцы выслушают, согласятся, а потом другая рота идёт в горы — и та же история: ранения! Но погибало немного, повторяю: могу по пальцам пересчитать, кто из нашей части погиб за то время, когда я там служил, — и гибли-то в основном по безалаберности. Мы учили солдат, вбивали им в голову: помните, больше всего гибнут в первые и последние три месяца! Сначала по недисциплинированности и незнанию, а потом просто от того, что человек, заканчивая службу, расслаблялся: дескать, я тут уже всё знаю, всё умею, и вот таких тоже находили душманские пули.

Когда я командовал батальоном в Асадабаде, вначале боевых операций у нас было немного, но затем перед батальоном встали другие задачи: организовывать и проводить засадные действия, и нагрузка резко возросла. Обычно выходили в горы ночью, без техники, а это психологически сложно: когда знаешь, что рядом броня, которая сможет тебя защитить, всё-таки спокойнее на задании, а тут идёшь в горы налегке, техника остаётся за несколько километров, — а если завяжется бой, а если плохая видимость и смогут ли прилететь за нами вертолёты, ещё большой вопрос? Тяжело даже представить такое! Причём выходили в засаду иногда по два-три раза в неделю, не успевая как следует отдохнуть, благо, в батальоне три роты, менялись, и старшим группы назначались комбат или начальник штаба батальона, мы участвовали во всех операциях. Командир роты — всё-таки больше хозяйственник, а боевые задачи решали комбат и его заместитель. Попутно скажу, что существующая тогда армейская структура была слишком громоздка и неповоротлива, а потому плохо управляемая по сравнению с небольшими мобильными частями, которые стали формировать позже. Это тоже один из важных уроков Афганистана: старая полковая структура,

С афганцами из народной милиции в провинции Кунар, 1983 год

сохранившаяся с Великой Отечественной войны, своё отжила. Позже мы перешли на бригадную систему, и правильно, а надо было сделать это ещё тогда, в Афганистане: в локальных войнах, в условиях горных боевых действий, где применяется другое оружие и действует другая тактика, крупные соединения, такие, как дивизия, полк, мало применимы, при современных средствах их легко обнаружить и уничтожить. Тем более — в горах афганцы себя чувствуют как в своём доме, им знакомы каждый камень, каждая тропка, и когда наша рота выходила, помню, в засаду, нас без труда могли обнаружить в любую минуту. А что такое горы, объяснять не нужно: слева каменная стена, а справа ущелье и внизу бурная река, и с тропинки, если завяжется бой, некуда деться. Мы для них были враги, пришедшие на их землю

с оружием в руках, и они воевали методично, упорно: по сути, мы больше сражались с народом, хотя у афганцев были и регулярные части, а это уже совершенно другая война, говорю с полным убеждением.

Незыблемый закон

За время, что я служил в Афганистане, наш батальон участвовал в нескольких крупных операциях: операции в Кунарском, Тара-Борском ущельях, где действовали все наши армейские части вместе с десантниками. Командиром одного из парашютно-десантных батальонов там был, помню, Александр Солуянов, Герой Советского Союза, который дослужился потом до генерала, — нам довелось встретиться в Москве, когда учились вместе в академии. А воевать в горах нужно было уметь: горы

Кишлак Сурхруд, провинция Нангархар, 1982 год

требовали не только физической подготовки, но и знаний, навыков. Расскажу случай: как-то одна из моих рот высадилась в горах, а когда бойцы вернулись с задания, человек 25-30 свалились с воспалением лёгких: переохлаждение. Внизу стояла жара под 40 градусов, а наверху, в горах, куда роту высадили вертолёты, температура плюс десять. Для любого организма такой резкий перепад температуры опасен, и хотя мы предусмотрительно одели солдат в ватники, многие заболели. Или другой случай, тоже довольно характерный, когда мы говорим о боевых действиях в горах. Как-то мои бойцы вернулись из операции и сразу заболели желтухой, человек 50, если не больше. Чрезвычайное происшествие! Приехала из Кабула комиссия, чтобы разобраться, насели на меня: вы не обеспечиваете соблюдение сани-

тарных норм, которые предписывали пить специально приготовленную воду, не используете обеззараживающие таблетки, нарушаете правила! Но вот полковник, представитель военно-медицинской службы штаба армии, наш главный инфекционист, отправился с нами на операцию, а когда через четверо суток мы спустились с гор, он, как и все солдаты, бросился к питьевой воде и стал жадно пить. Я ему говорю: товарищ полковник, вы должны подавать пример, пить специально приготовленную воду, а он как зарычит: я пить хочу, понимаешь! Что уж говорить про солдат, хотя соответствующую работу в батальоне, мы, конечно, вели, разъясняли бойцам, что можно, а что нельзя. Местные жители не болели, они приспособились к климату и воде, а нашим солдатам приходилось беречься, — рассказываю это для того, чтобы ещё раз показать, в каких условиях приходилось жить и проводить боевые операции.

Хочу повторить: наша главная задача была сохранить здоровье и жизнь людей, защитить их, уберечь от опасности, — и нам это, по большому счёту, удавалось. Когда я командовал батальоном, под моим началом служило порядка 800 человек, большинство из них приходили после учебной части, не имея боевого опыта. Притом, что в учебке они проходили хорошую подготовку, а затем по прибытии в часть ещё три месяца осваивались, занимались дополнительно боевой подготовкой, много стреляли. Экипаж БМП так вообще, можно сказать, жил постоянно в машине: ели там и спали, осваивали боевую машину. Но первые три месяца новобранцев на задание не брали, это был незыблемый закон, на операции никто из них не ходил, даже если в части не хватало людей; как-то выкручивались, переводили солдат на время из других батальонов туда, где была нехватка. В чеченскую кампанию, в первую и вторую войну, это правило уже не работало, а тогда действовало неукоснительно. Самые существенные потери мы несли во время крупных операций, да и то больше из-за несогласованности действий, когда выбрасывали десант на неподготовленное место, а потом начинали спешно забирать бойцов, торопиться, совершать новые ошибки, — вот тогда да, были потери. Помню, после войны, будучи командиром

полка, я учился в Москве на курсах «Выстрел», а жена одного моего прапорщика написала в Министерство обороны письмо, речь шла о распределении жилья, очень большой вопрос. На письмо в министерстве отреагировали: вызвать сюда Черкашина! Потом узнали, что я, оказывается, рядом, у них под рукой. Вызвал меня на беседу главнокомандующих сухопутных войск генерал армии Варенников: где служил, в каких частях? — ну, я рассказываю о себе. А помнишь, в Афганистане, говорит, ты участвовал в операции, когда упал вертолёт и спасали военных советников? — так вот одним из советников был я, меня ты спасал тогда в горах! А я об этом, признаться, и не знал: такие операции были не столь уж редки.

Первую боевую награду, орден Красной Звезды, я получил в Джелалабаде, месяца через четыре после прибытия в Афганистан, в мае 1982 года, за организацию засадных действий. А медаль «За боевые заслуги» — в самом конце, в январе 1984 года, за участие в Кунарской операции. Боевых потерь среди душманов тогда было немного, но нам удалось захватить несколько складов с оружием и боеприпасами. Позже узнал, что был представлен ко второму ордену, Красного Знамени, но не получил. Офицеров, которые получали второй боевой орден, не имея ранения, были единицы. Ну а орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» я получил будучи командиром полка в Киргизии, в Туркестанском военном округе. Но это уже, как говорится, другая история.

Среднеазиатский округ

После службы в Афганистане меня направили в город Калинин принимать батальон — я был тогда молодым (31 год), полным сил и надежд, досрочно получил звание майора. Семья, естественно, отправилась со мной, жена и дети, сняли квартиру. Но служить не довелось: вызвал меня командир полка и говорит, мол, не спеши принимать батальон, ты зачислен слушателем военной академии, поедешь в Москву. Для меня это было новостью: рапорта я не подавал, да и, скажу откровенно, после Афганистана стал задумываться,

продолжать ли служить в армии, но, поразмыслив, решил всё же поехать в Москву. Три месяца прослужил в этой части, был начальником сборов офицеров запаса, которые проходили на базе нашей дивизии, потом отправился в академию имени Фрунзе. Начальник командного факультета генерал-лейтенант Мишагин при беседе со мной сказал: с учётом вашего опыта и боевых наград на время подготовки к экзаменам вы назначаетесь командиром группы, отвечающим за порядок. И добавляет: скажу сразу, у нас не было случая, чтобы командир группы не поступил в академию, а вы офицер перспективный, вам нужно расти.

В общем, благополучно поступил в академию, проучился, а по выпуску был назначен командиром полка в Среднеазиатский военный округ — сначала служил в Казахстане командиром 23-го мотострелкового полка имени 28 героев-панфиловцев, который входил в знаменитую 8-ю гвардейскую мотострелковую дивизию генерала Панфилова, где воевал под Москвой Герой Советского Союза политрук Василий Клочков, сказавший: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». Через год я был назначен командиром отдельного развёрнутого полка, командовал им три года, был аттестован на заместителя командира 201-й дивизии, стоявшей в Таджикистане. А потом начались события, связанные с развалом Советского Союза и наших доблестных Вооружённых Сил. Страна развалилась: заснул советским полковником, а проснулся киргизским, — наш полк вошёл в состав Вооружённых Сил этой страны, было создано Министерство обороны республики Киргизстан. И началась интересная — в кавычках — служба: офицеры уезжают в отпуск и почти все привозят отношения о переводе в Российскую армию, мало кто оставался служить. Вскоре в моём полку недокомплект офицеров составлял уже около 80 процентов! Приезжает министр обороны республики, генерал-майор Джанибек Умиталиев, я докладываю: товарищ генерал, состояние с кадрами критическое, офицеров нет. В зенитно-ракетном дивизионе, где военной техники на миллионы рублей, к примеру, осталось два лейтенанта, и оба киргизы, русским языком почти не владеют, — как быть? Он гово-

рит: бери, полковник, сварочную установку и заваривай хранилище с дорогостоящей техникой, и пусть стоит на консервации, а потом увидим, как быть. Вижу, дело кончится плохо: командир полка — должностное лицо, отвечающее за боеготовность, состояние кадров и техники, и вооружения! Поехал в Москву, а мне там говорят: везде тяжёлая ситуация, нам надо пристроить офицеров из Прибалтики, надо помочь тем, кто служит на Украине, их вынуждают принимать присягу этой стране. А в Средней Азии по сравнению с этим спокойно, так что возвращайся и служи на здоровье! Мне такой совет, конечно, не понравился; возвращаясь в свой полк, я заехал в Алма-Ату, а министром обороны Казахстана тогда был мой бывший командир, генерал-лейтенант Сагадат Нурмагамбетов. Он говорит: переходи к нам, с удовольствием возьму тебя на службу! Так я оказался заместителем командира дивизии в казахстанской армии и прослужил там два года. Но и в этой стране ситуация стала меняться: для нормальной службы требовалось знание казахского языка. В общем, я понял: пора возвращаться в Россию.

Приехал в Новосибирск, в штаб Сибирского военного округа, с начальником штаба округа удалось решить все вопросы перевода. Но это оказалось непросто: мой переход в округ тянулся около восьми месяцев, в конце концов мне предложили должность военного комиссара Томского района. Прослужил я в этой должности полтора года, затем был назначен заместителем военного комиссара области по призыву, а в марте 1997 года губернатор области предложил возглавить оборонную организацию — РОСТО, мне было тогда 45 лет, и вот с той поры уже 17 лет я руковожу этой организацией.

Переоценка событий

Сослуживцев, с которыми служил в Афганистане, не забываю, стараюсь поддерживать с ними отношения: созваниваемся, общаемся через интернет, но вот лично встретиться удаётся, к сожалению, нечасто. Многие остались на Украине, когда она получила независимость, с ними ещё труднее увидеться. Да к тому же последние события, связанные с вооружённым конфликтом на востоке Украины, не

способствуют взаимопониманию: мы видим ситуацию так, они совершенно иначе, и тем не менее я очень дорожу теми людьми, с которыми довелось когда-то служить, особенно в Афганистане.

В наши дни, когда с Афганской войны прошло четверть века, многие пытаются дать переоценку и политическим шагам советского руководства, и действиям военных. Но тогда нам и в голову не приходило сомневаться, правильно ли мы поступили, когда вошли в эту страну: мы получили приказ и стали его выполнять. Отношение у всех было одинаковое: ситуация потребовала военного вмешательства, и нам нужно было честно выполнить свой воинский долг, больше ничего! Скажу так: за те два с лишним года, что я прослужил в Афганистане, у меня в батальоне было всего два отказника. Прапорщик, который просто не мог преодолеть страх перед опасностью, — его отправили служить техником в хозяйственное подразделение, и один старший лейтенант, который пришёл к командиру роты и сказал: я отказываюсь выходить на боевые действия, не хочу воевать, я не для того родился, чтобы погибнуть за тысячи километров от дома, воюя с мусульманами непонятно за что. Сообщили командованию бригады, его сразу, в тот же день, убрали в Кабул, заменили другим офицером. Но ни один солдат срочной службы, ни один сержант не испугался и не сказал: отказываюсь воевать, даже разговоров таких не было: зачем и почему мы здесь? — просто служили и всё: надо, значит надо. Ну, и политработники проводили, конечно, работу, объясняли обстановку, которая на самом деле была непростая. Если бы мы не вошли в эту страну, свои военные базы очень быстро там развернули бы американцы. Нам и тогда это было понятно, и сегодня не вызывает сомнений, а значит, разговоры о том, нужно ли было входить в Афганистан, не вполне, мне кажется, уместны.

Так получилось, что мне и другим моим сослуживцам выпало прослужить там какое-то время, и об этом не нужно жалеть: так уж распорядилась судьба, а мы делали всё, чтобы решать поставленные перед нами задачи как можно лучше, и с меньшими людскими потерями. Согласитесь, это тоже немало.

Николай Васильевич Шамин – член президиума Томской региональной организации ООО «Российский Союз ветеранов Афганистана», председатель Ленинского отделения ТРО РСВА. Родился в 1960 году в Казахстане. В Томской области живёт с 1962 года, с перерывом на срочную службу, которую проходил в рядах ограниченного контингента советских войск в Афганистане с весны 1980-го по осень 1981 года. Выпускник Томского государственного пединститута, более четверти века посвятил воспитанию детей.

Награждён медалью «За отвагу».

Помни корни свои

Николай Васильевич – из поколения мирного времени. Но о войне с малых лет знает многое, и не только из фильмов и книг. Участником Великой Отечественной был его дед по материнской линии, умерший от последствий тяжёлых ранений в 1949-м, задолго до рождения внука Коли. В семье свято чтит о нём память, храня как дорогую реликвию его фронтовые письма и многочисленные награды.

Уроки патриотизма впитывались и на примере родителей, выросших в Каргасокском районе. В военное лихолетье отец в совсем ещё юном возрасте валил лес, делал ружболванку – деревянные приклады для винтовок и автоматов. Мать взяла для красноармейцев тёплые вещи, наравне со взрослыми заготавливала орехи и прочие дары сибирской природы, отправляемые на фронт. Оба ещё подростками были награждены медалями за доблестный труд.

Не гнушались тяжёлой работы и потом, прививая трудолюбие дочерям и сыну. Николай у них четвёр-

тый по счёту ребёнок, последыш, родившийся после трёх девочек. Появился на свет на станции Чиили под городом Чимкентом, практически в поезде, когда жившие в ту пору в Казахстане родители ехали по неотложным хозяйственным делам.

Года через два семейство перебралось в Кожевниково, где и прошло детство мальчика. Няnek у него хватало, однако сестрицы не баловали. Особенно были строги насчёт учёбы. Наряду с общеобразовательной школой он учился в «музыкалке», куда пошёл по стопам старших сестёр. Музыка ему давалась легко. Сказывалась наследственная природная одарённость. Не обладая нотной грамотой, мама хорошо пела, отец самоучкой освоил балалайку. Эти простые работающие люди всячески поощряли творческие способности своих детей, не скупясь на довольно ощутимые расходы. Чтобы купить баян, пришлось продать быка и корову. Разве можно было не оправдать их ожиданий?!

Учился Коля у талантливого преподавателя-баяниста Владимира Ивановича Воронова, по совету которого, окончив восемь классов, поступил в Томское музыкальное училище. Пареньку едва исполнилось четырнадцать, а уже надо было привыкать к самостоятельности. Из дома помогали и продуктами, и деньгами, но и сам он стремился заработать копейку, благо будущая профессия позволяла. Вместе с сокурсниками «калымил» на свадьбах и других торжествах.

Получив диплом, решил продолжить образование в Алтайском институте культуры. А на втором курсе осенью 1979-го был призван в армию. Чуть позже грянула афганская война, куда командир отделения командно-штабных машин ефрейтор Николай Шамин попал во втором эшелоне, пройдя полугодичную подготовку в «учебке» воздушно-десантных войск в Литве. Из всей роты в Афганистан направили лишь двоих, его и ещё одного парня. Сначала их привезли в Фергану, где прибывшая из разных регионов СССР партия новобранцев

должна была за десять дней экипироваться и адаптироваться перед тем, как отправиться на смену первым советским бойцам, штурмовавшим дворец Амина.

Осваиваться в незнакомой стране приходилось спонтанно. Сразу получили оружие, и началась круговерть. Попервости сильно мучила жажда. В апреле солнце там жарило вовсю, и очень хотелось пить. Весьма непритязательными были и другие бытовые условия.

– В роте мы фактически не находились, и на постелях не спали. Жили прямо в машинах, – вспоминает Николай Васильевич.

Служил он в 345-м отдельном Гвардейском Краснознаменном ордена Суворова II степени парашютно-десантном полку специального назначения, подчинявшемся непосредственно министру обороны СССР. Этот один из самых воюющих в афганской войне полк занимался реализацией разведанных, блокированием и охраной автодорог, зачисткой кишлаков и горных районов, устраивал засады, проводил разведывательные рейды, оказывал поддержку подразделениям Царандоя. Выполнил и другие важные функции. В том числе охранял аэродром Баграм – крупнейший аэропорт и военно-воздушную базу ВВС Советского Союза в ста километрах от Кабула. Наряду с этими первостепенными задачами как основная единица участвовал в боевых операциях, выкуривая душманов из окрестностей.

Родители и не ведали, где находится их сын. Всё ведь было засекречено. Позволялось афишировать только номер полевой почвы – п/п 53701. Когда разрешили писать домой, Николай ограничивался скупыми общими фразами: дескать, служба идёт нормально, но приходится часто ездить в командировки.

А война тут велась почти непрерывно, менялась лишь степень интенсивности. Изредка случались кратковременные затишья сезонного характера – на полторы-две недели, когда из-за снегопада «духи» спускались с гор вниз. Вообще же постоянно надо было быть начеку.

В напряжённом ритме жило и подразделение Н. Шамина – первый взвод первой роты первого батальона полка, десять человек которого поочередно

несли двенадцатичасовое дежурство, обеспечивая бесперебойную связь.

За промелькнувшие стремглав первые полгода Николай поучаствовал в нескольких боевых вылазках. Затем его назначили ответственным за всю связь, которая не должна была прерываться ни на секунду. Тогда он намотал вокруг аэродрома сотни кругов. И пешком ходил, и ездил. Нагружал рюкзак запасными станциями и батарейками – и вперёд! При этом здорово рисковал. А в последние восемь месяцев службы принимал участие в больших совместных операциях, проводимых при поддержке авиации.

– Прочёсывали долину в провинции Парван в районе развязки Чарикар, откуда расходились транспортные пути на Кабул, Баграм, СССР. Там была зелёная зона – удобное место для засад. Непрерывно велись обстрелы. Всё время свистели пули. Осколки долетали до нас даже когда бандиты устраивали разборки между собой, – рассказывает Николай. – Ключевой по-прежнему оставалась охрана аэродрома. Находясь в «секретах», мы выдвигались вглубь территории, ближе к кишлакам. Рыли окопы, закреплялись на скрытых позициях, чтобы отразить внезапное нападение врага. Вокруг вся местность была нами полностью прострелена.

Николая постоянно «дёргали» на операции, во время которых он обеспечивал оперативную связь с командованием со спецмашины «Сорока» и с обычной станции. Довелось много лазать по горам с солидным грузом. В бою, конечно, всем тяжело. Но если другие солдаты несут на себе боеприпасы, оружие, сухпаёк, то связисту кроме того надо таскать довольно тяжёлую аппаратуру, которая вместе с запасными батареями весила под двадцать килограммов.

Официальный позывной у Шамина был «Бизон-33», а негласный – «Маэстро». С музыкой он не расставался и в армии. Сначала из подручных материалов склеил гитару. Потом отремонтировал привезённый кем-то старый баян. Песни пели не только по праздникам и дням рождения, но и в редкие часы досуга, чтобы поднять настроение, когда

У арыка. Баграм, 1981 год

подступала тоска. Кстати, 345-й полк прославился ещё и тем, что был самым поющим. Именно здесь родился знаменитый ансамбль «Голубые береты».

Через год в роте появились ребята из той же литовской «учебки», служившие прежде в других частях. Они шли на замену заболевшим и погибшим, так что причин для грусти хватало.

– Доводилось видеть всякое: и смерть, и кровь, – кратко говорит по этому поводу Николай Васильевич.

Сам он тоже ходил по лезвию бритвы. В него неоднократно прицельно стреляли. Камни рикошетом летели в лицо, но пуля не задела ни разу.

Один из таких эпизодов врезался в память. Однажды батальон Николая отправился на выруч-

На окраине аэродрома. Баграм, 1981 год

ку мотострелкового полка. Добирались несколько часов. Когда пришли, увидели тревожную картину. Справа – отвесная скала, слева – река, а на мостике через неё горят пять советских танков. Там уже началась паника. Душманы методично расстреливали наших бойцов с высоты. Было много убитых и раненых, а «вертушка» никак не могла приземлиться, чтобы их забрать. В результате вертолёт сел далеко, да ещё попал под обстрел. Наконец мотострелкам удалось стронуться, а пока десантники занимали оборону, «духи» успели перегруппироваться и полезли буквально из всех щелей. Комбат по радиации приказал отступить. Иначе бы всех положили – слишком невыгодная была позиция: противник –

вверху, а наши – внизу, просматриваемые как на ладони, несмотря на надвигающиеся сумерки.

Колонна благополучно ушла, и задачу батальон выполнил, однако решил повоевать, не рассчитав свои силы. Душманов оказалось гораздо больше, да к тому же это была диверсионная группа. Отличавшиеся особой злобой «чернорубашечники» не давали головы поднять.

Николай вместе с товарищем прикрывал отход батальона, вызывая огонь на себя. Долго полз по ручью, направляя на неприятеля пулемётную очередь. Потом выбравшиеся в относительно безопасную зону сослуживцы прикрывали их, пока они не запрыгнули в стоящий «под парами» БМД.

– Бывали передряги и покруче, но, к счастью, всегда обходилось благополучно. Где-то выручало чутьё, где-то – осторожность. Да и ангел-хранитель, видимо, меня не покидал, – объясняет своё везение Н. Шамин.

Последние три месяца перед демобилизацией он провёл в дежурном взводе – «летучем отряде», за которым были закреплены три боевые машины на аэродромовском КПП. Находились при них неотлучно, дабы – ночь-полночь – моментально отреагировать на начавшуюся поблизости стрельбу. Контролировали ситуацию, если вдруг с кем-то пропадала связь. Сопровождали колонны с боеприпасами и продуктами. Без необходимости в бой не ввязывались, но всегда были готовы отразить натиск врага. По сути это была чётко отлаженная работа, требующая молниеносной готовности. Поэтому когда выдавались хотя бы минуты для сна, мозг отключался мгновенно.

Служил Николай на совесть, о чём свидетельствуют поощрения: оказанная дважды честь сфотографироваться у полкового знамени, благодарственное письмо командования на родину, нагрудный знак «За отличие в воинской службе», к которому он был представлен, но так и не получил. Время тогда было скупое на награды, в основном их давали посмертно. Редко кому из солдат вручали медали там, в Афганистане.

Вот и Николая Васильевича медаль «За отвагу» догнала уже на гражданке. Демобилизовался он поздней осенью 1981-го. В Томск, куда на тот момент перебрались родители, приехал 27 ноября. Устроился в Дом пионеров руководителем кружка народных инструментов. С тех пор и по сей день работает с детьми. Не прерывал этого даже в годы учёбы в Томском пединституте, поступив в 1982 году на факультет русского языка и литературы. Участь на дневном отделении, организовывал на предприятиях художественную самодеятельность, приобщал к творчеству юношество. Создал ансамбль ложкарей из воспитанников четвёртого детского дома города Томска. Продумал костюмы, реквизит. Пацаны с удовольствием бежали на репетиции и концерты. Одна беда: деревянные ложки часто ломались, не выдерживая их молодецкой уда-

ли. Сначала выручал отец Николая – отменный столяр. Затем он обратился к заводским умельцам Сибэлектромотора, которые изготовили прочные инструменты, издававшие звонкие звуки.

О военном прошлом не распространялся. Одноклассники узнали об этом случайно. В конце первого курса ректор вуза М.Г. Николаев прямо с лекции вызвал его к себе. Зайдя в кабинет, он увидел там всё институтское начальство и представителей военкомата. Сразу мелькнула мысль: «В чём проштрафился?». Тут Михаил Григорьевич зачитал: «Указом Президиума Верховного Совета СССР награждается...» – и вручил медаль. А немного помедлив, сказал: «Нет, что-то не так». Повёл Николая в аудиторию и повторил процедуру при студентах.

– Мне эту награду вручали ещё несколько раз – в кинотеатрах «Родина», «Ивана Черных»... Нужно было держать ответную речь, а ни о чём говорить то нельзя. Рассказывал про погоду, природу, про то да сё... Одним словом, выкручивался, – улыбается Николай Васильевич.

Однажды десантники – ветераны Великой Отечественной – пригласили его на свою встречу, прознав, что он поёт и играет на баяне. Николай буквально заразился позитивной энергией этих активных, дружных, жизнелюбивых людей. На Заводе резиновой обуви у них был Музей славы. Там имелись музыкальные инструменты, и студент-филолог сколотил заводской ВИА. Начал привлекать окрестную ребятню, в чём проявилась его педагогическая жилка.

Потом и комсомольцы обратили на Шамина внимание, частенько предлагали подработку. Был он и хударком, и воспитателем в общежитии, совмещая это с очной учёбой.

После окончания института в 1986 году намеревался учительствовать. Мог поехать директором в одну из сельских школ области. Но на распределении секретарь горкома ВЛКСМ предложил ему возглавить «Республику бодрых» при томском ДОСААФе. Этот военно-патриотический подростковый клуб с богатыми традициями находился тогда далеко не в

цветущем состоянии. А уже пошла волна – привлекать к патриотической работе участников боевых действий в Афганистане, вдыхая в устоявшуюся форму новое содержание. Делалось всё сообща: комсомол «рулил», ДОСААФ обеспечивал материальную базу, горно брало на себя финансирование.

Несмотря на солидное подспорье, начинать Николаю пришлось практически с нуля: с набора штатов, ремонта помещения, под которое выделили пятикомнатную квартиру в жилом доме на улице Олега Кошевого, где были только голые стены. Оформили его руководителем патриотического кружка Дворца пионеров – и делай что хочешь. Особых требований пока тоже не предъявляли, однако он без промедления взялся за работу, приобщая сторонников: комсомольских активистов, МЖКовцев. Стучался во все двери, чтобы достать гвозди, доски, краску и т.п. Было непросто, но под его напором вопросы сдвигались. Вскоре у клуба появилось своё обустроенное место, где могли общаться между собой также и воины-афганцы.

Взаимодействовать с ними Н. Шамин стал ещё раньше, с 1982 года. Опять же с подачи горкома комсомола, выступившего в роли объединяющего звена. Из Афганистана уже возвращались инвалиды, которые шли сюда решать свои житейские проблемы. В 1984-м государство ввело льготы, ослабило цензуру, разрешив говорить о той войне. На этом фоне, как грибы после дождя, стали появляться оборонно-спортивные клубы. За короткий период в Томской области их было создано 36. «Афганцы» пошли к детям, полагая своим гражданским долгом воспитать достойную смену. У кого-то это получилось, у кого-то нет, но дело было, безусловно, очень нужным и полезным.

«Республика бодрых» справедливо считалась одним из лучших клубов в Советском Союзе. О нём даже был снят документальный фильм, который показывали во многих кинотеатрах страны.

За опытом к Шамину приезжали из Москвы, Белоруссии, Украины и других республик. Он охотно делился навыками, хотя сам учился на ходу. Сна-

чала собирал детвору по подвалам окраин Томска (районов «Берлин», «Лондон», «Восточка»), потом уже без всякой агитации в клуб сотнями пошли подростки со всего города.

– У нас царила железная дисциплина. На кон ставился прыжок с парашютом, что являлось мощным, безотказным стимулом. Благодаря доверительным отношениям с руководством городского авиаспортклуба, каждый из ребят ежемесячно мог сделать по одному прыжку, а летом – и чаще. Отстранение ими рассматривалось как суровое наказание, ведь уже развернулось соревнование, кто больше прыгнет. А надо сказать, что отличников и паинок среди «республиканцев» не наблюдалось. В основном подбирался ершистый народ. Без мелких конфликтов не обходилось, но не было ни одного случая воровства либо какого-то другого правонарушения, – констатирует Николай Васильевич.

Не приходилось ему краснеть за воспитанников и вне клуба. Из двух с лишним тысяч прошедших через «Республику бодрых» при Шамине детей, может, лишь двое-трое имеют судимость. Абсолютное большинство прочно вставали на правильный путь, приобщались к спорту, подтягивались в учёбе на радость родителям и учителям. Некоторые парни после школы поступали в военные училища, выдерживая огромный конкурс. Никто не уклонился от армии. Есть и такие, кому довелось служить в «горячих точках». Многие успешно работают в силовых структурах и правоохранительных органах. Встречаясь сегодня со своим наставником, неизменно благодарят его за то, что помог выковать характер, приучил к ответственности и самостоятельности.

Все они с неизменной теплотой вспоминают летний палаточный лагерь, где на сто десять мальчишек и девчонок из взрослых неотлучно находился только Николай Васильевич, который должен был всё организовать и проконтролировать, – от обустройства быта до культурной программы. Жили коммуной, сами готовили еду, что при тогдашнем дефиците было совсем нелегко. В соседней деревне

Депутат Николай Шамин на сессии Верховного Совета.
С трижды Героем Советского Союза Иваном Кожедубом

подражались колоть дрова, косить сено, получая взамен картошку, варенье, молоко.

От нарядов по кухне никто не отлынивал. Как и от многочасовой физподготовки, оттачивания приёмов рукопашного боя и самообороны, навыков обращения с оружием (на деревянных макетах). Периодически делались выброски «десанта». Наиболее опытные ребята, имевшие по двадцать-тридцать прыжков, пробежав с полной боевой выкладкой марш-бросок в десять километров, ранним утром «нападали» на лагерь. Остальные должны были отразить атаку. А какие костры разводились по вечерам! Сколько спето песен, сколько было откровенных, душевных разговоров!

Самым ярким и насыщенным считает тот период и Николай Шамин, которого в 1989 году коллектив ДОСААФ выдвинул в народные депутаты СССР от Томской области.

О своём депутатстве он говорит неохотно, утверждая, что ничего хорошего это ему не принесло.

– Я был и остаюсь патриотом. Раз сказали – значит, надо, – объясняет он причину своего хождения во власть. – А потом попал под лемеха, хотя политики старался не касаться. Занимался организацией гуманитарной помощи, выполнял другие задания. Делал это не для проформы, а чтобы кому-то реально помочь. В Верховном Совете подружился с замечательными людьми: трижды Героем Советского Союза, знаменитым лётчиком-асом Иваном Никитовичем Кожедубом, командующим объединёнными силами стран Варшавского договора Петром Георгиевичем Лушевым. За это, конечно, спасибо судьбе. Вообще же те несколько лет пролетели в бесконечной суматохе. Беспеременно мотался в Москву на сессии, заседания комитетов. А душа болела за клуб. У нас уже строился новый лагерь, куда были вложены немалые деньги. Но довести дело до логического завершения не удалось. Наступили другие времена, про афганцев, как и про всю армию, стали говорить всякие гадости. Я это сильно переживал, пропуская через сердце и нервы. Тогда и начал сесть.

Обидно было и за то, что его «подсидели» в клубе, хотя по закону за депутатом сохранялось рабочее место. Отстаивать свою правоту он счёл ниже человеческого достоинства, согласившись возглавить оздоровительный лагерь «Восход» в селе Калтай. И вновь окунулся в привычную среду, тем более, что и тут всё пришлось восстанавливать по крупицам. В постоянных делах и заботах промелькнуло восемнадцать лет...

В настоящий момент Николай Васильевич работает педагогом-организатором ОБЖ в школе-интернате №1 города Томска, совмещая преподавание с классным руководством. Его подопечные – шестиклассники, самый что ни на есть беспокойный возраст.

– С ними не соскучишься. Очень хлопотно, – признаётся Н. Шамин. – Но от детей всегда идёт позитивная энергетика, что мне нравится. Когда рассказываю про Афганистан, умолкают даже отчаянные сорвиголовы. Молодёжь это по-прежнему «цепляет». Значит, зароненные в их души зёрна в будущем прорастут добрыми всходами.

А ещё он с 2004 года является председателем Ленинского отделения ТРО РСВА, которое фактически и создал, когда из городского совета ветеранов-интернационалистов были выделены районные структуры.

Сейчас вся деятельность упорядочена. Все, кто о себе заявил, вошли в состав организации, получили соответствующие удостоверения, наделены законными правами. У объединения имеется собственное помещение, материальная база и весьма обширный план работы. Есть и сплочённый костяк – человек десять-пятнадцать, которые уже втянулись и продолжат эстафету дальше.

Сделано немало. И главное: увековечена память всех томичей, погибших в Афганистане, Чечне, в других локальных войнах. На школах, где они учились, установлены мемориальные доски из чёрного мрамора.

– Теперь есть куда цветы положить, от чего оттолкнуться в разговоре. В каждой школе появились свои небольшие музеи. Мы передаём им какие-то экспонаты, сокровенные вещи: фотографии, рисунки, солдатскую форму и т.д. Придут сюда дети – посмотрят, глазом зацепятся, что-то у них отложится в голове. Так и формируется память. Сейчас разворачиваем патриотическую работу чуть шире. Усиливаем общение с ветеранами Великой Отечественной войны, из которых в живых остались считанные единицы. Также тесно общаемся с подрастающим поколением. Проводим соревнования, конкурсы строя и песни, игру «Зарница», уроки мужества и т.д. Надежду вселяет то, что после длительного перерыва сегодня этому придаётся значение на государственном уровне. А изобретать ничего не надо. Нужно только возродить то хорошее, что делалось раньше, во второй половине восьмидесятых, когда это движение переживало настоящий подъём, – считает Николай Шамин.

По его глубокому убеждению, очень важно сохранить преемственность, чтобы любовь к Родине для молодёжи была не красивой фразой, а осознанным смыслом жизни, как у наших дедов и отцов, у тех, кто позже выполнял интернациональный долг в «горячих точках». Это и будет для россиян лучшей духовной скрепой.

Время выбрало нас

Выпуск 2

25-летию вывода советских войск из Афганистана посвящается

Над книгой работали журналисты:

С.П. Анисимова,
Д.А. Иванов,
О.В. Смирнова,
С.Ю. Чернозубенко,
А.В. Шефер,
В.Д. Юшковский

Фотографии из семейных архивов предоставили:

С.Н. Бабовский
И.Н. Бачиш
В.М. Васильев
О.В. Декин
С.А. Дорохин
И.П. Киселёв
С.А. Кобзарев
А.Д. Кондратьев
В.А. Кошкоров
А.В. Куценко
Д.А. Максимихин
С.И. Мясников
А.В. Наумов
А.А. Никифоров
Ю.В. Панов
В.Н. Петров
В.А. Прытков
А.В. Разумов
А.С. Родиков
А.А. Саиспаев
А.В. Сорока
С.В. Томшин
В.В. Черкашин
Н.В. Шамин

В книге использованы материалы Томской региональной организации Российского Союза ветеранов Афганистана и сайта <http://maimana-1.ucoz.ru/>

Главный редактор В.К. Кравченко.
Составитель А.И. Востягин.
Выпускающий редактор Т.Н. Прилепских.
Верстка Е.Л. Нечаев.
Специальные съёмки: В.В. Бобрецов, А.В. Кунгуров.
Корректор И.А. Сердюк

ООО «ИД Томский потенциал», 634009, Томск, пр. Ленина, 163, тел. (3822)25-19-42, e-mail: sibnedra@sibmail.com

Отпечатано ООО «Печатный дом – Новосибирск»,
630084, Новосибирск, ул. Лазарева, 33/1. Заказ № 47. Тираж 500 экз. Подписано в печать 16.03.2016. Выход в свет 15.04.2016

Время выбрало нас

ВЫПУСК 2

**25-летию вывода советских войск
из Афганистана посвящается**

Эта книга состоит из очерков, которые написаны по непосредственным рассказам членов клуба «афганцев» – солдат и офицеров, принявших участие в военных действиях на территории Афганистана в 1979 – 1989 годах. Текст проиллюстрирован фотографиями, предоставленными ветеранами, а также из опубликованных на сайтах РСВА.

Книга издана к 25-летию вывода Советской Армии из Афганистана и к 10-летию деятельности клуба.